

Дж. Даррелл

По всему свету

Поймайте мне колобуса

Annotation

Очередная книга Джеральда Даррелла, в которой он рассказывает о своих экспедициях. Животные и люди экзотических стран; юмор и серьезные проблемы охраны природы — все это есть в его книгах...

- [Джеральд Даррелл](#)
 - [Вступление](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Джеральд Даррелл По всему свету

Посвящается Айлин Молони в память о записях до поздней ночи, о глубоких вздохах и чересчур пространных дикторских объявлениях

Вступление

За прошедшие девять лет я руководил экспедициями в разные концы света, отловил множество занимательных тварей, женился, переболел малярией, написал несколько книг, а в промежутках между всеми этими делами выступал по радио с рассказами о мире животных. После каждой радиопередачи мне присылали письма с просьбой прислать копию текста. Проще всего было собрать все тексты в одной книге, что я и сделал.

Если передачи понравились слушателям, то это всецело заслуга моих режиссеров, и прежде всего мисс Айлин Молони, которой посвящена эта книга. Никогда не забуду ее терпение и такт во время репетиций. Не могу я чувствовать себя непринужденно в мерзкой зеленой студии, где микрофон плотоядно тарашится на тебя со стола, будто какое-нибудь марсианское чудище. И на долю Айлин выпадала незавидная обязанность бороться с дефектами чтения, вызванными моей нервозностью. С удовольствием вспоминаю ее голос в динамике и замечания вроде следующего: «Отлично, Джеральд, но только при такой скорости ты уложишься в пять минут вместо пятнадцати». Или: «Попытайся говорить немножечко теплее, ладно? А то можно подумать, что ты ненавидишь животных... и, пожалуйста, не вздыхай так, когда начинаешь... от твоего вздоха чуть микрофон не слетел со стола, и ты не представляешь себе, как скорбно он прозвучал». Бедняжка Айлин изрядно помучилась, обучая меня

технике радиовыступлений, и если я чего-то достиг в этой области, то исключительно благодаря ее наставлениям. Казалось бы, после этого с моей стороны жестоко напоминать ей о пережитом в посвящении к моей книге, но я не вижу другого способа всенародно поблагодарить Айлин за ее помощь. К тому же я не рассчитываю, что она станет читать эти записки.

A handwritten signature consisting of a series of connected, wavy lines, possibly representing the name 'Ailin'.

Часть первая

Место действия

Снова и снова поражаюсь, сколько людей в разных частях света пребывает в полном неведении об окружающем их животном мире. Тропический лес, саванна, горы, в которых они живут, представляются им безжизненными. Они видят только стерильный ландшафт. Я убедился в этом, когда выезжал в Аргентину. В Буэнос-Айресе меня познакомили с одним англичанином, который почти всю свою жизнь провел в Аргентине; услышав, что мы с женой собираемся в пампу искать зверей, он воззрился на нас с искренним удивлением.

— Бросьте, дружище, вы там ничего не найдете! — воскликнул он.

— Это почему же? — спросил я в некотором замешательстве, поскольку считал его интеллигентным человеком.

— Да ведь пампа — это одна сплошная трава, — он раскинул руки в стороны, пытаясь изобразить, сколько травы в пампе. — Трава, дружище, и больше ничего, одна трава, и кое-где коровы.

Вообще-то для приближенного описания пампы годится и такая характеристика, с той разницей, что необозримые аргентинские степи населены не одними лишь коровами и гаучо. Станьте посреди пампы и медленно поворачивайтесь вокруг своей оси — в любую сторону до самого горизонта простирается ровный, как бильярдный стол, травяной покров, тут и там пропоротый кустами огромного чертополоха высотой около двух метров, напоминающего диковинные

сюрреалистические канделябры. Ландшафт под куполом жаркого голубого неба и впрямь кажется мертвым, но под мерцающей травяной мантией и в сухих зарослях ломких стеблей чертополоха кроются полчища всякой живности. Когда в жаркое время дня едешь верхом на коне по густому зеленому ковру или продираешься сквозь колючие заросли под пулеметный треск ломающихся стеблей, видишь почти одних только птиц. Через каждые сорок — пятьдесят метров на кочке у своей норы сидит, вытянувшись в струнку, кроличья сова, устремив на вас холодный удивленный взор. Приблизитесь — исполнит тревожную присядку, потом взлетит и пойдет описывать над травой бесшумные круги, расправив широкие крылья.

Ваше продвижение непременно будет замечено сторожевыми собачками пампы — серо-белыми аргентинскими ржанками. Скрытно перебегая с места на место, часто кивая головой, они пристально следят за вами, наконец взлетают и кружат над незванным гостем, разрезая воздух двухцветными крыльями и крича: «Теру-теру-теру... теру... теру!» Пронзительный звук предупреждает всех на километры вокруг о вашем появлении, другие ржанки тотчас подхватывают сигнал тревоги, и кажется — вся пампа заполнена их голосами. Отныне все живое начеку. С высохшего дерева впереди, от которого один скелет остался, в знойное голубое небо взмывает то, что вы приняли за две сухие ветки: химанго, представители семейства соколиных, с красивым песочно-белым оперением и стройными ногами. А большущая высушенная солнцем кочка вдруг встает на длинных упругих ногах и мчится по степи широкими шагами, вытянув шею и петляя между стеблями колючника. Все ясно — это был нанду, который припал к земле в надежде, что вы проедете мимо, не заметив его. Так что пусть ржанки выдали вас,

зато они, спугнув других обитателей пампы, выдали их вам.

Изредка вам встретится мелкое озерко в обрамлении камыша и нескольких чахлых деревьев. Здесь живут тучные зеленые лягушки, но какие лягушки! Потревожишь, прыгают на вас, издавая разинутым ртом хриплые устрашающие звуки. Преследуя лягушек, скользят в траве тонкие змеи, напоминающие галстук щеголя своей серо-черно-алой расцветкой. В камышах вы почти непременно найдете гнездо хохлатой паламедеи, крупной птицы, похожей на серую индюшку. Желтый, как лютик, птенец жметя к пропеченной солнцем земле в своей ямке и не шелохнется даже, когда ваш конь перешагивает через него, а родители мечутся поблизости, перемежая тревожные трубные крики ласковыми возгласами, обращенными к отпрыску.

Такова пампа днем. Вечером, когда вы возвращаетесь в лагерь, солнце уходит за горизонт в ореоле цветных облаков, к озерам тянутся утки и садятся, расписывая водную гладь елочками ряби. Стайки колпиц розовыми облачками опускаются на мелководье, чтобы кормиться в окружении метелицы из черно-шейных лебедей.

Пробираясь верхом сквозь темнеющие заросли чертополоха, вы можете встретить напоминающих странные заводные игрушки ночных уборщиков — сгорбленных броненосцев, которые сосредоточенно трусят куда-то по своим делам, или же отчетливо выделяющегося в сумерках черно-белого скунса: стоит, задрав кверху хвост, и раздраженно переступает передними ногами — дескать, поберегись!

Все это я увидел в пампе в первые же несколько дней. А мой друг столько лет прожил в Аргентине и даже не подозревал о существовании целого мира птиц

и четвероногих. Пампа для него была «одна трава и кое-где коровы». Как тут не пожалеть человека...

Черный буш

В прошлом веке европейцы прозвали Африку Черным континентом, да и теперь, когда там появились современные города, железные дороги, хорошие шоссе, бары и другие неперенные признаки цивилизации, кое у кого взгляд на Африку не изменился.

Пожалуй, больше всего досталось западному берегу, удостоенному выразительного определения «Могилы белого человека». Сколько сочинителей — вопреки истине — описывали эту область Африки как сплошные огромные непроходимые джунгли! Дескать, если вам вообще удастся проникнуть сквозь непроницаемую завесу из вьющихся лиан, колючек и кустарников (просто диву даешься, как часто в этих сочинениях люди проникают сквозь непроницаемые завесы), вы увидите, что лес кишит всевозможными тварями, только и ждущими случая наброситься на вас: леопарды с горящими глазами, злобно шипящие змеи, а в речушках — крокодилы, изо всех сил старающиеся превзойти настоящие бревна в сходстве с бревном. Если вы сумеете благополучно избежать этих опасностей, у сочинителя всегда в запасе дикие туземные племена,

чтобы прикончить злосчастливого путешественника. Туземцы бывают двух родов — людоеды и нелюдоеды. Людоеды непременно вооружены копьями; нелюдоеды — стрелами, наконечники которых щедро смазаны смертельным ядом, как правило неизвестным науке.

Конечно, никто не лишает писателя права на толику поэтических вольностей, лишь бы он их не маскировал. Но к сожалению, западный берег Африки оклеветан до такой степени, что всякого, кто пытается оспорить утвердившиеся представления, клеймят как лжеца, никогда не бывавшего в этих краях. Обидно; очень обидно, что так поносят землю, где природа особенно своеобразна, прекрасна и богата, но я отлично сознаю, что эта моя жалоба — глас вопиющего в пустыне.

Кстати, мне по роду моей работы довелось довольно близко познакомиться с тропическими лесами: ведь тот, кто зарабатывает на жизнь поимкой живых зверей, поневоле должен отправляться за ними в так называемые непроходимые дебри. Сами звери, увы, к вам не выйдут. И я убедился, что обычно тропический лес поражает видимой скудостью дикой фауны. Можно бродить целый день и не встретить ничего интересного, разве что попадетсЯ какая-нибудь пичуга или бабочка. Конечно, звери в лесу есть, их там великое множество, но они предусмотрительно избегают вас, и, если вы хотите кого-то увидеть или поймать, надо точно знать, где искать. Помню, как я после шестимесячных трудов в лесах Камеруна показал свою коллекцию из полутора ста с лишним самых разных птиц, зверей и рептилий одному господину, прожившему в тех краях четверть века. Он был ошеломлен — такое обилие живности, можно сказать, у его порога, в лесу, который он привык считать скучным и чуть ли не безжизненным!

На искаженном английском языке, бытующем в Западной Африке, лес называют бушем. Есть два рода буша. Первый прилегает к деревьям и городам и

основательно, исхожен охотниками, а то и потеснен руками пахаря. Здесь животные настороже и увидеть их непросто. Второй — так называемый черный буш, простирающийся за много километров от ближайшего селения и редко посещаемый охотниками; в нем вы, если проявите терпение и не будете шуметь, увидите дикую фауну.

Настоящий зверолов не станет разбрасывать как попало свои ловушки по лесу, ведь это только на первый взгляд перемещения животных кажутся беспорядочными, а на самом деле вы очень скоро убеждаетесь, что у большинства из них прочно укоренившиеся привычки: они всегда посещают один и тот же водопой, из года в год ходят по одним и тем же тропам, направляясь туда, где сейчас обилие пищи, и покидая эти места, как только все будет съедено. У иных даже есть постоянные уборные по соседству с местом, где животное проводит большую часть своей жизни. Можно установить ловушку и ничего не поймать; потом перенесешь ее на три метра влево или вправо, где проходит привычный для зверя путь, — и тотчас ты с уловом. Вот почему, прежде чем начинать охоту, надо тщательно и терпеливо осмотреть район, проследить пути животных среди ветвей и на земле, выяснить, где сейчас поспевают дикие плоды, какие норы днем служат спальней для ночных животных. Работая в Западной Африке, я по многу часов проводил в черном буше, изучая повадки лесных жителей, чтобы потом легче было ловить их и содержать в неволе.

Один район я наблюдал около трех недель. В лесах Камеруна вы можете встретить участки, где почвенный слой слишком маломощен, чтобы питать корни могучих деревьев. В таких местах растут кустарники и высокие травы, довольствующиеся тонким слоем земли, который покрывает серый каменный щит. Я быстро убедился, что край одной поляны, расположенной километрах в пяти

от моего лагеря, — идеальное место для наблюдения за животными, поскольку здесь сошлись три растительные зоны: во-первых, выбеленная солнцем трава на площади двух гектаров, во-вторых, обрамляющая ее полоска кустарника, густо оплетенного паразитными растениями и обсыпанного яркими цветками дикого вьюнка, и, наконец, вокруг поляны простирался собственно лес — исполинские стволы высотой до полусотни метров могучими колоннами подпирали безбрежный полог зеленой листвы. Выбрав подходящий наблюдательный пункт, можно было одновременно держать в поле зрения по небольшому участку каждой из трех зон.

Я выходил из лагеря рано утром, но солнце жгло уже немилосердно. С лагерной площадки я нырял в

лесную прохладу, в зеленый сумеречный свет, просочившийся сквозь лиственный ярус вверху. Пробираясь между толстенными стволами, я ступал по мягкой и пружинистой, словно персидский ковер, многослойной лесной подстилке из увядших листьев. Единственным звуком в лесу был непрерывный звон миллионов цикад, красивых серебристо-зеленых насекомых, которые лепились к коре деревьев, наполняя воздух своим пением. Подойдешь слишком близко — улетают прочь, будто крохотные аэропланчики, поблескивая прозрачными крылышками. Время от времени в этот хор вмешивалось жалобное «уи» какой-то маленькой пичуги, которую мне так и не удалось опознать, хотя она любила сопровождать меня через лес, о чем-то вопрошая мягким, нежным голоском.

Кое-где в зеленом своде зияли широкие просветы; видно, насекомые и сырость подтачивали толстые суки, пока те не обломились и не рухнули на землю с высоты нескольких десятков метров, оставив в лиственном пологе прорехи, открывающие доступ золотистым солнечным лучам. Пятна ослепительного света привлекали бабочек — и крупных, чьи длинные, узкие, оранжево-красные крылышки горели десятками огоньков на фоне лесных теней, и беленьких малюток, что хрупкими снежинками взмывали в воздух у моих ног, потом, выписывая плавные пируэты, опускались обратно на черный перегной. Дальше я выходил на берег речушки, которая с тихим журчанием струилась между отполированными водой камнями в зеленых шапках из мха и крохотных стеблей. Через лес и через полосу кустарника на опушке поток прокладывал себе путь на поляну. Но, немного не доходя до опушки, был заметный уклон, и речушка образовала череду маленьких водопадиков, украшенных пучками дикой бегонии с яркими глянцевыми желтыми цветками. Здесь бурные ливни вымыли почву из-под могучих

корней одного лесного исполина; теперь он лежал на земле наполовину в лесу, наполовину в траве, и осталась от него лишь огромная, медленно гниющая пустотелая кожа, обросшая вьюнками, мхом и полчищами крохотных поганок, которые плотным строем шагали по шелушащейся коре. Тут находился мой тайник: в одном месте кора провалилась и получилось подобие челна, так что я мог сидеть, надежно закрытый низкой порослью. Убедившись, что место никем не занято, я устраивался в тайнике и ждал, стараясь не шевелиться.

Около часа ничего не происходило, только звенели цикады, от ручья подавала тонкий голосок древесная лягушка, да иногда пролетала бабочка. Но вот наконец лес позабыл о тебе, поглотил тебя, и ты стал для его обитателей как бы частью пейзажа, пусть даже не самой живописной.

Обычно первыми являлись здоровенные турако, привлеченные плодами дикого инжира на опушке. Эти крупные птицы с тяжелым, как у сороки, хвостом за километр давали знать о своем прибытии веселыми, громкими, звонкими криками: «Кару-у, ку-у, ку-у, ку-у!» Вот появились из леса, ныряя в воздухе, как на волнах, и опускаются на дерево, оживленно перекликаясь и дергая длинным хвостом, так что по всему золотисто-зеленому оперению разбегаются радужные переливы. Турако совсем не по-птичьи бегали по ветвям, прыгали с одного сука на другой, подобно кенгуру, на ходу срывая и глотая плоды. Следом за ними на пир прибывали мартышки мона, одетые в красновато-коричневый мех и серые чулки, с двумя причудливыми ярко-белыми пятнами в основании хвоста, напоминающими огромные отпечатки пальцев. Их появлению предшествовал гул и треск, словно на лес вдруг обрушился порыв ветра, но, если хорошенько прислушаться, можно было сквозь этот шум различить улюлюканье и нечто вроде

прерывистых гудков, как от скопища застрявших в уличной пробке допотопных такси. Это кричали птицы-носороги, которые всегда сопровождают обезьяны полчища, поедая не только обнаруженные мартышками плоды, но и обитающих в древесных кронах ящериц, древесных лягушек и насекомых, спугнутых стремительным движением рыжей ватаги.

Достигнув опушки, ватага останавливалась, и вожак, заняв командную позицию, с подозрительным ворчанием крайне тщательно обзревал простершуюся перед ним поляну. Его отряд, насчитывающий полсотни особей, хранил полное молчание, лишь иногда нарушаемое хриплым криком какого-нибудь младенца. Наконец, удостоверившись, что поляна не таит ничего опасного, старый самец трогался с места. Медленно и важно выступал он вдоль ветки, изогнув хвост над спиной вопросительным знаком, и мощным прыжком переносился на фиговое дерево. Здесь он снова останавливался и еще раз осматривал поляну, затем срывал плод и издавал повелительный клич: «Ойнк, ойнк, ойнк!» Тотчас безмолвный лес позади него оживал, ветви расступались с шумом, напоминающим рокот могучего прибоя, мартышки выскакивали из укрытия и прыгали на плодовые деревья, обмениваясь на лету кто звонкими, кто хриплыми возгласами. У многих самок на животе болтались крохотные детеныши, и, когда мамаша прыгала, младенец пронзительно визжал — то ли от страха, то ли от восторга.

Только обезьяны примостились на ветвях, чтобы заняться спелыми плодами, глядишь, и птицы-носороги, обнаружив их местонахождение, с радостным курлыканьем, громко шурша крыльями и ломая прутья, как это у них заведено, беспорядочно сваливаются на те же деревья. Большие глуповатые круглые глаза в обрамлении густых ресниц озорно поглядывают на

мартышек, а огромные и на вид громоздкие клювы осторожно и ловко срывают инжир и небрежно подбрасывают его в воздух. Падая, плоды ныряют в широко разинутую пасть птицы и исчезают в ее желудке. Носороги обращались с пищей отнюдь не так расточительно, как мартышки, они проглатывали все, что срывали, тогда как обезьяны, откусив один кусок, роняли плод на землю и тянулись к следующему.

Появление столь буйных сотрапезников явно шокирует дородных турако, поэтому они спешат удалиться. Примерно через полчаса вся земля под фиговыми деревьями уже усеяна обкусанными плодами, и мартышки направляются обратно в лес, обмениваясь удовлетворенными возгласами. Носороги задерживаются ровно столько, сколько нужно, чтобы проглотить еще по одному плоду, и кидаются догонять обезьян. Не успели отшуметь их крылья, как на сцену выходят следующие потребители инжира. Они так малы и выныривают из высокой травы так внезапно и бесшумно, что без бинокля вы даже при самом пристальном наблюдении не сумеете их обнаружить. Это полевые мышки, живущие среди кочек, под корнями и под камнями на опушке леса. Величиной с домовую мышь, с длинным, постепенно сужающимся хвостиком, они одеты в гладкую, песочно-серую шубку, лихо расписанную желтовато-белыми полосками от мордочки до хвоста. Маленькие грызуны скользят между травинками короткими рывками, поминутно вздрагивая и надолго замирая, чтобы, сидя на задних лапках и сжав розовые кулачки, приняв дрожащим носиком в обрамлении трепещущих усов — нет ли врага? И когда мышки вот так застывают на фоне травинки, полосатая шубка, столь приметная и нарядная при движении, мигом превращается в плащ невидимки, и зверьки почти сливаются с фоном.

Убедившись, что птицы-носороги и впрямь улетели (а эти пернатые весьма равнодушны к полосатым малюткам), мыши приступали к важному делу — доедали плоды, так расточительно разбросанные по земле мартышками. В отличие от многих других диких мышей и крыс эти крохи довольно сварливы, и начинали спорить из-за добычи, сидя на задних лапках и перебраниваясь пронзительными тоненькими голосками. Иногда две мышки одновременно хватили один и тот же плод и, упираясь в землю розовыми лапками, тянули изо всех сил каждая в свою сторону. Если плод был очень спелый, он чаще всего разламывался пополам, и соперницы падали на спину, прижимая к себе свою долю трофея, после чего тихо и мирно съедали ее, сидя в пятнадцати сантиметрах друг от друга. Время от времени, испуганные внезапным звуком, они подскакивали, словно подброшенные пружиной, сантиметров на двадцать, а приземлившись, долго дрожали и озирались. Убедятся наконец, что опасность миновала, и снова начинают спорить из-за еды.

Однажды, когда полосатые мыши делили объедки со стола мартышек, на моих глазах разыгралась трагедия. Неожиданно на опушку вышла генета — один из самых стройных и красивых лесных обитателей. Кошачья мордочка посажена на гибкое, как у ласки, длинное тело, одетое в изумительный золотистый мех с узором из черных пятен и оканчивающееся длинным хвостом в черных и белых кольцах. Генету редко увидишь в утренние часы, она предпочитает охотиться вечером или ночью. Видимо, ночная охота не принесла удачи этой особе, вот она и продолжала при свете дня искать, чем бы наполнить желудок. Выйдя на край поляны и увидев мышек, хищница припала к земле и скользнула вперед, словно камень по льду. Крохотные грызуны не успели даже оглянуться, как она очутилась

среди них. Дружно подпрыгнув вверх от испуга, они бросились наутек через траву, напоминая маленьких, суетливых, тучных дельцов в полосатых костюмах. Однако генета была еще проворнее и возвратилась в лес, неся в зубах добычу — двух мышек, которые только что с жаром выясняли, кому должен принадлежать приглянувшийся обоим плод инжира. И довыяснялись...

С наступлением полуденной жары вся жизнь замирала, даже непрерывное пение цикад звучало как-то дремотно. Время отдыха; в эти часы животные почти не показываются. Только любители солнца сцинки выходили на поляну, чтобы погреться на камнях или поохотиться на кузнечиков и саранчу. Кожа этих ярких, лоснящихся, словно только что покрашенных ящериц напоминает полированную мозаику из сотен мельчайших чешуй вишневого, кремового и черного цвета. Быстро снуя между стеблями, они создавали впечатление диковинного живого фейерверка. Больше некого было наблюдать, пока солнце не начинало склоняться к горизонту и не становилось прохладнее, поэтому я пользовался случаем съесть припасенную еду и отвести душу сигаретой.

Но однажды во время обеденного перерыва я оказался свидетелем необычной комедии, которая, казалось, была исполнена специально для меня. Из густой поросли около моего тайника, в каких-нибудь полутора метрах от меня, выбралась огромная, с яблоко величиной, улитка и медленно, величественно поползла по бревну. Продолжая есть, я с восхищением смотрел, как легко, без всяких видимых усилий она скользит по коре, как ее рога, увенчанные круглыми, словно бы удивленными глазами, поворачиваются туда-сюда, нащупывая путь среди кукольного ландшафта из мха и поганок. Но тут я обнаружил, что поблескивающий след, тянувшийся за лениво ползущей без определенной цели улиткой, привлек охотника, одного

из самых свирепых и кровожадных в своей весовой категории хищников западноафриканского леса.

Переплетенные вьюнки раздвинулись, и на бревно важно ступило крошечное создание, длиной не больше сигареты, в угольно-черной шубке и с длинным тонким носом, который был словно приклеен к улиточному следу. Ни дать ни взять миниатюрная черная ищейка. Это была землеройка, существо на редкость бесстрашное и невероятно прожорливое. Вот уж для кого поистине смысл жизни заключается в еде. Если очень припрет, землеройки готовы даже съесть друг друга. Чирикая что-то себе под нос, зверушка быстро семенила вдогонку за улиткой и вскоре настигла ее. Издав пронзительный писк, землеройка набросилась на торчащий из раковины сзади хвостик и впиалась в него зубами. В ответ на столь внезапную и бесцеремонную атаку с тыла улитка сделала единственное, что было возможно в ее положении: живо втянула тело в раковину. Маневр этот был выполнен так стремительно и улиткины мышцы сократились с такой силой, что землеройка с маху ударилась мордочкой о раковину и разжала зубы. Лишенная опоры раковина упала на бок, и землеройка, визжа от досады, метнулась вперед и сунула мордочку в отверстие хрупкого домика, чтобы извлечь оттуда спрятавшегося моллюска. Но улитка приготовилась, и как только нос врага проник в ее убежище, его встретил бурлящий каскад зеленовато-белой пены, облепивший всю голову землеройки. Ошеломленная зверушка отпрянула назад. При этом она толкнула домик улитки, раковина качнулась и съехала боком в поросль возле бревна. А землеройка, вне себя от ярости, уже сидела на задних лапках, отчаянно чихая и силясь стереть передними лапами пену с мордочки. Зрелище было до того потешное, что я расхохотался, и маленькая охотница, метнув испуганный взгляд в мою сторону, прыгнула в кусты и

поспешно скрылась. Не припомню другого тихого часа в лесу, когда бы мне довелось так повеселиться!

Во второй половине дня, как только спадала жара, лес опять оживал. На фиговые деревья прибывали новые посетители, в том числе белочки. Одна чета явно исповедовала правило сочетать полезное с приятным: они бегали и прыгали по веткам, играя в прятки и чехарду и флиртуя друг с другом, потом вдруг прерывали бесшабашную возню, чтобы тихо посидеть, накинув на плечи мантию из собственных хвостов, и с важным видом погрызть инжир.

По мере того как тени делались длиннее, вы при удаче могли увидеть дукеров, которые приходили на водопой к речушке. Мелкие антилопы в поблескивающем рыжеватом одеянии, с тонкими карандашиками ног осторожно, не спеша пробирались между деревьями, то и дело останавливаясь, чтобы проверить путь впереди большими влажными глазами и прослушать беспокойными ушами звуки леса. Беззвучно пронизав полосу пышной растительности на берегу речушки, они обычно спугивали кормившихся тут своеобразных ручьевых мышей, маленьких серых грызунов с удлинённой глуповатой мордочкой и большими полупрозрачными ушами такой же формы, как у мула. Длинные задние ноги позволяют ручьевым мышам прыгать наподобие кенгуру. В это время дня они бродили по мелководью и вылавливали тонкими передними лапками водных насекомых, крабиков и улиток. В эти же часы выходили на охоту местные крысы, очень важные, хлопотливые и на редкость симпатичные. На фоне общей зеленоватой окраски причудливо выделяются ярко-рыжие мордочка и зад, как будто эти грызуны надели маски и спортивные трусы. Охотничьи уголья крыс помещались между конфорками корней могучих деревьев. Переговариваясь писклявыми голосами, они ходили

вразвалку по перегнуто и переворачивали камешки, прутики и сухие листья в поисках насекомых. Временами останавливались, садились на задних лапах лицом друг к другу и заводили беседу. Их усики мелко дрожали, и торопливый жалобный писк явно выражал досаду собеседниц по поводу нехватки пропитания в этом участке леса. А иногда, хорошенько принюхавшись, они вдруг приходили в страшное возбуждение и с громким писком начинали раскапывать лапками перегнутой, словно терьеры. И наконец извлекали из-под земли здоровенного, длиной чуть ли не с них самих, жука шоколадного цвета. Жуки эти порядочные силачи, к тому же вооружены рогами, и крысам было не так-то просто с ними управиться. Перевернув добычу на спину, они быстро-быстро перекусывали брыкающиеся колючие ноги. Обездвижат жука, потом уже двумя-тремя укусами умертвляют его. После чего маленькая победительница садилась на корточки, прижимала трофей к себе передними лапками и принималась есть, будто длинный леденец, громко хрупя и время от времени выражая свое удовольствие приглушенным писком.

На поляне еще светло, а в лесу уже сумерки, трудно что-либо рассмотреть. Повезет — заметишь вышедшего на охоту ночного зверя. Скажем, важный и дородный кистехвостый дикобраз просеменит, с шуршанием раздвигая листву длинными иглами. С началом ночной смены снова в центре внимания оказывались фиговые деревья. Слово по волшебству, на ветках вдруг возникали галаго и озирались огромными глазами-блюдечками, трагически заламывая маленькие, удивительно похожие на человеческие, руки — стайка фей, сию минуту обнаруживших, сколь греховен этот мир. Время от времени они отрывались от инжира, чтобы в невероятном прыжке схватить пролетающую мимо бабочку. А в рдеющем закатными

красками небе парами летели в свою лесную спальню серые попугаи, пересвистываясь и звонко перекликаясь друг с другом и с лесным эхом. Откуда-то издалека внезапно доносилось многоголосое уханье, крики, взрывы дурацкого смеха — эти жуткие звуки издавали готовящиеся ко сну шимпанзе. Тем временем галаго исчезали так же бесшумно и быстро, как появились, и потемневшее небо большими рваными облаками пересекали крыланы. Пронзительно крича, они пикировали на деревья и принимались за дележку уцелевших плодов, хлопая крыльями так, будто среди деревьев трясли сотней мокрых зонтов. Снова взрыв истерических воплей в стане шимпанзе — и лес уже совершенно погрузился во мрак, но он продолжает жить, он полон миллионами звуков. Шорохи, пiski, хрюканье, таинственные речитативы — это заступила ночная смена.

Я поднимался, расправляя онемевшие члены, и брел через лес, и свет моего фонарика казался таким слабым и жалким среди огромных безмолвных деревьев. Вот они, тропические дебри, — дикие, опасные, кошмарные, если верить иным книгам. А для меня — прекрасный, удивительный мир, полчища больших и малых растений и животных, таких различных и вместе с тем зависимых друг от друга, будто кусочки исполинской мозаики. До чего же жаль, думал я, что люди упорно цепляются за старые представления о враждебных джунглях, тогда как на самом деле здесь мир волшебной красоты, ожидающий, чтобы его исследовали, изучали, понимали.

Озеро яканы

Британская Гвиана,^[1] расположенная на северо-востоке Южной Америки, с ее густыми тропическими лесами, холмистыми саваннами, горными хребтами и могучими белопенными водопадами — право же, одна из самых красивых стран на свете. Впрочем, мне особенно по душе участок приморья от Джорджтауна до венесуэльской границы. Тысячи рек и речушек, вырвавшись на пути к морю из леса на береговую равнину, разделяются на миллионы ручьев и ручейков, и кажется — весь край пронизан блестящими жилками ртути. Растительный мир поражает своей пышностью и разнообразием; его великолепие превращает эту землю в поистине волшебную страну. В 1950 году я приезжал сюда, чтобы отловить животных для английских зоопарков, за шесть месяцев побывал и в саваннах северных областей, и в тропических лесах и, конечно же, в краю ручьев с его самобытным животным миром.

В приморье я облюбовал для своей базы маленькую индейскую деревушку неподалеку от Санта-Росы. Весь путь до деревушки занял два дня. Сначала мы спустились на катере вниз по Эссекибо, потом шли вверх по сравнительно многоводным речкам, пока не достигли такого места, где катер уже не мог пройти — слишком мелкое дно и слишком много водорослей. Тогда мы пересели на долбленки; наши местные хозяева — молчаливые симпатичные индейцы — взялись за весла, и началось одно из самых чудесных путешествий в моей жизни.

Некоторые из речушек достигали всего около трех метров в ширину, и поверхность воды была совершенно скрыта плотным ковром из крупных глянцевиных кувшинок с нежно-розовыми лепестками и маленьких папоротниковидных растений с тонким стеблем, который венчался малюсеньким ярко-красным цветком. Вдоль берегов сплошной стеной стоял подлесок и высились могучие деревья. Склоненные над потоком узловатые стволы образовали длинный туннель; ветви были украшены длинными гирляндами зеленовато-серого бородатого мха и гроздьями нарядных желто-розовых орхидей. Сидишь на носу лодки, и чудится, что ты бесшумно скользишь по пестреющему цветами, плавно колышущемуся за кормой газону. Большие черные дятлы с алым хохлом, громко крича, перелетали с дерева на дерево, чтобы поработать белым клювом над гнилой корой, а в прибрежных зарослях и камышах временами словно краски взрывались — то внезапно взмывала вверх спугнутая нами болотная птица, и красное оперение ее груди ярким пламенем вспыхивало в небе.

Индийская деревушка примостилась на бугре, фактически представляющем собой остров, окруженный со всех сторон сетью речушек. Отведенная мне хижина стояла на отшибе, в изумительной местности, на краю лога площадью с полгектара, среди увешанных плетями лишайника высоких деревьев, которые обступили ее со всех сторон, будто древние седобородые старики. Во время зимних дождей ближние речушки разлились и затопили ложбину, так что образовалось озерко глубиной около двух метров. Его коричневатая гладь отражала торчащие из воды деревья, точно зеркало. Ложбину окаймляла полоска камышей с вкраплениями кувшинок. С порога хижины открывался замечательный вид на озерко и его берега, и, тихо сидя здесь вечерами или в ранние утренние

часы, я обнаружил, что маленький водоем и окружающий его подлесок служат обителью всяческой живности.

Так, по вечерам приходил на водопой енот-ракоед. У этого своеобразного зверька размером с небольшую собаку косматый хвост в черно-белых кольцах, широкие и плоские розовые лапы, тело покрыто серым мехом, а на мордочку словно надета черная полумаска, придающая ему довольно потешный вид. И походка у енота-ракоеда причудливая: зверек горбится, выворачивает ступни в стороны и неуклюже волочит ноги так, будто у него болячки на пальцах. Спустившись к воде и с минуту мрачно поглядев на собственное отражение, енот утолял жажду, после чего с унылым видом семенил вдоль берега в поисках пищи. Зайдя в озерко, где помельче, он садился на корточки, погружал в темную воду длинные пальцы передних лап и тщательно прощупывал ими дно, чтобы внезапно с приятно удивленным видом извлечь что-то из ила. Бережно обнимая трофей передними лапами, зверек выносил его на берег и приступал к трапезе. Если это была лягушка, енот прижимал ее к земле и обезглавливал быстрым укусом. Если же, что случалось чаще, ему попадался крупный пресноводный краб, енот торопился выскочить на сушу и отбрасывал его в сторону. Придя в себя, краб угрожающе раскрывал клешни, однако у енота была разработана не совсем обычная и весьма действенная тактика. Краб очень обидчив: если вы будете щелкать его, не давая при этом схватить вас клешнями, он в конце концов надуется и сожмется в комок, отказываясь продолжать неравный поединок. Вот и енот просто-напросто кружил около краба, постукивая длинными пальцами по карапаксу и отдергивая лапу каждый раз, когда ему угрожала клешня. Минут через пять раздосадованный краб сдавался и припадал к земле. Енот, до тех пор

напоминавший симпатичную старую леди, играющую с любимым мопсиком, тотчас преобразался. Во взоре его появлялась деловитость, он весь подбирался, затем наклонялся и в одно мгновение перекусывал злополучную жертву почти пополам.

По одну сторону ложбины кто-то из прежних владельцев хижины посадил несколько гуаяв и манговых деревьев. Как раз при мне начали поспевать плоды, привлекая множество потребителей. Первыми обычно появлялись древесные дикобразы. Они выходили вразвалку из подлеска, смахивая на тучных подвыпивших старичков. Большой нос луковицей испытующе принюхивается; печальные крохотные глазки, вечно влажные от непролитых слез, с надеждой поглядывают по сторонам. Дикобразы ловко взбирались на манговые деревья, раздвигая шуршащими черно-белыми иглами листву и цепляясь за сучья длинным хвостом, чтобы не сорваться. Облюбуют удобное местечко на ветке, обовьют ее хвостом в два-три оборота, садятся на задние лапы, срывают плод и вертят его в передних лапах, обрабатывая широкими зубищами. Управившись с мякотью, дикобраз иногда затевал своеобразную игру с косточкой. Сидит с растерянным видом и перебрасывает косточку из одной лапы в другую, словно не зная, как с ней поступить, а то и вовсе роняет, чтобы в последнюю секунду снова поймать на лету. Минут пять длился этот жонглерский номер, наконец косточка летела на землю, и дикобраз брел дальше по веткам в поисках следующего плода.

Если двум дикобразам случалось встретиться лицом к лицу, они садились на корточки, крепко обвивали ветку хвостом и затевали потешнейший боксерский поединок. Выпады передними лапами, нырки, финты, обманные движения, левые хуки, апперкоты, удары по корпусу... Впрочем, все удары были показательными, бесконтактными. И на протяжении схватки, делящейся

около четверти часа, мордочки бойцов выражали смущение и благодушный интерес. Внезапно, точно по незримому сигналу, оба дикобраза опускались на четвереньки и не спеша расходились в разные стороны. Смысл этих поединков остался для меня загадкой, и я не мог определить победителя, но это не мешало мне веселиться от души, наблюдая странное зрелище.

И еще одни пленительные существа посещали плодовые деревья — речь идет о дурукули. Эти забавные обезьянки с длинейшим хвостом, почти беличьим тельцем и огромными совиными глазами — единственные приматы, ведущие истинно ночной образ жизни. Дурукули прибывали стайками по семь-восемь особей, прибывали совершенно бесшумно, но длинные и замысловатые беседы, которые они вели во время трапезы, быстро их выдавали. Репертуар звучаний дурукули превосходит все, что я когда-либо слышал не только у обезьян, но и у любых животных таких размеров. Начну с громкого переливчатого тьяканья: этот мощный вибрирующий звук служит сигналом тревоги, и когда дурукули издают его, их горловые мешки раздуваются до размеров небольшого яблока. Разговаривая между собой, они пронзительно взвизгивают, похрюкивают, мяукают по-кошачьи; издают также булькающие трели — их мне просто не с чем сравнить. Иногда какая-нибудь из них в приливе чувств клала руку на плечи товарки, они садились рядышком в обнимку и тараторили, не сводя друг с друга серьезного взгляда. Из всех виденных мной обезьян только дурукули без какого-либо видимого повода, чуть что принимались обниматься и страстно целоваться, сплетясь хвостами.

Все названные выше животные приходили и уходили, но были еще два представителя фауны, которых я мог постоянно наблюдать на поверхности озера в ложбине. Один — молодой кайман длиной

около ста двадцати сантиметров, очень красивый, с морщинистой и бугристой, наподобие скорлупы грецкого ореха, черно-белой кожей, с драконьим гребнем вдоль хвоста и большими глазами, золотисто-зелеными в янтарную крапинку. В этом маленьком водоеме он был единственным представителем своего племени, непонятно почему, если учесть, что кругом все речушки и протоки кишели его сородичами. Как бы то ни было, маленький кайман вел отшельнический образ жизни в озерке перед моей хижиной и целыми днями плавал по нему с видом собственника. Вторым постоянным жителем была якана — наверно, одна из самых удивительных птиц Южной Америки. Величиной и обликом она похожа на английскую камышницу с той разницей, что ее аккуратное тельце опирается на длинные тонкие ноги с кистью невообразимо удлиненных пальцев. Эти-то пальцы, обеспечивающие равномерное распределение веса на большой площади, позволяют якане ходить по воде, точнее, не по воде, а по листьям кувшинок и других водных растений. Отсюда английское прозвище яканы — «бегущая по кувшинкам».

Якана недолюбливала каймана, он же явно полагал, что природа поселила якану на озерке, чтобы внести некоторое разнообразие в его стол. Но кайман был молодой и неопытный, а потому первые его попытки подкрасться к птице и схватить ее были до смешного неуклюжими. Выйдя аккуратными шажками из подлеска, куда она часто навевывалась, якана шла по воде, мягко переступая растопыренными по-паучьи пальцами с листа на лист, и зеленая опора лишь самую малость прогибалась под ее весом. Заметив птицу, кайман тотчас погружался так, что одни глаза торчали из воды. Голова охотника скользила к цели, не оставляя ни единой морщинки на водной глади. А якана уже деловито работала клювом, отыскивая среди растительности личинок, улиток и мелких рыбешек, и явно не замечала надвигающейся опасности. Надо думать, кайман легко завладел бы добычей, не будь одной загвоздки: когда до птицы оставалось три — три

с половиной метра, охотником овладевало такое возбуждение, что он вместо того, чтобы нырнуть и схватить якану снизу, вдруг принимался усиленно работать хвостом, рассекая воду со скоростью гоночного катера и производя при этом такой шум, что даже самая безмозглая птица не позволила бы застать себя врасплох. Звучал резкий сигнал тревоги — и якана взмывала в воздух, отчаянно хлопая лютиково-желтыми крыльями.

Я как-то не задумывался над тем, почему она большую часть дня проводит в камышах на краю озера, пока не добрался до этого уголка и не обнаружил причину: на болотной почве лежала аккуратно сплетенная из водорослей подстилка, а на подстилке — четыре круглых желтоватых яйца в шоколадную и бронзовую крапинку. Видно, птица уже давно насиживала их, потому что спустя два дня я застал гнездо пустым, а через несколько часов увидел, как мамаша выводит в мир своих отпрысков на первую прогулку.

Выйдя из камышей на кувшинки, якана остановилась и оглянулась назад. Тотчас показались четыре птенца — четыре шмеля-переростка, одетые в золотисто-черный пух. Тоненькие длинные ножки казались нежными, как паутина. Малыши следовали гуськом за родительницей, соблюдая дистанцию в один лист, и

терпеливо ждали, когда она останавливалась, чтобы проверить дальнейший путь. Они были такие крохотные и такие легкие, что соберись все четверо на одном листе размером с мелкую тарелку, он вряд ли качнулся бы под их весом. При виде выводка кайман, естественно, удвоил усилия, но якана была крайне осмотрительной мамашей. Она ходила с выводком у самого берега, и стоило кайману направиться в их сторону, как малыши тотчас исчезали в воде, чтобы

мгновением позже, словно по волшебству, возникнуть на суше.

Кайман использовал все известные ему приемы: то старался незамеченным подобраться возможно ближе, то устраивал засаду. Нырнет под зеленый ковер и всплывает так, чтобы только нос и глаза выглядывали среди водорослей. И терпеливо ждет в такой позе. Иногда он залегал в воде у самого берега, очевидно рассчитывая перехватить птиц в начале их пути. Целую неделю упражнялся он в изобретательности, но лишь однажды был близок к успеху.

В тот день кайман провел знойные полуденные часы, лежа на виду посреди озера и медленно поворачиваясь, чтобы следить, что происходит вдоль берегов. Под вечер он направился к окаймляющим берег водорослям и ухитрился схватить лягушонка, который сидел на кувшинке, греясь на солнышке. Подкрепившись, кайман взял курс на пестрящий мелкими цветками зеленый плавучий ковер и нырнул. Полчаса я тщетно искал его взглядом по всему озеру, прежде чем сообразил, что он, должно быть, укрылся под водорослями. Навел в ту сторону бинокль, и, хотя плавучий ковер площадью не превосходил обыкновенную дверь, прошло целых десять минут, прежде чем я рассмотрел каймана почти в самом центре этого клочка зелени. Он всплыл так, что плеть растения с гроздью розовых цветочков легла ему на лоб как раз между глазами. Напоминающее нарядную весеннюю шляпку украшение придавало ему несколько игривый вид, зато служило превосходной маскировкой. А еще через полчаса на сцену вышла семья яканы, и драма началась.

Мамаша, как всегда, внезапно появилась из камышей, грациозно ступила на листья кувшинок и остановилась, чтобы позвать своих отпрысков. Птенцы высыпали следом за ней, будто причудливые заводные

игрушки, и терпеливо замерли на широком листе, ожидая дальнейших указаний. Родительница не спеша повела их дальше, руководя кормлением. Заняв удобную позицию, наклонится, захватит клювом край соседнего листа и загибает вверх, обнажая нижнюю сторону, облепленную полчищами личинок, пиявок, улиток и мелких рачков. Птенцы окружали мамашу и принимались энергично работать клювиками.

Очистят снизу лист от съедобной мелюзги — переходят к следующему.

Очень скоро я обнаружил, что родительница ведет свой выводок прямо туда, где укрылся кайман, и вспомнил, что маскирующая его зелень — любимое охотничье угодье яканы. Мне уже доводилось наблюдать, как она, стоя на листе кувшинки, извлекает из воды запутанные клубочки нежной папоротниковидной водоросли и вешает их на кувшинку, чтобы малыши могли полакомиться обитающими на зеленых стебельках полчищами крохотных организмов. Я не сомневался, что якана и на этот раз, как это всегда бывало до сих пор, своевременно заметит каймана и оставит его в дураках, но, хотя она поминутно останавливалась, чтобы осмотреться кругом, выводок неуклонно приближался к засаде.

Я стал в тупик. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы кайман сожрал якану или ее птенцов. Но как ему помешать? Похлопать в ладони? Так ведь якана слишком привыкла к шуму, производимому людьми, и не обратит на это никакого внимания. Подобраться к ней поближе — пустая затея: драма разыгрывалась на другом конце озера, меньше чем за десять минут не подспею, а тогда будет слишком поздно, потому что каких-нибудь пять-шесть метров отделяют жертву от охотника. Кричать бесполезно, камень не добросишь... Оставалось сидеть, таращась в бинокль, и твердить

себе, что, если этот проклятый кайман только дотронется до моих любимцев, я выслежу его и казню. И тут я вспомнил про ружье.

Конечно, стрелять по кайману на таком расстоянии было бессмысленно: пока дробь долетит туда, она рассеется, и на его долю в лучшем случае придется несколько дробинок, зато я рискую убить тех самых птиц, которых хочу спасти. Но ведь якана, насколько мне известно, никогда не слышала ружейного выстрела... Стало быть, выстрел в воздух может испугать ее и заставить увести свой выводок в безопасное место. Я метнулся в хижину, схватил ружье и минуту-другую лихорадочно соображал, куда я мог засунуть патроны. Наконец зарядил ружье и поспешно вернулся на свой наблюдательный пункт. Зажав приклад под мышкой, так что стволы смотрели в землю, я другой рукой поднес к глазам бинокль, чтобы удостовериться, что не опоздал.

Якана как раз подошла к рубежу, отделяющему кувшинки от папоротниковидных водорослей. Малыши сгрудились на листе позади и чуть сбоку от нее. На моих глазах мамаша наклонилась вперед, схватила длинную тонкую гирлянду и подтянула ее к своему листу. В ту же секунду кайман, от которого ее отделяло немногим больше метра, выскочил из зеленого укрытия и, по-прежнему увенчанный нелепым головным убором, бросился вперед. Одновременно я спустил оба курка. Над озером раскатился гром выстрела.

То ли мое вмешательство помогло, то ли сама якана вовремя спохватилась, во всяком случае она стремглав взлетела в тот самый миг, когда челюсти каймана сомкнулись и перекусили пополам лист, на котором стояла птица. Якана пронеслась над его головой, он выскочил из воды, стараясь перехватить ее (я услышал стук его челюстей), но птица умчалась прочь невредимая, издавая тревожные крики.

Атака была настолько внезапной, что мамаша не сразу дала команду своему съезжившемуся выводку. Теперь же, услышав ее голос, они ожили и бросились в воду перед носом у приближающегося каймана. Он нырнул за ними вдогонку; постепенно рябь пропала, и поверхность воды снова разгладилась. С тревогой смотрел я, как родительница-якана, возбужденно крича, кружила над озером. В конце концов она исчезла в камышах, и больше в тот день я ее не видел. Кайман тоже не показывался. Терзаемый страшной мыслью, что ему удалось схватить под водой спасающиеся бегством пушистые комочки, я весь вечер разрабатывал планы страшной, мести.

На другое утро, дойдя до камышей, я с радостью обнаружил в зарослях якану и трех заметно присмиривших птенцов. А вот четвертого нигде не было видно; стало быть, кайман все-таки отчасти преуспел... Между тем якана, к моему ужасу, вместо того чтобы извлечь урок из вчерашнего происшествия, снова повела свой выводок пастись на кувшинках, и весь этот день я с трепетом следил за ними. Хотя кайман не появлялся, страх за якану и ее птенцов основательно истрепал мне нервы, и к вечеру я решил, что дальше терпеть невозможно. Пошел в деревню и одолжил лодчонку, которую два индейца любезно донесли до озера. Едва стемнело, я вооружился мощным фонарем и длинной жердью с петлей на конце и отправился на охоту. Как ни мало было озеро, мне понадобился целый час, чтобы обнаружить каймана. Он лежал по соседству с кувшинками, и в свете фонаря огромные глаза его вспыхнули, будто рубины. С величайшей осторожностью я приблизился, медленно-медленно опустил петлю в воду и надел ему на голову. Кайман не двигался с места, то ли ослепленный, то ли замороженный ярким светом. Сильным рывком я затянул петлю и втащил судорожно извивающегося зверя в лодку. Он яростно

щелкал челюстями и издавал хриплые лающие звуки, раздувая горло. Я засунул каймана в мешок, на другой день отвез его километров за восемь от озера и выпустил в одну из речушек. Там он и застрял, и все оставшееся время, что я жил в хижине над затопленным логом, ничто не мешало мне наслаждаться зрелищем того, как мои пернатые любимцы ходят по озерку в поисках корма, не ударяясь в панику всякий раз, когда легкий ветерок морщил гладь коричневатой воды.

Часть вторая

Животные вообще

Меня всегда очень занимало поведение животных — как они решают свои жизненные проблемы. И несколько радиовыступлений я посвятил удивительным способам, к которым они прибегают, чтобы привлечь партнера, оборониться от врага или устроить себе жилище.

Каким бы страшным или некрасивым ни казалось вам животное (это относится и к человеку), у него непременно найдется какая-нибудь привлекательная черта. Нельзя без симпатии смотреть, когда неприятная на вид, даже отталкивающая тварь вдруг обнаруживает способность к очаровательным, трогательным поступкам: скажем, ухвертка льнет, будто наседка, к своим яйцам и тщательно собирает их вместе, если вы позволили себе разбросать их, или паук, доведя свою возлюбленную щекотанием до транса, предусмотрительно связывает ее шелковистой нитью, чтобы она, очнувшись, не сожрала его после спаривания. Калан и сам по себе прелестен, и разве не восхитительно наблюдать, как он тщательно обматывает себя плетями морской капусты, чтобы спокойно спать, не опасаясь, что его отнесет приливно-отливными течениями.

Помню, как я, в совсем еще юном возрасте, сидел на берегу неторопливой речушки в Греции. Неожиданно из воды, карабкаясь по тростинке, вышло насекомое, больше всего смахивающее на какое-нибудь существо с другой планеты. Громадные выпуклые глаза, членистое тело на паучьих ногах, поперек груди — странная, аккуратно сложенная штукovina — этакий марсианский

аквалант. Насекомое упорно лезло по тростнике вверх, к жаркому солнцу, которое испаряло влагу с его уродливого тела. Наконец остановилось и замерло, словно в трансе. Я с увлечением и недоумением смотрел на это чудовище. В те дни мой интерес к естественной истории сочетался с великим невежеством, и я не мог понять, что за тварь явилась моему взору. Вдруг я заметил, что спина просушенного солнцем существа словно лопнула вдоль и кто-то силится выбраться наружу из ставшей совсем коричневой шкурки. С каждой минутой этот «кто-то» все энергичнее расширял просвет; в конце концов странное животное сбросило уродливое одеяние и уцепилось немощными конечностями за тростинку. Это была стрекоза. Крылышки все еще сморщенные и влажные, брюшко мягкое, но солнечные лучи делали свое дело, и на моих глазах крылышки высохли и расправились — хрупкие, как снежинка, испещренные жилками, точно соборный витраж. Брюшко тоже окрепло и приобрело ярко-голубой оттенок. Стрекоза два-три раза поработала крылышками, уподобляя их радужному облачку, потом неуверенно взлетела и удалилась, оставив прилепившуюся к тростинке неприглядную оболочку.

Мне никогда еще не доводилось наблюдать такое превращение, и, глядя с изумлением на невзрачную шкурку, в которой пряталось великолепное атласное насекомое, я поклялся больше никогда не судить о животном по его внешнему облику.

Животные ухаживают

Большинство животных очень серьезно подходят к брачному ритуалу, и некоторые из них со временем разработали интереснейшие способы завоевывать сердце избранницы. Богатейший набор перьев, рогов, шипов и сережек, удивительное разнообразие красок, узоров и запахов — все это предназначено, чтобы обзавестись партнершей. Более того, иные ухажеры преподносят даме сердца подарки или устраивают выставку цветов, воздействуют на ее воображение акробатическими этюдами, танцами, пением. Когда животные ухаживают, они вкладывают в это дело всю свою душу, способны даже жизнь отдать, если понадобится.

Самые галантные кавалеры животного мира, разумеется, птицы. Они щеголяют великолепными нарядами, танцуют, принимают элегантные позы, готовы в любую минуту спеть мадригал или драться на дуэли.

Особенно знамениты райские птицы, которые не только располагают самыми роскошными брачными костюмами в мире, но и умело демонстрируют их.

Возьмите, например, королевскую райскую птицу. Мне посчастливилось однажды увидеть в бразильском зоопарке ее токование. В огромном вольере с множеством тропических деревьев и других растений обитали три особи этого вида — две самки и самец. Самец величиной с дрозда; голова сочного оранжевого цвета резко контрастирует с белоснежной грудкой и алой спиной, и все оперение блестит, точно

полированное. Клюв желтый; ноги чудесного кобальтово-синего цвета. По случаю брачной поры перья на боках были длинные, а средняя пара рулевых вытянулась тонкими стержнями сантиметров на двадцать пять. Каждый стержень закручивался на конце наподобие часовой пружины, образуя изумрудно-зеленый медальон из причудливо скрученных перьев. При малейшем движении птица вся так и переливалась на солнце; качаясь, искрились хвостовые стержни с медальонами. Самец сидел на длинном голом суку, а обе самки устроились в кустах по соседству, наблюдая за ним. Внезапно он слегка расправил перья и издал странный крик, нечто среднее между визгом и зевком. С минуту помолчал, словно проверяя, как этот звук подействовал на дам, однако они продолжали сидеть, бесстрастно созерцая его. Тогда он подпрыгнул раздругой на суку, вероятно, призывая их быть более внимательными, затем поднял крылья над спиной и сильно захлопал ими, точно готовился совершить триумфальный полет, после чего широко расправил крылья и наклонил голову так, что она скрылась под перьями. Снова поднял крылья и похлопал ими, потом покружил на месте, чтобы поразить самок зрелищем своей великолепной белоснежной груди. Под мелодичную воркующую руладу он неожиданно расправил длинные боковые перья; казалось — забил фонтан с пепельно-серыми, светло-желтыми и изумрудно-зелеными струями, которые колыхались в лад его песнопению. Затем кавалер поднял короткий хвост и прижал его к спине, так что два длинных стержня изогнулись над головой, свесив зеленые медальоны по бокам желтого клюва. Плавно наклоняясь из стороны в сторону, он заставил медальоны качаться наподобие маятников; создало впечатление, что птица жонглирует ими. То поднимая, то опуская голову,

артист пел, не жалея своего горлышка, и зеленые медальоны так и мелькали в воздухе.

А самкам хоть бы что. Они глядели на солиста со снисходительным интересом двух домашних хозяек, которые попали на показ дорогих моделей женского платья и готовы восхищаться невиданными нарядами, однако сознают, что им такая роскошь никак не по карману. Тогда самец, как бы решив сделать последнюю, отчаянную попытку расшевелить публику, вдруг повернулся кругом, выставляя на обозрение изумительно алую спину, весь изогнулся и широко раскрыл клюв, демонстрируя светло-зеленые поверхности, отливающие таким блеском, словно их только что покрасили. Некоторое время он пел в этой позе, затем песня стала стихать, и роскошное трепещущее оперение медленно спадало, все плотнее облекая тело. Самец выпрямился и немного постоял так, глядя на самок. Они смотрели на него, как смотрят зрители, ожидающие от иллюзиониста после эффектного фокуса еще какого-нибудь трюка. Самец несколько раз тихо чирикнул, снова запел и вдруг повис на суку вниз головой. Продолжая петь, расправил крылья и заходил взад-вперед по суку в такой необычной позе. Судя по тому, что одна из самок вопросительно наклонила голову на бок, этот акробатический трюк наконец-то заинтриговал ее. Мне была совершенно непонятна вялая реакция дам, ибо сам я был ослеплен и очарован великолепными красками и пением солиста. Походив с минуту по суку вниз головой, самец собрал крылья и начал плавно раскачиваться, не прекращая страстных песнопений. Казалось, легкий ветерок колеблет диковинный алый плод, висящий на синих плодоножках.

Тут одна из самок со скучающим видом снялась с ветки и улетела в другой конец вольера. Но оставшаяся — та, что наклонила голову, — не сводила глаз с самца.

Быстро взмахнув крыльями, он вернулся в нормальное положение на суку, явно довольный собой — и по праву, сказал бы я. С волнением ждал я, что теперь последует. Самец замер, только перья переливались разными тонами в солнечных лучах. А самка обнаружила несомненные признаки возбуждения. Я не сомневался, что она покорена фантастическим брачным ритуалом, который в моих глазах был столь же неожиданным и великолепным, как вспышка многоцветного фейерверка. Так, взлетела... Сейчас, говорил я себе, она поздравит самца с блестящим выступлением и немедля заключит брачный союз. И как же я был удивлен, когда самка, опустившись на сук рядом с ним, склонула беззаботно ползущего по коре жучка и с довольным квохтаньем удалилась в другой конец вольера! Самец расправил перья и с покорным видом принялся чистить их клювом, а я подумал, что эти самки либо на редкость жестокосердны, либо начисто лишены эстетического чувства, если остались безучастны к такому представлению. От души соболезнавал я самцу, чье замечательное искусство осталось неоцененным. А он, похоже, вовсе не нуждался в моем сострадании: обнаружив другого жучка, самец издал торжествующий клич и с упоением принялся клевать свою жертву. Провал на сердечном фронте явно ничуть его не обескуражил.

Не все пернатые танцуют так прекрасно, как райские птицы, и не все могут похвастать столь красивым нарядом, однако это вполне возмещается оригинальностью подхода к противоположному полу. Возьмем, к примеру, шалашников. На мой взгляд, их приемы ухаживания относятся к самым очаровательным во всем животном царстве. Атласный шалашник не такой уж красавец: величиной с дрозда, он одет в темно-синее оперение, отливающее на солнце металлическим блеском. Честно говоря, он выглядит

так, словно донашивает старый, лоснящийся костюм из синего сержа; казалось бы, нечего и рассчитывать, что самка закроет глаза на убожество его одежды. И все же он покоряет ее, покоряет чрезвычайно хитроумным способом, а именно — сооружает будуар для своей возлюбленной.

Я и на этот раз обязан зоопарку, где мне посчастливилось увидеть, как атласный шалашник строит храм любви. Облюбовав две большие кочки посреди своего вольера, он тщательно расчистил широкое кольцо вокруг кочек и разделяющий их просвет. Затем наносил прутики, солому и куски бечевки и сплел с травой так, что получилось некое подобие туннеля. Только на этой стадии я и обратил внимание на его труды. А шалашник, довершив строительство летней беседки, уже принялся украшать ее. Сперва примостил две пустые раковины, потом раздобыл серебристую обертку от сигарет, клочок шерсти, шесть пестрых камешков и веревочку с налипшим на нее сургучом. Полагая, что он не прочь продолжить декорирование, я предложил ему цветные шерстинки, несколько разноцветных морских раковин и автобусные билеты.

Шалашник был очень доволен. Подлетая к проволочной сетке, он осторожно брал из моих пальцев каждый предмет и возвращался вприпрыжку к беседке. Примостит очередную деталь, отойдет, посмотрит и снова прыгнет вперед, чтобы передвинуть билет или шерстинку в поисках более эстетического, на его взгляд, решения. В окончательном виде беседка и впрямь выглядела прелестно, и конструктор принялся чистить перышки, вытягивая вперед то одно, то другое крыло, словно указывая с гордостью на результаты своей работы. Потом нырнул раз-другой в туннель, поправил пару ракушек и снова начал красоваться, расправив одно крыло. Ничего не скажешь, славно

потрудились, и я с сожалением подумал, что все его старания были впустую: самка не дожила до этого дня, и компанию шалашнику составляли обыкновенные крикливые вьюрки, которые в высшей степени безразлично относились к его архитектурным достижениям и выставке семейных сокровищ.

Атласный шалашник — один из немногих представителей пернатых, применяющих орудия: пользуясь пучком волокон как кисточкой, он иногда раскрашивает прутья своей беседки, причем красителем служат сок ярких ягод и влажные угольки. Увы, к тому времени, когда я вспомнил об этом и приготовился снабдить своего поднадзорного синей краской и куском старой веревки — шалашники особенно любят синий цвет, — он уже потерял интерес к постройке, его не вдохновил даже полный набор картинок, изображающих солдат в мундирах разных эпох.

Другой представитель шалашниковых сооружает еще более внушительное жилище, высотой до полутора метров и больше, нагромождая возле двух деревьев прутья и делая из вьюнков кровлю. Внутреннее помещение аккуратно выстилается мхом, а снаружи сей тороватый джентльмен с изысканными вкусами украшает свою беседку орхидеями. Перед входом он устраивает маленькую клумбу из зеленого мха, на которой раскладывает всевозможные яркие цветы и ягоды, какие только можно найти в округе, причем ежедневно обновляет экспозицию, унося за беседку все увядшие украшения.

У млекопитающих ухаживание, естественно, не носит такого театрализованного характера, как у птиц. Вообще млекопитающим явно присущ более приземленный, я бы даже сказал — современный подход к вопросам любви.

Когда я работал в зоопарке «Уипснейд», мне довелось наблюдать брачный ритуал двух тигров. Самка была робким, подобострастным существом; стоило супругу чуть рявкнуть, как она сжималась в комок. Так продолжалось, пока у нее не началась течка, после чего она вдруг превратилась в опасного и коварного зверя. Тигрица вполне сознавала свою привлекательность, но не спешила принять ласки супруга, который все утро униженно следовал за ней, прижимаясь брюхом к земле, причем нос его украшали глубокие кровавые царапины, оставленные ее когтями. Всякий раз, как он, забывшись, оказывался чересчур близко, она отмахивалась лапой, и удар приходился прямо по носу ухажера. Если же он, обидевшись, забивался под куст, самка с громким мурлыканьем подходила и терлась об него. В конце концов он вставал и снова принимался ходить за ней, подбираясь все ближе и ближе, пока не получал очередную затрещину.

Но вот тигрица завела его в ложину с высокой травой, легла на землю и с полузакрытыми глазами замурлыкала себе под иос. Кончик ее хвоста черно-белым шмелем метался в траве, и одурманенный бедняга-супруг ловил его, будто котенок, легонько ударяя широченными лапищами. Наконец самке надоело играть роль соблазнительницы, она прильнула к земле и издала мурлыкающий стон. Глухо рыкая, тигр приблизился. Тигрица опять простонала и подняла голову; самец в это время ласково покусывал ее загривок своими мощными клыками. Снова из глотки тигрицы вырвалось удовлетворенное мурлыканье, и два огромных полосатых тела слились воедино в зеленой траве.

Не все млекопитающие могут похвастать такой яркой и нарядной окраской, как тигры, а потому многие из них полагаются на мускульную силу и прибегают в борьбе за самку к тактике троглодита. Взять хотя бы бегемотов. Глядя на лежащего в воде громадного тучного зверя, который кротко и простодушно таращит на вас выпуклые глаза, время от времени издавая ленивый удовлетворенный вздох, разве можно поверить, что он способен на вспышку дикой ярости из-за самки? Впрочем, если вы видели, как бегемот зеваает, демонстрируя торчащие с обеих сторон четыре огромных и острых кривых клыка (а между ними, словно шипы из слоновой кости, притаились еще два поменьше), вам не надо объяснять, чем они грозят сопернику.

Во время одной из моих экспедиций в Западную Африку мы разбили лагерь на берегу реки, в которой обитало небольшое стадо бегемотов. Они явно жили мирно и благополучно, и каждый раз, когда мы

отправлялись куда-нибудь на лодке, сопровождали ее часть пути. Вертя ушами и время от времени громко фыркая в воде, бегемоты подплывали совсем близко и с любопытством рассматривали нас. Насколько я мог судить, стадо состояло из четырех самок и двух самцов — один пожилой тяжеловес, другой помоложе. Кроме того, при одной из самок находился детеныш; достаточно крупный и толстый, он тем не менее был не прочь покататься на спине своей мамы. Как я уже заметил, казалось, что все они живут в полном согласии. Но однажды вечером, едва начало темнеть, мы услышали рев и крики, напоминающие хоровое выступление помешанных ослов. Дикая вопли перемежались паузами, которые нарушались фырканием или плеском воды. По мере того, как сгущалась темнота, крики становились все громче, а паузы реже, и, поняв, что мне вряд ли придется заснуть, я решил проверить, в чем дело. Сел в лодку и спустился к излучине метрах в двухстах от лагеря, где бурный поток вырыл глубокую заводь и набросал на берег широкий полукруг ослепительно белого песка. Я знал, что там находится любимое прибежище гиппопотамов; и как раз оттуда доносился страшный шум. Сегодня там явно творилось что-то неладное: обычно в эти вечерние часы команда толстяков выходила из воды и топала вдоль берега, чтобы совершить набег на огород какого-нибудь незадачливого крестьянина, теперь же, хотя время кормежки давно наступило, они все еще оставались в заводях. Причалив к песчаному берегу, я приискал себе удобную точку, чтобы лучше видеть происходящее. Можно было не опасаться, что меня услышат, — дикий рев и мычание и плеск воды совершенно заглушали хруст песка под моими ногами.

В первые минуты я не увидел ничего, кроме белых всплесков пены там, где возились бегемоты. Но вот

взошла луна и озарила ярким светом самок и детеныша. Они сбились в кучу на краю заводи и, высунув из воды лоснящиеся головы с беспокойно вертящимися ушами, время от времени разевали пасти, чтобы издать громкие крики наподобие греческого хора. Глаза их неотрывно следили за двумя самцами, которые стояли на отмели посередине заводи. Вода доходила самцам до брюха; огромные бочковидные туши и жирные складки на шее блестели, будто намащенные. Наклонив головы, соперники смотрели друг на друга и фыркали, что твой паровоз. Внезапно молодой самец вскинул свою огромную голову, распахнул пасть, сверкая клыками в лунном свете, и издал жуткий протяжный крик. Не успел он замолкнуть, как старик, оскалив зубы, бросился на него с непостижимой для такого тяжеловеса прытью. И так же прытко молодой бегемот отпрянул в сторону. Старик вспенил воду не хуже какого-нибудь диковинного линкора и набрал такую скорость, что не смог вовремя затормозить; пользуясь этим, соперник сделал выпад вбок и вонзил ему в плечо свои страшные зубищи. Старик развернулся и снова пошел в атаку. В ту самую секунду, когда он поравнялся с противником, луна скрылась за облаком, а когда она выглянула снова, бойцы опять стояли в исходном положении, мордой друг к другу, наклонив голову и фыркая.

Два часа сидел я на песчаной косе и смотрел, как дородные дуэлянты дубасят друг друга, взбалтывая воду и песок. Насколько я мог судить, старику доставалось больше. Нельзя было не посочувствовать ветерану. словно великий в прошлом боксер, который с годами обрюзг и утратил живость движений, он продолжал бой, хотя заведомо был обречен на поражение. Молодой самец, более легкий и подвижный, свободно увертывался от всех выпадов, зато его зубы без промаха поражали цель — плечо или загривок

старика. Самки все так же наблюдали за боем издали, семафоря ушами и время от времени издавая мрачные вопли, выражающие то ли сострадание попавшему в переделку старцу, то ли восторг при виде успехов его молодого соперника. Впрочем, скорее всего они кричали просто от возбуждения.

В конце концов, поскольку было похоже, что бой продлится еще не один час, я вернулся на лодке в селение и лег спать.

Небо только-только начало светлеть на горизонте, когда я проснулся. Бегемоты молчали; видимо, поединок кончился. Я надеялся, что победил старик, хотя и сильно сомневался в этом. Окончательный ответ я услышал еще до полудня от одного из моих охотников: он доложил, что километрах в трех ниже по течению, где река огибала песчаную косу, в излучине обнаружен труп старого бегемота. Спустившись к месту находки, я с ужасом увидел, как искалечили могучее тело ветерана зубы молодого самца. Плечи, загривок, широкие складки на шее, бока, брюхо — все распорото, и вода вокруг мертвой туши порозовела от крови. Вместе со мной пришли все жители селения; такая гора мяса была для них подлинным даром небес. Они с любопытством следили, пока я осматривал тушу, и, как только я отошел в сторону, облепили ее, словно муравьи. Толкаясь и крича от возбуждения, африканцы лихо орудовали своими ножами и мачете. Дорогая цена за любовь, думал я, глядя, как огромная туша исчезает на глазах под натиском голодных людей.

Мы говорим о страстных натурах, что у них горячая кровь, а между тем в мире животных холоднокровные могут поспорить в исполнении брачного ритуала с теплокровными. Поглядите на обыкновенного крокодила, когда он с неизменной сардонической ухмылкой лежит на берегу, созерцая немигающими глазами живые картины скользящего перед ним

потока, — казалось бы, какой из него любовник? Но когда приходит час, и место подходящее, и дама хороша, он готов ради нее идти на бой. Глядишь, завертелись кубарем в воде два самца, колотя и кусая друг друга. После схватки ликующий победитель исполняет диковинные па: задрав кверху голову и хвост и трубя, словно туманный горн, он описывает на воде круг за кругом. Видимо, сей танец рептилий соответствует нашему старомодному вальсу.

У пресноводных черепах можно встретить примеры отношения к представительницам слабого пола, выраженного в известной фразе: «Держи ее в ежовых рукавицах, и будет тебя любить». Плавательные конечности этих черепах оснащены перепонками и острыми когтями, причем у одного вида когти особенно длинные. Плышет такой самец и вдруг замечает симпатичную самку. Тотчас он преграждает путь избраннице и принимается бить ее по голове своими длинными когтями, да так быстро, что не уследить за их мельканием, видно лишь неясное пятно. И самка явно ничуть не обижается, напротив, похоже, что ей приятно такое ухаживание. Но ведь нельзя же, пусть ты всего-навсего черепаха, сразу уступить домогательствам кавалера. Надо изобразить недотрогу, хотя бы на короткое время, и черепаха, свернув в сторону, как ни в чем не бывало плывет дальше. Одержимый неистовой страстью самец догоняет беглянку, останавливает, прижимает к берегу и задает ей новую трепку. Эта сцена может повторяться несколько раз, прежде чем самка даст согласие делить с ним хлеб и кров. Что бы ни говорили о рептилиях, лицемером этого джентльмена не назовешь, он с первых шагов дает своей даме сердца понять, что ее ожидает. Причем столь бурное заигрывание ее отнюдь не возмущает; скорее, она приветствует оригинальные

знаки внимания. Так ведь давно известно, что на вкус и цвет товарищей нет. Даже среди людей.

И все же, если говорить об изобретательности и выдумке в делах любви, я бы отдал пальму первенства насекомым.

Возьмем богомола — да стоит только взглянуть на эту физиономию, и вас уже не удивят никакие подробности его личной жизни. Малюсенькая голова, огромные выпуклые глазищи на крохотном заостренном личике с трепещущими усиками... А окраска глаз? Посреди бледной, водянисто-желтой радужки — черный кошачий зрачок, придающий насекомому вид безумного маньяка. Из переднего отдела груди торчат вооруженные грозными шипами мощные ноги; постоянно согнутые в ханжески-молитвенном жесте, они готовы в любую секунду выпрямиться и сокрушить жертву в крепком объятии, уподобляясь зубчатым ножницам. Еще у богомолов взгляд какой-то неприятный. Оки совсем по-человечьи вертят головой — наклонят набок свою рожицу и удивленно таращат на вас безумные глаза. Или, если вы зашли сзади, глядят на вас через плечо, будто выжидая, что последует. Честное слово, только самец этого племени способен усмотреть что-то привлекательное в самке. Да и то, казалось бы, здравый смысл должен подсказать ему, что от невесты с такой физиономией лучше держаться подальше. Куда там, на моих глазах опьяненный любовью самец страстно обнял свою избранницу, и в тот самый миг, когда они осуществляли брачные отношения, супруга тихо повернула голову назад и принялась уписывать его.

Словно гурман, откусывала она от висящего на ее спине трупика блестящие кусочки и смаковала их, и нежные усики ее трепетали в лад жующим челюстям.

Как известно, среди пауков тоже есть самки, у которых выработалась нехорошая привычка закусывать

супругом, так что самец, приближающийся к паутине избранницы, подвергает себя немалой опасности, Если паучиха голодна, не исключено, что он даже не успеет, как говорится, рот раскрыть для объяснения в любви, как превратится в аккуратно связанный узелок и мадам примется высасывать из него жизненные соки. У одного вида пауков самец разработал способ, позволяющий ему приблизиться вплотную к самке и массажем привести ее в милостивое расположение духа без риска быть съеденным. Он приносит паучихе маленький подарок — падальную муху или еще что-нибудь в этом роде — в красивой обертке из шелковистой нити. Пока избранница уписывает дар, кавалер заходит сзади и начинает поглаживать ее ногами, так что она впадает в подобие транса. Иногда ему удается уйти живьем после свадьбы, но чаще он бывает съеден в конце медового месяца. Поистине, единственный путь к сердцу паучихи ведет через ее желудок.

Самец другого вида изобрел еще более хитроумное средство для укрощения своей свирепой супруги. Приблизившись и усыпив возлюбленную легким поглаживанием, он быстро-быстро привязывает ее шелковым шнурком к земле, и, когда паучиха просыпается на брачном ложе, ей уже невозможно сделать свадебный завтрак из супруга, пока она не распутает все узлы. Обычно за это время паук успевает унести ноги.

Кстати, чтобы наблюдать действительно экзотический роман, вам вовсе не надо отправляться в тропические дебри: пойдите в свой собственный сад и понаблюдайте за обыкновенной улиткой. Вашим глазам предстанет сюжет, достойный наисовременнейшей повести, ибо улитки — гермафродиты, так что в ухаживании и спаривании каждой из них доступны утехи самца и самки. Но еще более удивительно, что в теле улитки есть нечто вроде мешочка, в котором

образуется крохотный листовидный кусочек извести, получивший название любовной стрелы. И вот, когда встречаются две улитки — обе, как я уже говорил, двуполые, — они приступают к весьма необычной любовной игре, вонзая друг в друга любовные стрелы, которые проникают глубоко в ткань и довольно быстро там рассасываются. Судя по всему, поединок этот не причиняет боли дуэлянтам, напротив, стрелы явно вызывают приятное, возбуждающее ощущение. Во всяком случае, обменявшись уколами, оба партнера не мешкая заключают брачный союз.

Я не садовник, а то непременно отвел бы в своем саду тихий уголок для улиток. И пусть бы ели мою зелень: для существа, которое обходится без услуг Купидона, которое носит при себе собственный колчан со стрелами любви, право же, не жаль какой-то там скучной бесполой капусты. Я почитал бы честью для себя присутствие в моем саду такого обитателя.

Животные строят

Не так давно я получил посылочку от одного моего друга в Индии. К ней была приложена записка: «Держу пари, ты не угадаешь, что это такое». Крайне

заинтригованный, я снял обертку и увидел два небрежно сшитых вместе листа.

Мой друг проиграл бы пари, если бы оно состоялось. При первом же взгляде на крупные и не очень-то ловкие швы мне стало ясно, что передо мной предмет, который я много лет мечтал увидеть: гнездо славки-портнихи. Оба листа, напоминающие формой листья лавра, были длиной около пятнадцати сантиметров; сшитые вместе по краям, они образовали остроконечный мешочек. Внутри мешочка помещалось аккуратное гнездышко из травы и мха, а в гнездышке лежали два крохотных яйца. Славка-портниха — маленькая птичка, величиной с синицу, но клюв у нее: довольно длинный, он-то и служит иглой. Присмотрев растущие рядом листья, птица сшивает их тонкой ниткой. Однако самое удивительное даже не это, а тот факт, что никто толком не знает, откуда портниха берет нитки. Одни специалисты утверждают, что она скручивает их сама из растительного пуха, другие предполагают существование еще какого-то, до сих пор не обнаруженного источника. Швы, как я уже сказал, были крупные и неровные, но много ли людей, если на то пошло, сумели бы красиво сшить два листа, пользуясь клювом вместо иглы?

Архитектурное искусство развито в животном царстве далеко не равномерно. Некоторые животные весьма смутно представляют себе, как надлежит соорудить пристойную обитель, тогда как другие создают прелестные, весьма хитроумные жилища. Странно, что даже среди родственных видов наблюдается великое разнообразие вкусов при выборе оформления, расположения и размеров жилья, а также строительных материалов.

У пернатых, как известно, можно видеть гнезда самых разных видов и размеров. Тут и славка-портниха с ее лиственной колыбелькой, тут и императорский

пингвин, располагающий для строительства только снегом, а потому вовсе отказавшийся от идеи гнезда. Пингвин укладывает яйцо поверх своих широких плоских лап и накрывает его, словно сумкой, перьями и кожей собственного живота. Стриж салангана лепит хрупкое чашевидное гнездо из своей слюны и прутиков, прикрепляя его на стену пещеры. Поражают многообразием жилища африканских ткачиков.

Колонии одного из видов строят гнездо величиной с полкопны сена, получается нечто вроде многоэтажного дома, где каждая птица занимает отдельную квартиру. Наряду с законными жильцами в этих гигантских гнездах подчас селятся самые неожиданные квартиранты — белки, галаго и даже змеи. Разбирая такое сооружение на части, кого только не увидишь! Не мудрено, что известны случаи, когда деревья не выдерживали тяжести громоздких конструкций и ломались. Обыкновенные западноафриканские ткачики сплетают из пальмового волокна аккуратные круглые гнезда, похожие на небольшие корзины. Они тоже живут колониями; поглядишь на дерево — сплошь увешано гнездами, словно какими-то диковинными плодами. Голосистые жильцы в блестящем оперении ухаживают друг за другом, высиживают яйца, выкармливают отпрысков и совсем по-человечьи препираются с соседями — словом, все, как в жилищном товариществе.

Чтобы устроить такое жилище, птице надо было научиться не только ткать, но и завязывать узлы: ведь гнезда очень крепко привязаны к ветвям, не сразу оторвешь. Однажды я наблюдал ткачика за работой — это было увлекательное зрелище. Вознамерившись укрепить гнездо на самом конце тонкой ветки примерно посередине ствола, птица села на нее, держа в клюве длинное пальмовое волокно. Ветка начала сильно качаться под весом ткачика, пришлось ему взмахивать

крыльями, чтобы не сорваться. Добившись относительного равновесия, он принялся манипулировать волокном, пока не ухватил его посередине, после чего стал пристраивать на ветке так, чтобы два кончика свисали с одной стороны, а петля — с другой. Ветка продолжала качаться, ткачик дважды ронял волокно и ловил его на лету, но в конце концов оно легло правильно. Придерживая волокно одной ногой, ткачик наклонился вперед и в крайне неустойчивом положении ухитрился продернуть оба кончика сквозь петлю и туго затянуть узел. Управившись с этим делом, он полетел за новым волокном и повторил маневр. Так продолжалось целый день, и к вечеру на ветке висела целая борода из тридцати — сорока волосинок.

К сожалению, мне не довелось проследить, как дальше развивалось строительство. В следующий раз, когда я смог вернуться к этому дереву, гнездо было пусто; очевидно, жильцы уже вывели потомство и улетели. Гнездо напоминало формой оплетенную бутылку; перед узким круглым входом было нечто вроде маленького крыльца, сплетенного из волокон. Я попробовал снять гнездо с ветки — куда там, пришлось сломать ветку. У меня было задумано разделить гнездо на две части, чтобы рассмотреть его внутренность. Волокна были переплетены так хитроумно и связаны так крепко, что я потратил на это немало времени и сил. Право же, поразительная конструкция, если учесть, что ее создатель не располагал никакими другими орудиями, кроме собственного клюва и ног.

Когда я путешествовал по Аргентине, мне бросилось в глаза, что чуть ли не каждый пенёк и столбик в пампе украшены диковинной глиняной нашлепкой величиной с футбольный мяч. Сперва я решил, что это термитники, очень уж «мячи» походили на столь типичные для западноафриканского ландшафта жилища термитов. И лишь после того как я увидел на одной нашлепке пухлую пичугу величиной с зарянку, с ржаво-красной спиной и серой манишкой, я понял, что это гнезда печника.

Отыскав необитаемое гнездо, я осторожно рассек его пополам. Искусство пернатого строителя изумило меня. Влажная глина была для прочности перемешана с травинками, корешками и волосом. Толщина стенок — около четырех сантиметров. Наружные поверхности оставлены без отделки, зато внутренние — гладкие, как стекло. Вход представлял собой отверстие в форме арки, вроде церковных врат, дальше следовал узкий

коридор, который, изгибаясь вдоль стены, приводил в круглую гнездовую камеру, выстланную перьями и мягкими корешками. Во всей конструкции было что-то от домика улитки.

Хотя я обследовал довольно обширную площадь, мне не удалось найти только что начатое гнездо, поскольку брачный сезон уже был в разгаре. Все же мне попало одно, завершённое наполовину. Печники широко распространены в Аргентине; своими движениями и манерой рассматривать вас блестящими темными глазами, наклонив голову набок, они напоминали мне английскую зарянку. Пара, которую я застал за строительством жилья, не обращала на меня внимания, пока я соблюдал дистанцию около трех с половиной метров; лишь иногда пичуги подлетали поближе, обозревали меня, взмахивали крылышками, как будто пожимали плечами, и возвращались к работе. Основание гнезда было прочно прикреплено к столбику изгороди; наружные стены и стенка внутреннего прохода возведены на высоту десять — двенадцать сантиметров. Оставалось лишь накрыть гнездо куполообразной крышей.

За влажной глиной пернатым строителям приходилось летать на берег мелкого залива примерно в километре от столбика. Озабоченно, с важным видом, прыгали печники вдоль воды, проверяя глину через каждые полметра-метр. Им нужен был строительный материал определенной вязкости. Найдя требуемое, они принимались возбужденно скакать, собирая полные клювы корешков и травинок; так и казалось, что у них вдруг выросли моржовые усы. С запасом арматуры птицы возвращались на облюбованный клочок цементирующего раствора и ловкими — движениями клюва смешивали глину с корешками и травинками, отчего их моржовые усы приобретали далеко не опрятный вид. Издав приглушенный крик торжества,

супруги летели к гнезду, клали на место строительный материал и начинали утаптывать его и уплотнять клювом. Нарастят таким способом стену — забираются внутрь гнезда и разглаживают свежий участок клювом, грудкой и даже крыльями, доводя его до блеска.

Когда печникам оставалось закончить лишь самый верх купола, я разбросал там, где они брали глину, ярко-красные шерстинки. К моему удовольствию, пернатые строители оценили заботу, и я увидел не совсем обычное зрелище — двух ржаво-красных пичуг с длинными алыми усами. Шерстинки тоже пошли в дело. Думается, на всей аргентинской пампе не нашлось бы другого гнезда печников с красным вымпелом на куполе.

Если печники — подлинные мастера строительного дела (их гнездо не сразу и молотком-то разобьешь), то голуби представляют другую крайность. У них совсем нет никакого понятия о том, как следует строить гнездо. Четыре-пять палочек, брошенных на развилке сука, — вот верх сложности в представлении среднего голубя. На такой ненадежной платформе откладываются яйца, их бывает обычно два. Когда ветер раскачивает дерево, хилое гнездо трясет так, что яйца только чудом не вываливаются. Как все голуби давно не перевелись, для меня остается загадкой.

Я знал, что голубь никудышный, бездарный строитель, но мне не приходило в голову, что его гнезда могут доставить большие неприятности натуралисту. В Аргентине я убедился в этом на собственной шкуре. На берегу реки под Буэнос-Айресом я попал в рощу, где все деревья (высота их не превышала десяти метров) были заняты голубиной колонией. На каждом дереве — по тридцать — сорок гнезд. Идя через рощу, можно было снизу рассмотреть между небрежно положенными палочками толстенький живот птенца или поблескивающее яйцо. Гнезда

выглядели настолько ненадежными, что так и хотелось идти на цыпочках, чтобы мои шаги не нарушили шаткого равновесия.

Посреди рощи стояло дерево с множеством гнезд, которые почему-то были покинуты голубями. На самой макушке громоздилось массивное сооружение из прутьев и листьев — несомненно, гнездо, и так же несомненно не голубиное. Может быть, обитатель этой не очень эстетической конструкции как раз и повинен в том, что голуби бросили свои гнезда? Я решил влезть на дерево и посмотреть, дома ли хозяин. К сожалению, я с некоторым опозданием осознал свой промах: чуть не в каждом голубином гнезде лежали яйца, и мое продвижение вверх по стволу вызвало подлинный яичный водопад. Яйца градом сыпались на меня и разбивались, украшая мою одежду узорами из желтка и скорлупы. Это бы еще ничего, но яйца все до одного протухли, и к тому времени, когда я, обливаясь потом, добрался до макушки, от меня разило то ли кожаным заводом, то ли выгребной ямой. А тут еще новое унижение: хозяин гнезда отсутствовал, так что за все мои усилия я был вознагражден лишь густой обмазкой из желтка да ароматом, которому позавидовал бы и сунс. С трудом спустился я вниз, мечтая поскорее закурить сигарету, чтобы вытеснить из ноздрей едкий запах тухлятины. Земля под деревом была усеяна разбитыми яйцами вперемешку — с разлагающимися трупиками нескольких птенцов. Пулей выскочив из рощи, я сел, облегченно вздохнул и полез рукой в карман за сигаретами. Пачка, которую я вытащил, была мокрая от яичного желтка... Пока я карабкался вверх, одно яйцо каким-то чудом угодило прямо в карман — и пропали мои сигареты. Пришлось топтать три километра до дома, дыша мерзким запахом тухлятины, причем вид у меня был такой, словно я без особого успеха участвовал в состязании кулинаров на

лучший омлет. С той поры я как-то недолюбиваю голубей.

Млекопитающие в целом уступают птицам как строители, однако есть и среди них большие мастера. Барсук, например, роет замысловатейшие норы, причем последующие поколения нередко добавляют новые ходы, и получаются настоящие катакомбы с коридорами, тупиками, спальнями, детскими комнатами и столовыми. Еще один знаменитый строитель — бобр. Его обитель находится наполовину под водой; толстые стены выложены из хвороста, скрепляемого илом. Подземный ход позволяет животным входить и выходить из хатки даже в тех случаях, когда водоем покрыт льдом. Кроме того, бобры устраивают каналы, чтобы сплавлять бревна, предназначенные для ремонта плотин или для корма. Бобровая плотина — подлинный шедевр: на сотни метров тянутся подчас массивные сооружения из плотно уложенных стволов, скрепленных глиной или илом. Любая щель немедленно заделывается, чтобы вода не ушла и не открыла доступ в жилище хищному врагу. Глядя на хатки, каналы и плотины бобров, естественно заключить, что это чрезвычайно мудрые и сообразительные животные. Увы, это не так. Судя по всему, тяга к строительству плотин — страсть, которую ни один уважающий себя бобр не может подавить, даже если в такой конструкции нет никакой нужды. Поместите бобров в просторный цементный бассейн — они деловито примутся перекрывать его плотиной, чтобы удержать воду...

Но подлинные виртуозы строительного дела в животном царстве, вне всякого сомнения, — насекомые. Достаточно посмотреть, с какой изумительной математической точностью построены соты общественных пчел. Насекомые способны сооружать удивительнейшие гнезда, применяя всевозможные материалы — дерево, бумагу, воск, ил, шелковистые

нити, песок. И конструкции тоже отличаются великим разнообразием. Мальчишкой, в Греции, я часами рыскал по мшистым берегам, разыскивая норки ктенизиды, которые можно отнести к замечательнейшим образцам архитектуры в мире животных. Этот паук, если расставит ноги, займет площадь, равную монете средней величины; окраска у него такая, будто он сделан из шоколада. Тело толстое, кургузое, ноги не очень длинные; по внешности ни за что не скажешь, что перед вами существо с талантом к изящной работе. Между тем сей неуклюжий с виду строитель роет норки длиной до пятнадцати сантиметров и больше при ширине в несколько сантиметров и тщательно выстилает их паутиной, так что получается нечто вроде шелковой трубочки. Но самое главное во всей конструкции — люк, круглая крышечка с аккуратно скошенным краем, наглухо закрывающая вход в норку и укрепленная на шарнире из паутины. Сверху она маскируется волосками мха или лишайника и совершенно сливается с окружением. Если вы в отсутствие хозяина откроете люк, то на шелковистой нижней поверхности увидите аккуратные черные ямочки. Это, так сказать, ручки, за которые паук цепляется своими коготками, чтобы не могли войти посторонние. По-моему, единственное существо, способное без восхищения смотреть на изумительную норку ктенизиды, — это сам паук. Ибо для самца, вошедшего в шелковистую трубочку, она является одновременно туннелем любви и смерти. После спаривания в темной обители самка тут же казнит его и съедает.

Одно из моих первых знакомств с животными-архитекторами состоялось в возрасте десяти лет. Я тогда страстно увлекался пресноводной фауной и почти все свободное время проводил на прудах и речках, вылавливая обитающую в них мелюзгу и помещая ее в

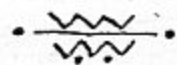
большие стеклянные банки, которые стояли в моей спальне. Одна из банок была полна личинками ручейников. Эти причудливые создания, напоминающие гусениц, сооружают открытые с одного конца шелковистые трубчатые домики, или чехлики, украшая их снаружи различными материалами для камуфляжа. Мои личинки не могли похвастаться особо красивыми чехликами, потому что были собраны в стоячей луже. Единственными украшениями им послужили кусочки гниющих водорослей.

Однако мне рассказали, что, если извлечь личинку из чехлика и положить в банку с чистой водой, она сделает себе новый домик и украсит его тем, что вы предложите. Я не очень-то в это поверил, но решил все же сделать опыт. С предельной осторожностью извлек из домиков четыре возмущенно извивающихся личинки, поместил в банку с чистой водой и положил на дно банки горсть крохотных выцветших морских ракушек. С удивлением и радостью увидел я, что личинки повели себя именно так, как мне было сказано. И когда были готовы новые чехлики, они напоминали филигранные корзиночки из ракушек.

Я пришел в такой восторг, что заставил личинок трудиться без передышки. Им то и дело приходилось мастерить себе новые чехлики, украшенные самыми неожиданными декоративными материалами. Кульминационный момент наступил, когда я обнаружил, что можно принудить личинки делать разноцветные домики, если перенести их в другую банку, не дожидаясь, пока конструкция будет завершена. В некоторых случаях я получил таким способом весьма диковинные изделия. Помню домик, одна половина которого была изумительно отделана ракушками, а другая — кусочками древесного угля. Но высшим достижением были три чехлика, декорированных синими стеклышками, кусочками

красного кирпича и белыми ракушками. Причем цвета чередовались; правда, полосы были неровные, но все же достаточно явственные, как на английском флаге.

В моих коллекциях и после побывало предостаточно животных, которыми я гордился, и все же никогда я не испытывал такого удовлетворения, как в то время, когда хвастался перед друзьями красно-бело-синими чехликами. Подозреваю, что бедные личинки были счастливы, когда превратились наконец во взрослых насекомых и избавились от необходимости строить домики.

Животные сражаются

Помню, как я в Греции лежал на пропеченном солнцем склоне холма, поросшего узловатыми маслинами и миртовым кустарником, и наблюдал бушующую у самых моих ног затяжную и жестокую войну. На мою долю выпала редкостная удача быть, так сказать, военным корреспондентом на поле боя. Я впервые оказался свидетелем такой войны и глядел во все глаза.

Обе армии состояли из муравьев. Атаковали поблескивающие на солнце ярко-рыжие муравьи, оборонялись угольно-черные. Я вполне мог прозевать эту схватку, если бы задолго до того не обратил внимание на один крайне необычный муравейник. Его

населяли два вида муравьев — рыжие и черные, причем они жили в полном согласии. Раньше мне не доводилось видеть такого сочетания, поэтому я обратился к справочникам и выяснил, что рыжие — они были подлинными хозяевами муравейника — получили выразительное прозвище «рыжих рабовладельцев», а черные — и впрямь их рабы, захваченные в плен и порабощенные еще на стадии куколок. Ознакомившись по книгам с нравами «рабовладельцев», я взял муравейник под наблюдение, надеясь сам увидеть, как рыжая армия отправляется в поход за невольниками. Но проходили месяцы, и я начал думать, что эти «рабовладельцы» слишком обленились или же их вполне устраивает то количество рабов, которым они располагают.

Крепость рыжих располагалась подле корней маслины; в десяти метрах ниже по склону обосновались черные муравьи. Однажды утром, проходя мимо них, я заметил, что приблизительно в метре от муравейника снует отряд «рабовладельцев». Я остановился. На довольно большой площади рассыпалось три-четыре десятка рыжих муравьев. Это не были фуражиры, быстрые движения которых подчинены сосредоточенному поиску. Рыжие описывали неторопливые круги, иногда взбирались на травинку и поводили усиками, застыв на ее верхушке. Время от времени два муравья встречались и словно затевали оживленный разговор, соприкасаясь усиками. Понадобилось некоторое время, прежде чем я сообразил, что происходит. Передвижения рыжих муравьев были вовсе не такими бесцельными, как мне показалось поначалу; они рыскали, точно свора охотничьих псов, досконально изучая путь, по которому предстояло пройти их армии.

Черные муравьи были явно встревожены. Столкнувшись с рыжим разведчиком, черный муравей обращался в бегство и спешил к своему муравейнику, чтобы присоединиться к сбившимся в кучки, возбужденно совещающимся сородичам. Два дня разведчики «рабовладельцев» занимались рекогносцировкой местности, и я начал склоняться к мысли, что они посчитали крепость черных муравьев неприступной. Но, придя на склон утром третьего дня, обнаружил, что война уже началась.

Разведчики в сопровождении четырех-пяти небольших отрядов сблизилась с черными муравьями, и на отдельных участках фронта в метре от осаждаемого

муравейника шли бои местного значения. Черные муравьи с каким-то истерическим неистовством бросались на рыжих, а те медленно, но верно отступали, время от времени хватая какого-нибудь противника и безжалостным, резким движением своих могучих челюстей прокусывая ему голову или брюшко.

Примерно на середине склона я застал марширующие вниз главные силы «рабовладельцев». Часом позже они приблизились к муравейнику черных на метр-полтора, после чего с поразившей меня изумительной четкостью разделились на три колонны. Одна колонна двинулась прямо на муравейник, а две другие, образовав цепочку, пошли в обход, чтобы взять противника в клещи. Удивительное зрелище! Я чувствовал себя так, словно чудом был вознесен в воздух над каким-нибудь историческим полем битвы — Ватерлоо или что-нибудь в этом роде.

Я видел как на ладони расположение войск атакующей и обороняющейся сторон, видел поспешающее через травяную чащу подкрепление и подступающие все ближе к муравейнику обходные отряды, меж тем как черные муравьи, не подозревая об их маневре, все силы бросили против центральной колонны. Для меня было совершенно очевидно, что черные обречены, если вовремя не обнаружат, какая опасность нависла над ними. Я разрывался между стремлением как-то помочь осажденным и желанием оставить все как есть, чтобы проследить, чем это кончится. В конце концов я поймал черного муравья и посадил его на землю перед идущими в обход рыжими, но его тотчас обнаружили и умертвили, и я почувствовал себя виновником его гибели.

Все же черные муравьи наконец заметили, что им грозит полное окружение. В лагере осажденных началась паника, черные заметались взад-вперед; некоторые, потеряв от страха голову, устремлялись

навстречу рыжим воинам и погибали. Но более хладнокровные ринулись в глубь муравейника и принялись спасать куколок, вынося их на поверхность и складывая подальше от наступающего врага. Здесь другие члены колонии подхватывали куколок, чтобы доставить их в безопасное место.

Они опоздали. Аккуратные цепочки обходных отрядов внезапно рассыпались и наводнили весь участок сплошным красным потоком. На каждом сантиметре шли поединки. «Рабовладельцы» набрасывались на черных муравьев, сжимающих в своих челюстях куколок, и принуждали их расстаться с драгоценной ношей. Сопrotивляющихся безжалостно приканчивали; менее отважные спасали свою жизнь, бросая куколку при виде рыжего воина. Вся земля вокруг была усеяна мертвыми и умирающими представителями обоих видов; между трупиками беспорядочно сновали черные муравьи, а «рабовладельцы» уже собирали куколок и направлялись вверх по склону обратно в собственную крепость. На этой стадии сгущающиеся сумерки вынудили меня покинуть арену боя.

Когда я на другой день рано утром снова пришел на склон, война была уже закончена. Обитель черных муравьев опустела, если не считать разбросанных кругом убитых и раненых. Обе армии исчезли. К муравейнику рыжих я поспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как возвращаются последние отряды, бережно неся в челюстях военную добычу. У входа их возбужденно приветствовали черные рабы; они поглаживали куколок усиками и суетились около своих повелителей, ликуя по поводу успешного набега, совершенного «рабовладельцами» на их сородичей. Было что-то очень человеческое и очень неприятное в поведении участников этой сцены.

Может быть, несправедливо говорить о воинственности животных, ведь большинство из них слишком разумны, чтобы затевать войны в том смысле, как мы их понимаем. Исключением являются муравьи, и в частности «рабовладельцы». Что же до большинства других животных, то для них война заключается в нападении на добычу или в обороне от врага.

Увидев, как сражаются «рабовладельцы», я проникся восхищением к их военной стратегии, но любовью к ним не воспылал. И я даже обрадовался, обнаружив, что против них существует, так сказать, подпольное движение. Речь идет о муравьиных львах. Взрослый муравьиный лев очень похож на стрекозу и производит вполне невинное впечатление. Однако детки этого насекомого — прожорливые чудовища, применяющие весьма коварный способ охоты на свою добычу, которая по большей части состоит из муравьев.

У личинки расширенное тело; крупная голова вооружена челюстями, напоминающими клещи. Облюбовав участок с рыхлым песчаным грунтом, она вырывает в нем конусовидную ямку, на дне которой и подстерегает жертву, спрятавшись в песке. Рано или поздно какой-нибудь муравей-хлопотун, спешащий куда-то по своим делам, оступается на краю ловушки и скатывается вниз. Мигом осознав свою промашку, он всячески пытается выбраться на волю, однако это не так-то просто, потому что рыхлый песок не выдерживает его веса. Тщетно перебирая ножками на откосе, муравей сталкивает вниз песчинки, которые будят притаившегося на дне душегуба. Тотчас муравьиный лев начинает действовать. Работая челюстями и головой, как пескоструйным механизмом, он обстреливает песчинками муравья, все еще отчаянно барахтающегося на склоне. От такого обстрела бедняга, и без того с трудом удерживавший равновесие, летит кувырком на дно, где за внезапно раскрывающимся

песчаным занавесом его ожидают пылкие объятия, простите, огромные изогнутые челюсти муравьиного льва. Отбивающаяся жертва медленно исчезает, словно поглощаемая зыбучим песком, и через несколько секунд воронка опять пуста, но под невинным на взгляд покровом хищник высасывает жизненные соки из своей жертвы.

Еще одно животное, которое поражает свою добычу (мух, бабочек, мотыльков и других насекомых) пулеметной очередью, — брызгун. Эта довольно симпатичная на вид небольшая рыба, обитающая в пресных и солоноватых водах Азии, развила хитроумнейший охотничий прием. Медленно плывя у самой поверхности, она ждет, когда насекомое сядет на свисающую над водой ветку или лист, и начинает осторожно приближаться к цели. Подойдя на расстояние около метра, прицеливается и внезапно направляет в добычу серию водяных капель. Точность прицела настолько высока, что эти пули сбивают озадаченное насекомое. В ту же секунду рядом оказывается брызгун. Легкий всплеск, завихрение — и насекомого как не бывало.

Мне как-то довелось работать в зоомагазине в Лондоне, и вот однажды с очередной порцией живого товара к нам поступил брызгун. Я был в восторге и с разрешения хозяина выставил тщательно подготовленный аквариум с брызгуном на витрине, поместив рядом табличку с рассказом об удивительных способностях этой рыбы. Моя реклама пользовалась успехом, однако публика хотела видеть своими глазами, как брызгун сбивает добычу, а это было не так-то просто устроить. Наконец меня осенило. По соседству помещалась рыбная лавка, и я подумал, что нет никаких причин, мешающих нам воспользоваться излишками пасущихся там падальных мух. Итак, я подвесил над аквариумом брызгуна кусок мяса не

первой свежести и оставил открытой дверь зоомагазина. Хозяин ничего не знал о моей затее. Мне хотелось сделать ему сюрприз.

Я вполне достиг своей цели.

К тому времени, когда он явился, в магазине собралась не одна тысяча мух. Брызгун с упоением демонстрировал свое искусство полусотне запрудивших тротуар зрителей и мне, стоящему за прилавком. Следом за хозяином буквально по пятам в магазин ворвался полицейский; явный невежда в зоологии, он пожелал узнать, чем вызвана пробка. К моему удивлению, хозяин, вместо того чтобы прийти в восторг от моей изобретательности, явно был склонен поддержать представителя власти. Кульминация наступила в тот момент, когда хозяин наклонился над аквариумом, чтобы отвязать подвешенное над ним мясо, и прямо в лицо ему ударила струйка воды, выпущенная брызгуном, который высмотрел особенно заманчивую добычу. Хозяин не стал меня жучить, но на другой день брызгун куда-то исчез, и мне никогда больше не позволяли оформлять витрину.

Хорошо известно, что одна из наиболее популярных военных хитростей в мире животных — когда совершенно безобидное существо внушает потенциальному врагу, будто он натолкнулся на страшного, свирепого зверя, которого лучше не трогать. Один из самых забавных примеров этого рода продемонстрировала мне солнечная цапля в Британской Гвиане, когда я там занимался отловом зверей. Выкормленная индейцем изящная птица с тонким заостренным клювом и с медленной, величественной походкой была абсолютно ручной. Днем я разрешал ей свободно разгуливать по моему лагерю и только на ночь заточал в клетку. Чудесное оперение солнечной цапли переливается всеми красками осеннего леса, и когда птица замирала на фоне сухой листвы, она порой

становилась совсем невидимой. Казалось, такому грациозному и хрупкому созданию нечем обороняться от врага. Но это только казалось.

Однажды в лагерь явился под вечер охотник в сопровождении трех здоровенных воинственных псов, и один из них вскоре заметил цаплю, которая стояла, задумавшись, на краю поляны. Навострив уши и тихо ворча, пес взял птицу на прицел, два других тотчас присоединились к нему, и все три с развязным видом направились к цапле. Когда расстояние между ними сократилось до метра с небольшим, она наконец удостоила их своим вниманием: повернула голову, наградила псов испепеляющим взглядом, потом повернулась к ним. Псы сперва остановились, не зная толком, как поступить с птицей, которая не обращается в бегство с громкими воплями, затем придвинулись ближе. Внезапно цапля резко опустила голову и расправила крылья широким веером. При этом в центре каждого крыла обозначилось красивое пятно; вместе они в точности напоминали устремленные на вас глазищи огромной совы. Мгновенное превращение маленькой, кроткой, изящной птицы в подобие разъяренного филина ошеломило собак. Они остановились, бросили еще один взгляд на трепещущие крылья и задали стрекача. А солнечная цапля сложила крылья, поправила клювом несколько перышек на груди и снова погрузилась в задумчивость. Было очевидно, что псы ни в коей мере не нарушили ее душевного равновесия.

Особенно изобретательны в делах обороны насекомые. Вот уж кто подлинные мастера камуфляжа, ловушек и других способов ведения войны! И одно из самых поразительных оборонительных средств принадлежит жуку-бомбардиру.

Одно время в моем владении, чем я весьма гордился, находилась настоящая дикая черная крыса,

попавшая в плен ко мне в довольно юном возрасте. Это было на редкость красивое животное с черной как смоль лоснящейся шерстью и блестящими черными глазами. Половину времени мой узник посвящал своему туалету, половину — еде. Особенно любил он насекомых любых размеров и видов. Бабочки, богомолы, палочники, тараканы — все они, попав в его клетку, тотчас отправлялись куда следует. Даже самые крупные богомолы были бессильны постоять за себя, хотя порой им удавалось вонзить в нос врага свои шипы и выдавить бисеринку крови, прежде чем он их схрупывал. Но однажды я раздобыл насекомое, которое взяло верх над ним. Большой темный жук сидел в раздумье под камнем, моя пытливая рука перевернула этот камень, я заключил, что жук несомненно придется по вкусу моей крысе, и сунул его в спичечный коробок. Дома я извлек крысу из спального отсека, потом открыл коробок и вытряхнул лакомство на пол клетки. В зависимости от рода добычи моя крыса расправлялась с ней двумя разными способами. Если речь шла о быстроходном и воинственном насекомом вроде богомола, она бросалась на него и молниеносным укусом выводила из строя. Если же попадался безобидный жук-тихоход, крыса брала его лапами и грызла, словно сухарь.

Завидев беспорядочно ползающую по полу заманчивую тучную добычу, крыса подбежала, схватила ее розовыми лапками и села на корточки с видом гурмана, который приготовился оценить первый трюфель сезона. С дрожащими от нетерпения усиками она поднесла жука ко рту — и тут произошло нечто удивительное. Крыса оглушительно чихнула, выронила жука, отпрянула назад, будто ужаленная, и стала поспешно тереть лапками свою мордочку. Я подумал было, что на нее просто напал чох в ту самую секунду, когда она хотела приступить к трапезе. Вытеревшись,

крыса опять приблизилась к жуку, теперь уже более осторожно, подняла и снова поднесла ко рту. Послышалось сдавленное фыркание, крыса отбросила жука, словно раскаленное железо, и с негодующим видом принялась вытирать нос. Двух неудач для нее явно было достаточно, потому что никакие силы не могли больше заставить ее подойти к жуку, более того, она его явно боялась. Стоило ему забрести в тот угол клетки, где сидела крыса, как она отскакивала в сторону. Вернув жука в спичечный коробок, я пошел в дом, чтобы определить его по справочникам. Только тут выяснилось, что я подсунил своей несчастной крысе бомбардира. Обороняясь от врага, этот жук выбрасывает из конца брюшка едкую жидкость, которая на воздухе испаряется с легким треском, образуя облачко едкого и зловонного газа. Понятно, что такой взрыв отбивает у противника всякую охоту впредь иметь дело с жуками-бомбардирами.

Я от души сочувствовал черной крысе. Подумайте сами, каково это: только ты настроился на роскошный обед и протянул за ним лапы, как на тебя внезапно обрушивается газовая атака. После этого случая у моей крысы образовался комплекс, и еще много дней она при одном виде даже самого безобидного и лакомого навозника бросалась в спальный отсек. Впрочем, учитывая ее молодость, я не сомневался, что рано или поздно она уразумеет, что в нашем мире не следует судить о других тварях по их внешности.

Животные изобретают

Однажды я возвращался домой из Африки на пароходе, которым командовал капитан, довольно отрицательно относящийся к животным. Это было совсем некстати, поскольку большую часть моего багажа составляли громоздившиеся на передней колодезной палубе две сотни клеток с разнообразными представителями дикой фауны. Капитан (скорее из ехидства, чем из каких-либо других побуждений) пользовался всяким удобным случаем, чтобы вызвать меня на спор, пренебрежительно отзываясь о всех животных вообще и о моих в частности. Слава богу, я не давал себя завести. Прежде всего никогда не надо спорить с капитаном корабля. Тем не менее под конец плавания я решил все-таки, если представится случай, преподать капитану урок.

В один из вечеров, когда оставалось уже совсем немного до Ла-Манша, ветер и дождь загнали нас всех в салон; по радио в этот час передавали беседу о радаре, который тогда еще был новинкой, так что этот предмет мог заинтересовать широкую публику. В глазах капитана светилась хитринка, и, когда передача кончилась, он обратился ко мне.

— Вот вы все про зверей толкуете, — сказал он. — Дескать, они такие умные-разумные. А вот до такой штуки, небось, не додумались.

Бедняга не подозревал, какой козырь мне подбросил, и я приготовился покарать его.

— На что поспорим, — предложил я, — что я назову по меньшей мере два выдающихся изобретения и

докажу, что заложенный в них принцип использовался животными задолго до того, как до этого додумался человек?

— Назовите четыре изобретения вместо двух, и я поставлю бутылку виски, — ответил капитан, заранее уверенный в своей победе.

Я согласился.

— Ну что ж, — ухмыльнулся капитан, — поехали.

— Дайте минуту подумать, — возразил я.

— Ага, — сказал он торжествующе, — уже заело.

— Нет-нет, — ответил я, — ничего подобного. Просто очень уж много примеров, не знаю даже, какие выбрать.

Капитан коварно поглядел на меня.

— А почему бы нам не начать с того же радара? — спросил он саркастически.

— Пожалуйста, я готов, — согласился я. — Мне только подумалось, что пример очень уж простой. Но если вы настаиваете...

Мне повезло, что капитан был профаном в естествознании, ведь иначе он ни за что не предложил бы радар. Как бы то ни было, он сильно облегчил мне задачу, потому что я начал с обыкновенной летучей мыши.

На свете найдется немало людей, в чью спальню или гостиную залетала летучая мышь. И если они не слишком пугались, им представлялся случай с восхищением наблюдать ее быстрый, искусный полет и ловкость, с какой она огибает любые препятствия, включая туфли и полотенца, которыми в нее иногда швыряют. Вопреки старой поговорке летучая мышь не слепа. У нее достаточно зоркие глаза, хотя и такие маленькие, что их трудно разглядеть в густой шерсти. И все же одного зрения недостаточно, чтобы исполнять фигуры высшего пилотажа, подвластные летучим мышам. Первым полет этих животных начал изучать в

XVIII веке итальянский ученый Спалланцани. Ослепляя летучих мышей, он установил, что такое (кстати, излишне жестокое) вмешательство не мешает подопытным животным свободно летать, не боясь никаких препятствий. Но как им это удается, он не смог выяснить.

Лишь относительно недавно ученые сумели, во всяком случае отчасти, решить эту загадку. Открытие эхолокации — излучения и восприятия отраженных от предмета звуковых сигналов — побудило некоторых исследователей задуматься, не этот ли способ применяют летучие мыши. Опыты позволили обнаружить интереснейшие вещи. Сперва летучим мышам залепили глаза крохотными кусочками воска; как и следовало ожидать, они продолжали летать, благополучно огибая все препятствия. Тогда кроме глаз им залепили уши. Сразу способности обходить препятствия пришел конец, и мыши вообще предпочитали не летать. При одном закрытом ухе они кое-как летали, но часто натыкались на мешающие предметы. Стало ясно, что летучие мыши нащупывают препятствия звуковыми сигналами. Исследователи закрыли подопытным животным ноздри и рот, оставив уши открытыми. И в этом случае летучие мыши не могли избежать столкновений. Получалось, что и уши, и ноздри, и рот животных составляют части локационного аппарата. Тончайшие приборы позволили установить, что в полете летучая мышь непрерывно излучает пучки ультразвуковых импульсов, не воспринимаемых человеческим ухом. В секунду издается около тридцати таких сигналов. Отраженные препятствиями импульсы воспринимаются ушами, а у некоторых видов — своеобразным мясистым наростом на конце мордочки. Так летучая мышь распознает, что и на каком расстоянии находится впереди. Словом, перед нами самый настоящий эхолокационный аппарат. Но один

момент продолжал озадачивать исследователей: при излучении звукового импульса необходимо отключать принимающее устройство, включая его только для приема отраженного эха, иначе будут регистрироваться оба сигнала и получится неразбериха. На электрической аппаратуре это возможно, но как справляется с той же задачей летучая мышь? Оказалось, что ухо мыши оснащено крохотным мускулом, который при излучении сигнала сокращается, перекрывая слуховой аппарат. Послан импульс — мускул расслабляется, ухо готово воспринять эхо.

Пожалуй, самое удивительное не столько то, что летучие мыши располагают собственным эхолокационным устройством — от природы всякого можно ждать, — сколько то, что они так сильно опередили в этом человека. Окаменелости летучей мыши найдены в отложениях нижнего эоцена; по ним видно, что тогдашние особи мало чем отличались от своих нынешних сородичей. Выходит, летучая мышь пользуется эхолокацией около пятидесяти миллионов лет. Человек освоил этот способ ориентации лишь несколько десятков лет назад.

Первый приведенный мной пример явно заставил капитана призадуматься. Он уже не был уверен, что выиграет пари, однако несколько приободрился, когда я сказал, что обращусь теперь к области электричества. Недоверчиво усмехнувшись, капитан заявил, что не так-то просто будет убедить его, будто животные пользуются электрическим освещением. Я подчеркнул, что речь идет не об освещении, а об электричестве вообще, и здесь можно привести много примеров. Взять хотя бы электрического ската, своеобразное создание, смахивающее на сковороду, побывавшую под паровым катком. У этой рыбы отменная защитная окраска под цвет песчаного дна, к тому же скат обзавелся досадной привычкой наполовину зарываться в песок — поди

разгляди его! Мне самому довелось однажды наблюдать эффект от воздействия электрических органов ската, занимающих обширную площадь на его спине.

Дело было в Греции. Я сидел на берегу и смотрел, как один крестьянский паренек ловит рыбу в мелком песчаном заливе. Идя по колено в прозрачной воде, он держал в руках острогу, обычно применяемую для ночного лова. Молодой рыбак явно преуспел: он уже добыл несколько крупных рыб и небольшого осьминога, прятавшегося среди камней. В ту самую минуту, когда паренек поравнялся со мной, произошло нечто весьма странное и неожиданное. Только что он медленно шагал, напряженно всматриваясь в воду и держа наготове острогу, а тут внезапно вытянулся в струнку, будто часовой, чтобы тотчас ракетой вылететь из воды с диким воплем, который, наверно, было слышно за километр. Бедняга плюхнулся обратно в воду и с еще более громким воплем снова прыгнул вверх. Упал и, уже не в силах встать, дополз до берега, волоча ноги по дну. Подбежав к нему, я увидел, что его колотит дрожь; весь белый, он дышал так, словно только что пробежал два круга по стадиону. То ли электрический разряд на него так подействовал, то ли он просто перепугался — не знаю, во всяком случае больше я в этом заливе не купался.

Среди наделенных электрическими органами рыб, пожалуй, больше всех известен электрический угорь, который, как ни странно, систематически относится вовсе не к угрям, а к карпообразным. Эти крупные, темной окраски рыбы живут в реках Южной Америки, достигая свыше двух метров в длину при толщине с бедро человека. Конечно, многие рассказы про них сильно преувеличены, тем не менее большой электрический угорь способен своим разрядом сбить с ног лошадь, форсирующую поток.

Во время моей экспедиции в Британскую Гвиану мне очень хотелось поймать и привезти в Англию электрического угря. Был случай, когда мы разбили лагерь у реки, кишевшей угрями, однако они укрывались в глубоких норах, вырытых водой в каменистых берегах. Большинство этих нор сообщалось с воздухом промоинами. Подойдешь к такой промоине и потопашь ногами — раздраженный угорь издает странный рыгающий звук, словно под землей у ваших ног притаился увесистый кабанчик.

Сколько я ни старался, электрические угри не шли мне в руки. Но вот однажды вместе с моим товарищем и двумя индейцами я отправился за несколько километров в деревушку, жители которой славились как завзятые рыболовы. Мы приобрели у них различных животных, в том числе совсем ручного древесного дикобраза. А затем, к моей великой радости, нам принесли электрического угря, заточенного не в слишком прочную на вид корзину. Поторговавшись, мы закупили всю эту живность, погрузили в лодку и направились обратно к своей базе. Дикобраз сидел на носу, с увлечением наблюдая сменяющиеся пейзажи; перед ним стояла корзина с угрем. На полпути к базе угорь вырвался на волю.

Первым это заметил дикобраз. Явно приняв электрического угря за змею, он удрал с носа лодки и попытался вскарабкаться мне на голову. Вырываясь из его когтистых объятий, я вдруг увидел, что угорь решительно направился в мою сторону, и исполнил акробатический трюк, на какой в жизни не считал себя способным. Держа в руках дикобраза, я из сидячего положения подскочил прямо вверх и, пропустив угря, приземлился на то же место, нисколько не нарушив равновесия утлой лодочки. Перед моим внутренним взором отчетливо встал эпизод с греческим пареньком, который наступил на электрического ската, и мне

отнюдь не улыбалось пережить по милости угря нечто подобное. К счастью, никого из нас не ударило током, так как все попытки водворить угря обратно в корзину кончились тем, что он выскользнул через борт в реку. Не могу сказать, чтобы меня это безмерно огорчило.

Помню, как мне в зоопарке довелось кормить электрического угря, обитавшего в бассейне. Смотреть, как он управляется с добычей, было очень интересно. Полутораметровый верзила запросто приканчивал двадцатисантиметровых рыб, которых ему подавали живьем. Поскольку он умертвлял их мгновенно, меня не мучили угрызения совести. Угорь явно знал свои часы кормления и начинал плавать взад-вперед по бассейну с монотонностью караульных, вышагивающих перед королевским дворцом в Лондоне. Как только в бассейне появлялась добыча, он застывал на месте, не сводя с нее глаз. Подпустит сантиметров на тридцать — радиус действия его электрической машины — и вдруг начинает дрожать, словно во всю длину его темного тела заработал генератор. Не успеешь и глазом моргнуть, как его жертва, буквально осаженная на ходу, уже мертва и медленно всплывает кверху брюхом. Угорь подходил вплотную, разевал пасть, и рыба исчезала в его чреве точно в шланге пылесоса.

Благополучно справившись с задачей на электричество, я обратился к другой области — медицине. Объявил, что дальше речь пойдет об анестезии, и увидел на лице капитана еще большее недоверие, чем прежде.

Есть среди ос охотницы, которых можно назвать хирургами мира животных. Причем операции они проводят с таким искусством, что любой наш хирург может позавидовать. Охотницы представлены многими видами, но поведение большинства сходное. Самки некоторых видов сооружают для своего потомства гнездо из глины, аккуратно разделенное на ячейки

длиной с полсигареты, шириной около пяти-шести миллиметров. Но прежде чем отложить яйца и закупорить ячейки, надо выполнить еще одно дело. Ведь вылупившейся из яйца личинке нужна пища, пока не придет время ей завершить свое превращение в осу. Самка могла бы запастись умерщвленную добычу, но такой корм успеет испортиться до появления личинок. И пришлось осам усвоить другой способ. Излюбленная добыча дорожных ос — пауки. Самка хищным коршуном набрасывается на ничего не подозревающую жертву и без промаха вонзает свое жало так, что совершенно парализует ее. Подхватив обездвиженного паука, она несет его к гнезду, прячет в ячейку и откладывает на нем яйцо. Если пауки очень мелкие, их может поместиться до семи-восьми в одной ячейке. Удостоверившись, что потомство обеспечено нужным запасом корма, оса запечатывает ячейки и улетает.

В жутких осиных яслях недвижимые пауки могут пролежать до семи недель, на вид абсолютно мертвые. Вы можете рассматривать их через лупу, трогать пальцами — никаких признаков жизни. Лежат, будто продукты в холодильнике, в ожидании, когда вылупятся крохотные личинки дорожной осы и примутся их уписывать.

Капитан явно был слегка потрясен, представив себе, как его, обездвиженного, кто-то не спеша поедает, а посему я поспешил перейти к другому, более симпатичному примеру, остановившись на очаровательнейшем и чрезвычайно изобретательном крохотном создании — водяном пауке. Человек лишь относительно недавно придумал устройства, позволяющие ему подолгу находиться под водой, и одним из первых шагов на этом пути было изобретение водолазного колокола. Водяной паук за много тысяч лет до этого разработал свой собственный способ, чтобы проникнуть в подводное царство. Во-первых, он

преспокойно плавает под водой, неся на брюшке и на ногах некое подобие акваланга — пузырьки воздуха, позволяющие ему дышать в толще воды. Уже одно это надо признать выдающимся достижением, но паук пошел дальше: он сплетает себе под водой домик из паутины в виде опрокинутого бокала, прочно прикрепленного к водорослям. Снова и снова поднимаясь к поверхности за пузырьками воздуха, паук наполняет ими свой воздушный колокол, в котором живет и дышит так же безмятежно, как его сородичи на суше. Во время брачного сезона самец присматривает себе самку, сооружает рядом с ней домик и — видимо, не чуждый романтики — соединяет оба жилища подобием потайного хода, после чего пробивает брешь в стене дома возлюбленной, так что запасенный ими воздух смешивается. В необычной подводной обители паук ухаживает за паучихой, они сочетаются браком и живут вместе, пока из коконов не вылупятся паучата, которые покидают отчий дом, чтобы начать самостоятельную жизнь, унося каждый по пузырьку родительского воздуха.

Мой рассказ о водяном пауке увлек и позабавил капитана; волей-неволей ему пришлось признать, что я выиграл пари.

Приблизительно через год мне довелось беседовать с одной дамой, которая уже после меня совершила плавание на том же пароходе.

— Очаровательный человек, правда? — воскликнула она, когда речь зашла о капитане.

Я вежливо поддакнул.

— Наверно он был очень рад, когда перевозил вас с вашим грузом, — продолжала дама, — Он ведь так любит животных! Представляете себе, однажды вечером мы не меньше часа слушали как замороженные его рассказы о всяких научных изобретениях вроде радара и так далее и о том, как животные задолго до человека додумались до всех этих вещей. Это было так интересно, так интересно! Я даже посоветовала ему записать свой рассказ и выступить с ним по радио.

Исчезающие животные

В свое время мне довелось наблюдать весьма необычную группу беженцев — необычную, ибо в нашей стране они появились не потому, что бежали от религиозных или политических преследований. Чистая случайность привела их к нам и спасла от полного истребления. Они были последними представителями рода, всех остальных членов которого давным-давно выследили, убили и съели. Речь идет о милу, или оленях Давида.

Первым открыл их для науки французский миссионер, патер Давид, живший в Китае в середине прошлого века. В то время Китай, если говорить о фауне, был так же мало изучен, как великие леса Африки, и патер Давид, страстный натуралист, все свободное время собирал образцы флоры и фауны, отправляя их в парижский музей. В 1865 году он попал в Пекин, и здесь до него дошли слухи о каких-то необычных оленях в расположенном к югу от города Императорском парке. Парк этот не одно столетие был местом охотничьих и других забав китайских императоров. Обширная территория за

семидесятипятикилометровой высокой оградой тщательно охранялась; никому не разрешалось даже приблизиться к ограде. Рассказ о диковинных оленях до того заинтриговал французского миссионера, что он решил — охрана не охрана — проникнуть в парк и своими глазами посмотреть на этих животных. Наконец выдался благоприятный случай, и, лежа на верху стены, патер увидел пасущихся среди деревьев запретного парка копытных, в том числе стадо оленей, подобных которым он еще никогда не встречал. Перед ним был несомненно неизвестный вид.

Выяснилось, что эти олени строго охраняются; всякое покушение на них чревато смертной казнью. Патер Давид понимал, что на официальную просьбу предоставить хотя бы один экземпляр последует вежливый отказ китайских властей; оставалось

прибегнуть к другим, не столь легальным способам добыть желаемое. Он установил, что сторожа потихоньку пополняют свой скудный паек свежей олениной. Отлично сознавая, какая кара им грозит, если их обвинят в браконьерстве, они упорно отвергали все просьбы миссионера продать ему шкуры и рога убитых животных, вообще любой предмет, способный послужить уликой против них. Но патер Давид не сдавался и в конце концов достиг цели. Нашлись сторожа, которые были то ли храбрее, то ли беднее других, и они сбыли французу две шкуры. Торжествуя, он поспешил отправить драгоценную добычу в Париж. Как он и ожидал, оказалось, что речь идет о совершенно новом для науки виде. В честь ученого патера вид получил наименование *Elaphurus davidanus*.

Естественно, как только европейские зоопарки проведали о новом олене, им захотелось обзавестись редкостным животным. После долгих переговоров китайские власти без особого энтузиазма разрешили вывезти в Европу несколько экземпляров. Кто мог подозревать тогда, что тем самым был спасен вид! В 1895 году, через тридцать лет после того, как мир узнал об олене Давида, при разливе реки Хуанхэ под Пекином была разрушена стена Императорского парка. Наводнение погубило посевы на большой площади, крестьянское население голодало. Разбежавшиеся по округе олени были вскоре перебиты местными жителями. Немногих уцелевших особей съела охрана во время Боксерского восстания. Китайская популяция оленей целиком погибла, осталась лишь горстка оленей, разбросанных по зоопаркам Европы.

Небольшое стадо попало и в Англию. Герцог Бедфордский держал в своем поместье Вобурн прекрасную коллекцию редких животных, и он не пожалел усилий, чтобы развести стадо китайского оленя. Закупил в других европейских странах

восемнадцать экземпляров и выпустил их в своем парке. Олени явно почувствовали себя как дома, они отлично прижились и стали размножаться. В середине нашего века вобурнское стадо оленей Давида, единственное в мире, насчитывало полтораста особей.

Когда я работал в зоопарке «Уипснейд», из Вобурна поступили четыре новорожденных олененка, которых нам предстояло выкормить. Это были обаятельнейшие существа с длинными непослушными конечностями; своеобразный вид придавали им большие, по-восточному скошенные глаза. На первых порах они, естественно, совсем не представляли себе назначение бутылочки с молоком; приходилось зажимать их между коленями и кормить насильно. Однако телята очень скоро разобрались что к чему, и уже через несколько дней надо было с великой осторожностью открывать дверь стойла, иначе вас грозила сбить с ног лавина толкающихся малышей, каждому из которых не терпелось первым добраться до бутылочки.

Кормить их полагалось три раза в сутки: вечером, в полночь и на рассвете, и мы, четверка смотрителей, поделили между собой ночные дежурства, каждому по неделе. Должен сказать, что мне ночное дежурство было особенно по душе. На пути к стойлам оленят мы проходили мимо озаренных луной клеток и загонов, обитатели которых постоянно находились в движении. Среди зарослей куманики в своем загоне бродили, шаркая ногами и обмениваясь фырканьем, медведи, казавшиеся вдвое больше в сумеречном освещении. Отвлечь их от охоты на улиток и прочие вкусности было нетрудно, если вы не забыли припасти сахар. Подойдут к ограде и садятся на корточки, положив на колени передние лапы — этакие косматые, громко сопящие Будды. Бросишь кусок сахара — ловят на лету, закинув голову, и съедают с хрустом и чмоканьем. А когда

убедятся, что ваши карманы опустели, бредут со страдальческим вздохом обратно в кусты.

Часть дорожки проходила через волчий лес. Здесь на площади около гектара стояли темные таинственные лиственницы, и посеребренные луной стволы отбрасывали на землю длинные тени, среди которых быстро и бесшумно сновала и кружила танцующая волчья стая. Безмолвие лишь изредка нарушалось дыханием зверей, а то и цоканьем зубов или ворчанием, когда какой-нибудь волк нечаянно задевал другого.

Но вот и стойла, вы зажигаете фонарь, и оленята, заслышав ваши шаги, беспокойно шевелятся на соломенной подстилке и переливчато блеют. Стоит открыть дверь стойла, как они бегут вам навстречу на подкашивающихся ножках и принимаются жадно сосать ваши пальцы и края куртки, а иной шалун вдруг возьмет да боднет ваши колени, едва не сбивая вас с ног. Наконец наступает блаженная минута — рот олененка захватил соску и нетерпеливо глотает теплое молоко. Глаза выпучены, в уголках рта белыми гирляндами вздуваются молочные пузырьки. Кормить из бутылочки маленького звереныша — чистое удовольствие, хотя бы потому, что он вкладывает в это дело всю душу. А с этими малышами у меня было еще связано особое чувство. В неровном свете фонаря, под чмокание и чавканье большеглазых сосунков, которые время от времени наклоняли голову, чтобы боднуть воображаемое вымя, я думал о том, что передо мной как-никак последние представители этого редкого животного.

В «Уипснейде» на моем попечении находилась еще одна группа животных исчезнувшего в природе вида, одни из самых обаятельных и потешных четвероногих, с какими я когда-либо встречался. Речь идет о небольшом стаде белохвостых гну.

Белохвостый гну поражает вас странной внешностью. Перед вами животное с туловищем и ногами стройного пони, с широко расставленными ноздрями на тяжелой, тупой морде, с одетой в густую белую гриву толстой шеей и с длинным пышным белым хвостом. Рога с торчащими вверх кончиками изогнуты над глазами, как у буйвола, и животное смотрит на вас из-под них негодующе-настороженным взглядом. Если бы еще гну вели себя нормально, странная внешность, возможно, не так бросалась бы в глаза, но они просто не могут вести себя нормально. Представьте себе помесь балета с бибопом плюс немного гимнастики йогов — нечто в этом роде выкомаривают гну.

Когда мне по утрам надо было их кормить, я тратил вдвое больше времени, чем необходимо, и все потому, что они затевали для меня представление, заставляя совершенно забыть о часах. Антилопы гарцевали, прыгали, извивались, срывались в галоп, становились на дыбы, исполняли пируэты, изгибая свои стройные ноги под какими-то невероятными, анатомически невозможными углами и размахивая длинным хвостом, как инспектор манежа в цирке своим бичом. В самый разгар неистовой пляски они внезапно замирали на месте и тарасились на меня, отвечая на мой смех возмущенным фырканием.

Глядя на причудливые позы танцующих в загоне гну, так и казалось, что зеленую траву перед тобой топчет чудом оживший мифический зверь с какого-нибудь средневекового герба.

Трудно представить себе, как у людей поднималась рука убивать этих резвых и потешных животных. Но факт остается фактом: первые европейские поселенцы в Южной Африке посчитали белохвостого гну ценным источником мяса и безжалостно истребляли огромные стада четвероногих весельчаков. Причем антилопа сама им в этом помогала. Ненасытное любопытство

белохвостых гну заставляло их бежать навстречу катящим через вельд фургонам переселенцев. Окружив невиданное диво, антилопы принимались прыгать и танцевать с громким фырканием. Побегают, попляшут, потом вдруг остановятся. Понятно, столь заманчивая мишень не могла оставить равнодушными предприимчивых стрелков-«спортсменов». Люди тренировались в стрельбе по живой цели, и количество белохвостых гну сокращалось так стремительно, что остается только поражаться, как они вообще не вымерли. В наши дни сохранилось всего лишь около двух тысяч этих прелестных животных, разбросанных группами по разным поместьям в Южной Африке. Если их вовсе не станет, Африка лишится одного из самых интересных и забавных представителей своей фауны, способного оживить даже самый скучный ландшафт.

К сожалению, не только олень Давида и белохвостый гну находятся под угрозой полного вымирания. Список навсегда исчезнувших и почти истребленных животных достаточно велик и являет собой весьма скорбную картину. Расселяясь по земному шару, человек производил чудовищное опустошение в царстве животных, стреляя и расставляя ловушки, сжигая и вырубая леса, бездумно внедряя врагов там, где их прежде не было.

Возьмем хотя бы дронта, большую, грузно ковыляющую птицу величиной с гуся, обитавшую на острове Маврикий. У дронта в его островной обители не было врагов, не от кого было спасаться, а потому он утратил способность к полету и преспокойно гнезвился на земле. Увы, заодно это доверчивое, на редкость мирное существо начисто утратило способность распознавать недругов. Люди открыли райскую обитель дронта в начале XVI века, и вместе с людьми на остров явились их злокозненные приятели — собаки, кошки, свиньи, крысы и козы. Дронт созерцал гостей с

простодушным интересом. И началось избиение. Козы уничтожали подлесок, служивший убежищем дронту; собаки и кошки ловили старых птиц; свиньи, похрюкивая, пожирали яйца и птенцов; остатки пира доставались крысам. К 1681 году толстый, неуклюжий, безобидный дронт был совершенно истреблен.

По всему свету последовательно и немилосердно искореняли фауну; численность многих симпатичных и интересных животных сведена до такого минимума, что без нашей помощи и защиты популяция уже не возродится. Если не найдется убежища, где они смогут без помех жить и размножаться, эти виды рано или поздно займут место в списке вымерших животных рядом с дронтом, кваггой и бескрылой гагаркой.

Конечно, в последние десятилетия немало сделано для охраны дикой фауны. Учреждены заказники и заповедники, некоторые виды реинтродуцируют в районах прежнего обитания. Так, в Канаде при помощи авиации в ряде мест расселили бобров. Животное помещали в особый ящик, подвешенный к парашюту, и сбрасывали над подходящим участком. Приземлившись, ящик автоматически открывался, и бобер направлялся к ближайшему водоему.

Но сколько ни сделано, предстоит сделать куда больше. К сожалению, основная часть полезных усилий по охране животных была сосредоточена на видах, представляющих экономическую ценность для человека. А сколько мало известных видов, которые, хотя и защищены на бумаге, на самом деле потихоньку вымирают, потому что никто, кроме нескольких пытливых зоологов, не считает их достаточно важными и ценными, чтобы на них стоило тратить деньги.

С каждым годом растет численность населения земного шара, человек осваивает все новые области, сжигая и уничтожая ресурсы природы. Нельзя утешаться мыслью о том, что отдельные частные лица и

отдельные учреждения придают значение борьбе за спасение и сохранение истребляемых животных. Работа эта важна по многим причинам, и, пожалуй, главная из них следующая: человек, при всех его талантах, не может ни создать новый вид, ни возродить уничтоженный. Предложите разрушить лондонский Тауэр — какой поднимется шум! И справедливо. А вот какой-нибудь уникальный и замечательный вид фауны, на эволюцию которого ушли сотни тысяч лет, может запросто сгинуть, и лишь горстка людей возвысит голос протеста. Право же, пока мы не станем относиться к животным с таким же вниманием и почтением, с каким лелеем старинные книги, картины и исторические памятники, до тех пор у нас всегда перед глазами будут животные-беженцы, живущие на грани вымирания, всецело зависящие в своем существовании от милосердия единичных энтузиастов.

Часть третья

Животные в частности

Содержать диких животных, будь то в экспедиции или у себя дома, — дело хлопотное, утомительное и чреватое огорчениями, но есть и немало приятных сторон. Меня часто спрашивают, за что я люблю животных, и всегда я затрудняюсь ответить. С таким же успехом можно спросить меня, почему я люблю есть. Во всяком случае, помимо того что мне приятно и интересно заниматься животными, можно назвать еще один момент. Едва ли не главное обаяние животных заключается в том, что они наделены всеми основными чертами, присущими человеку, но при этом начисто лишены лицемерия, играющего видную роль в мире людей. С животным, как говорится, все ясно: если вы ему не нравитесь, оно недвусмысленно даст вам это понять, если нравитесь — опять же не станет скрывать своих чувств. Впрочем, животное, которому вы нравитесь, тоже не всегда подарок. Не так давно одна пегая ворона из Западной Африки, полгода совершенно игнорировавшая меня, внезапно решила, что на мне для нее сошелся клином белый свет. Стоило мне подойти к клетке, как она, дрожа от восторга и что-то хрипло бормоча, припадала к полу или же норовила сунуть мне какой-нибудь дар — клочок газеты, перышко. И все бы ничего, но как только я выпускал ее из клетки, она садилась мне на голову, впиваясь когтями в скальп, украшала мой пиджак сзади роскошной влажной лепешкой и ласково долбила клювом по черепу. Если учесть, что у пегой вороны длинный — около восьми сантиметров — и весьма острый клюв, то подобные

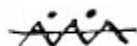
знаки внимания, мягко выражаясь, были несколько болезненными.

Словом, в отношениях с животными надо знать, где проводить границу дозволенного. Иначе пристрастие к пернатым или четвероногим любимцам рискует перерасти в чудачество. В прошлое рождество я как раз был вынужден провести границу. Жена получила от меня в подарок североамериканскую летягу; я давно мечтал о таком зверьке и не сомневался, что он придется ей по душе. Летяга поселилась в нашем доме, и мы оба были ею очарованы. А поскольку она оказалась чрезвычайно нервной особой, мы решили, что не дурно будет на неделю-другую поместить ее у себя в спальне. Будем разговаривать с нею ночью, когда она выходит размяться, и дадим ей привыкнуть к нам. И все бы прекрасно, не будь одной загвоздки. Сметливая летяга прогрызла дырочку в клетке и поселилась за платяным шкафом. Поначалу нас это не очень беспокоило. Сидя ночью в постели, мы смотрели, как зверушка занимается на шкафу акробатикой, носится по трельяжу и собирает разложенные нами орехи и яблоки. Но вот наступил новогодний вечер; я был приглашен на банкет, куда полагалось прийти в смокинге. Ничего не подозревая, я открыл свой ящик в шкафу — и нежданно-негаданно получил ответ на вопрос, который уже некоторое время занимал наши умы: куда летяга складывает все орехи, яблоки, хлеб и прочее угощение? Мой новехонький, ни разу не надеванный белый жилет уподобился куску тончайших испанских кружев. Выгрызенные из него лоскутки отнюдь не пропали — они пошли на маленькие гнездышки, устроенные на моих манишках. В этих гнездышках лежало в общей сложности семьдесят два лесных орешка, пять грецких орехов, четырнадцать кусочков хлеба, шесть мучных хрущаков, пятьдесят два яблочных огрызка и два десятка виноградин.

Виноградины и яблочные огрызки, естественно, слегка подгнили от долгого хранения, так что манишки украсились интереснейшими узорами в духе Пикассо.

Пришлось идти на банкет в обычном темном костюме. Летяга переключалась в Пейнтонский зоопарк.

На днях жена проронила, что было бы чудесно завести дома детеныша выдры, но я поспешно перевел разговор на другую тему.

Животные-родители

Я с величайшим уважением отношусь к животным-родителям. Еще в юности я проверил свои способности в уходе за всевозможными тварями; после того, во время зоологических экспедиций в разные концы света, мне пришлось выкармливать немало детенышей, и должен сказать, что это занятие требует стальных нервов.

Моими первыми приемами в прямом смысле слова были четыре ежонка. Ежиха — очень добросовестная мамаша. Она загодя устраивает для своих отпрысков детскую комнату: круглое помещение на глубине сантиметров тридцати под землей, выстланное толстым слоем сухих листьев. Здесь рождаются ее слепые и беспомощные крошки. Уже

через несколько часов у них появляются совсем мягкие, словно резиновые, белые иглы, которые постепенно твердеют, принимая коричневатый цвет. Когда детеныши подрастут, мамаша выводит их из норы и учит охотиться, причем они идут совсем как детсадовские ребятишки, уцепив друг друга зубами за хвостик. Направляющий крепко держится за материнский хвост — и через сумрачные кустарники тянется диковинная колючая сороконожка.

Ежиха явно без труда справляется с воспитанием своего потомства. А вот когда у меня на руках вдруг очутились четыре слепых ежонка в резиновых колючках, я слегка растерялся. Мы тогда жили в Греции; один крестьянин, работая на своем поле, раскопал выстланную дубовыми листьями нору величиной с футбольный мяч. Первой проблемой было — как кормить младенцев, ведь обычные соски слишком велики для их маленьких ртов. К счастью, у юной дочери одного моего приятеля нашлась кукольная бутылочка, и после долгой торговли хозяйка согласилась с ней расстаться. Мало-помалу ежата привыкли к бутылочке и с явной пользой для себя сосали разбавленное коровье молоко.

Первое время я держал их в картонной коробке. Однако устроенное мной гнездо оказалось совершенно негигиеничным, мне приходилось по десять — двенадцать раз в день менять листовую подстилку. Неужели мать-ежиха целый день только и делает, что носится с чистыми листьями для смены, спрашивал я себя. И как же она в таком случае находит время, чтобы кормить своих малышей? Мои питомцы готовы были есть во все часы дня и ночи. Только коснись коробки, и четыре остреньких рожицы в обрамлении белых колючек, пронзительно крича, высовываются из-под листьев, и столько же черных носиков лихорадочно вертится во все стороны в поисках бутылочки.

Большинство детенышей отлично знают свою норму, но на ежат, как я смог убедиться, это не распространяется. Словно изголодавшиеся жертвы кораблекрушения, набрасывались они на бутылочку и сосали, сосали, сосали... И впрямь можно подумать, что их несколько недель морили голодом. Дай волю, высосут вдвое больше, чем им полезно. Я явно перекармливал своих ежат: крохотные ножки сгибались под весом тучного тела, и малыши передвигались словно вплавь, волоча по ковру животики. Тем не менее они благополучно развивались. Ножки окрепли, глаза открылись, и ежата отваживались совершать вылазки на целых полтора десятка сантиметров от коробки.

Я очень гордился своими колючими приемышами и предвкушал день, когда смогу выводить их на вечернюю прогулку и потчевать разными вкусами вроде улиток или лесной земляники. Увы, моей мечте не суждено было сбыться. Вышло так, что я на сутки отлучился из дома. Взять младенцев с собой я не мог, а потому оставил их на попечение сестры. И предупредил ее, что ежата жутко жадные и ни в коем случае нельзя давать им больше одной бутылочки молока в день, сколько бы ни пищали и ни просили.

Мне следовало лучше знать собственную сестру.

Вернувшись на другой день утром, я осведомился, как поживают ежата. Сестра укоризненно посмотрела на меня и объявила, что я, оказывается, морил бедняжек голодом. Борясь со страшным предчувствием, я спросил, сколько же она скармливала им за один раз.

— По четыре бутылочки каждому, — ответила она, — и ты бы только посмотрел, какие милые они стали, какие толстенькие.

Что верно, то верно — ежата потолстели. Их животики раздулись до такой степени, что ножки едва доставали до пола. Ежата уподобились диковинным колючим футбольным мячам, к которым по ошибке

присобачили четыре ноги и носик. Как ни пытался я их спасти, все четверо погибли еще до следующего дня от острого энтерита. Разумеется, больше всех сокрушалась сестра, но по тому, как холодно я выслушивал все ее извинения, она должна была понять, что ей больше никогда не будет поручено присматривать за моими приемами.

Не все животные ухаживают за своими детенышами так заботливо, как ежиха. Некоторые весьма небрежно, я бы сказал, вполне на современный лад относятся к родительским обязанностям. Таковы кенгуру. Их отпрыски являются на свет совсем неподготовленными; по существу это еще зародыши. Судите сами: рост сидящего на корточках рыжего кенгуру — около полутора метров, а длина новорожденного кенгуренка — чуть побольше сантиметра. Этот слепой и голенький живой комочек должен собственными силами добираться по маминому животу до ее сумки. Каково это такому слабенькому, а вы учтите еще, что кенгуренок может работать только передними ножками, ибо задние аккуратно скрещены над его хвостиком. А родительница знай себе сидит и не думает ему помочь, разве смочит языком свою шерсть, наметит, так сказать, дорожку для отпрыска. И вот крохотный недоносок продирается через лес из шерсти, пока удача пополам с расчетом не помогут ему достигнуть сумки, забраться в нее и прильнуть к соску. Восхождение на Эверест ничто перед этим подвигом.

Мне никогда не доводилось выкармливать новорожденного кенгуренка, но я приобрел кое-какой опыт обращения с юным представителем валлаби, которых можно назвать миниатюрными родичами кенгуру. Было это, когда я работал смотрителем в зоопарке «Уипснейд». Валлаби свободно передвигались по территории зоопарка. Случилось однажды, что мальчишки затеяли гоняться за самкой с уже

оформившимся детенышем, и от испуга она поступила так, как поступают все члены семейства кенгуру: выбросила своего отпрыска из сумки. Когда я через некоторое время обнаружил его, он лежал и корчился, попискивая, среди высокой травы, делая ртом сосущие движения. Честно говоря, я в жизни не видел менее обаятельного детеныша. Длиной около тридцати сантиметров, слепой, безволосый, с бледно-розовой кожей... Он совершенно не владел своим телом, если не считать энергично взбрыкивающие задние ноги. При падении малыш сильно ушибся, и я боялся, что он не выживет. Тем не менее я отнес бедняжку к себе и после недолгих переговоров с хозяйкой дома поместил его в своей комнате.

Кенгуренок жадно сосал молоко из бутылочки, но главная трудность заключалась в том, чтобы утеплить его. Я кутал кенгуренка в фланелевую пеленку, обкладывал его грелками и все же опасался, что он у меня простудится. Напрашивалось простейшее решение: согреть малыша своим телом — и я сунул его себе за пазуху. Только тут я впервые осознал, каково приходится маме-валлаби. Мало того что малыш без конца обнюхивал меня и норовил пососать, время от времени он наносил мне меткие удары под ложечку своими задними ногами, на которых успели вырасти достаточно острые когти. Через несколько часов у меня было такое чувство, словно сам чемпион мира по боксу облюбовал мою особу для тренировочных схваток. Одно из двух: либо я изобрету что-нибудь другое, либо наживу язву желудка. Попытался передвинуть кенгуренка на спину, но он живо вернулся на прежнее место, судорожно перехватываясь длинными когтями. Спать с ним в одной постели было подлинной пыткой: мало того что кенгуренок затевал борьбу, допускающую любые приемы, — от собственных пинков он то и дело сам летел на пол, и приходилось всякий раз поднимать

его. К сожалению, через два дня малыш все же скончался, по-видимому, от внутренних кровоизлияний. Должен сознаться, что его кончина меня не очень сильно опечалила, хоть и обидно было лишиться возможности выкормить столь необычного младенца.

Если мамы-кенгуру довольно прохладно выполняют свой родительский долг, то карликовые игрунки, во всяком случае самец этого вида, — образец добродетели. Величиной с крупную мышь, на крохотной рожице — яркие светло-карие глаза, одетый в шубку с изящными зеленоватыми метинами, карликовый игрунок больше всего похож на какого-нибудь сказочного персонажа — то ли на косматого гномика, то ли на шотландского водяного. После брачного сезона, как только самка родит, ее миниатюрный супруг проявляет себя образцовым отцом. Сразу забирает новорожденных (их обычно два) и носит на бедрах, словно ослик вьючные мешки. Следит за чистотой детенышей, поминутно расчесывая их, ночью согревает в своих объятиях и уступает отпрысков не слишком-то рачительной мамаше лишь на время кормления. Да и то ему так не терпится забрать их обратно, что кажется — он сам их кормил бы, если бы мог. Поистине завидный супруг.

Как ни странно, детеныши обезьян не блещут умом; нужно немало времени, чтобы научить их сосать из бутылочки. Не успели вы добиться своего, как долгий процесс обучения начинается сначала: младенцы подросли, теперь им пора пить из блюдечка. Почему-то они убеждены, что полагается погрузить мордочку в молоко и стоять так, пока не захлебнешься или же произвольным фырканьем не разбрызгаешь все питье.

Одно время на моем попечении находился очаровательнейший детеныш мартышки. Спина и хвост мшисто-зеленого цвета; живот и бакенбарды изумительного лютиково-желтого оттенка; через верхнюю губу протянулась сужающаяся к концам белая метина — ни дать ни взять роскошные усы какого-нибудь отставного вояки. Как и у всех таких детенышей, голова казалась чересчур большой;

конечности были длинные и нескладные. А в целом размеры этого малыша позволяли ему вполне уместиться в чайной чашке. Поначалу он решительно отвергал бутылочку, явно приняв ее за нарочно изобретенное мной орудие пытки, потом разобрался и при виде бутылочки приходил в страшное возбуждение. Заберет соску в рот, заключит бутылочку в пылкие объятия и валится на спину. А так как бутылочка была раза в три больше него, то он напоминал жертву воздушной катастрофы, лихорадочно цепляющуюся за белый дирижабль.

Став побольше, детеныш прошел обычную стадию дельфиньего фыркания, пока не научился пить из блюдца. Но трудности на этом отнюдь не кончились. Посадишь его на стол и идешь за молоком. Завидев блюдце, он издает пронзительный визг и дрожит всем телом от возбуждения и ярости, точно в приступе болотной лихорадки или пляски святого Витта. Возбуждение — при виде молока, ярость — от того, что люди недостаточно быстро ставят блюдце на стол. Доходило до того, что малыш начинал подпрыгивать, словно кузнечик. Если забудешь придержать его за хвост, он с торжествующим воплем ныряет прямо в молоко, в лицо вам летят белые каскады, и когда вы протрете глаза, то увидите, как детеныш сидит посреди пустого блюдца, громогласно выражая свое негодование по поводу того, что его оставили без питья.

Когда растишь маленького звереныша, одна из главных задач — утеплять его на ночь. Как ни странно, за этим надо следить и в тропиках, поскольку с приходом темноты становится заметно прохладнее. В нормальных условиях детеныш, понятно, находит тепло и укрытие в шерсти матери. Грелки, как я убедился, плохой заменитель. Очень уж быстро они остывают, надо несколько раз за ночь вставать, чтобы наполнить

их горячей водой. А это довольно утомительно, когда на твоём попечении не только куча детенышей, но и целая коллекция взрослых животных. В большинстве случаев ты просто-напросто забираешь малышей к себе в постель. И быстро привыкаешь спать в одном положении, время от времени просыпаясь, чтобы повернуться на другой бок и не раздавить при этом кого-нибудь из своих питомцев.

Мне доводилось одновременно делить ложе с детенышами самых различных видов. Были дни, когда на узкой раскладушке вместе со мной спали три мангуста, две мартышки, белка и юный шимпанзе. Каким-то чудом еще оставалось место для меня. Казалось бы, в ответ на такую заботу можно рассчитывать на толику благодарности. Увы, слишком часто бывает иначе. Одним из своих самых живописных шрамов я обязан юному мангусту, который посчитал, что я чересчур замешкался с бутылочкой. Когда меня спрашивают про этот шрам, приходится отвечать, что на меня напал ягуар. Кто же поверит, что на самом деле это след схватки под одеялом с детенышем мангуста.

Впервые мое знакомство с удивительным маленьким животным, известным под названием кусимансе, состоялось в Лондонском зоопарке. Я зашел в Дом грызунов, чтобы поближе рассмотреть несколько симпатичных западноафриканских белок. Мне предстояло отправиться в первую в моей жизни зоологическую экспедицию, и я полагал, что работать будет тем легче, чем больше я узнаю про животных, населяющих великие дождевые леса.

Посмотрев на белок, я пошел дальше, заглядывая в другие клетки. Внушительная табличка на одной из них извещала, что здесь содержится обитатель Западной Африки — кусимансе (*Crossarchus obscurus*). Сколько я ни присматривался, видел только равномерно вздымающийся пук соломы; при этом до моего слуха доносился тихий храп. Полагая, что мне непременно предстоит встреча с этим животным, я счел себя вправе разбудить его: пусть покажется.

В зоопарках есть правило, которое я строго соблюдаю (и другим советую соблюдать): нельзя мешать спящим животным, тыкая в них палками или бросая орехами. И без того их не так часто оставляют в покое. Тем не менее на сей раз я преступил запрет, проведя несколько раз ногтем большого пальца по прутьям решетки. По правде говоря, я не ждал особого эффекта от своего маневра, однако солому словно разметало взрывом, и в ту же секунду показался гибкий курносый нос, а за ним крысиная мордочка с аккуратными ушками и живыми любопытными глазами. С минуту эти глаза изучали меня, затем остановились на кусочке сахара, который я тактично поднес к решетке, после чего зверек, издав по-девичьи тонкий визг, стал лихорадочно выбираться из окутывавших его соломенных покровов.

Пока из соломы торчала одна голова, мне представлялось, что зверек небольшой, величиной с

обыкновенного хорька, но когда он вышел наконец на свободу и заковылял по полу, меня поразило его толстое, как шар, и относительно крупное тело на коротких ножках. Досеменив до решетки, кусимансе набросился на сахар так, словно ему впервые за много лет наконец предложили что-то приличное.

Передо мной, судя по всему, был мангуст, но очень уж непохожий на виденных мною прежде мангустов: подвижный курносый нос, горящие каким-то фанатичным блеском глаза... И я уже не сомневался, что габариты его — плод обжорства, а не продукт природы. Коротенькие ноги оканчивались стройными лапами, и, трусая по клетке, тучный зверек перебирал ими так часто, что они почти сливались. Принимая от меня очередное лакомство, он всякий раз взвизгивал, точно укоряя меня за то, что я подбиваю его нарушать диету.

А я был так очарован, что не успел опомниться, как уже скормил лакомке весь припасенный сахар. Убедившись, что угощения больше не будет, зверек страдальчески вздохнул и затрусил обратно к своей постели. Через две-три секунды он опять крепко спал. И я твердо решил: если только в той области, куда я еду, водятся кусимансе, все сделаю, чтобы добыть себе хоть одного.

Три месяца спустя я находился в сердце дождевых лесов Камеруна, и мне представились неограниченные возможности поближе познакомиться с кусимансе. В этих краях они входили в число наиболее распространенных представителей рода мангустов. Сидишь в тайнике в лесу, подстерегая совсем других животных, смотришь — идет кусимансе.

Первый из них неожиданно для меня вынырнул из зарослей на берегу небольшой речушки. Долго я смотрел с улыбкой, как он демонстрирует свое искусство краболова. Войдя в мелкую воду, зверек

длинным курносый носом (надо думать, он при этом задерживал дыхание) принялся переворачивать все камни на дне, пока не напал на крупного черного пресноводного краба. Ни секунды не медля, схватил его зубами, быстрым движением головы выбросил на берег и сам, пища от радости, выскочил следом, после чего затеял пляску вокруг своей жертвы, покусывая ее. В конце концов он умертвил добычу. Но когда один особенно крупный краб изловчился ущипнуть клешней вздернутый нос охотника, я не мог удержаться от смеха, и мангуст улепетнул в лес.

В другой раз мне довелось наблюдать, как курносый мангуст без особого успеха пытался, применяя ту же тактику, ловить лягушек. Видно, это был еще молодой и неопытный лягушколов.

Он долго рыскал кругом и принюхивался, наконец, обнаружив лягушку, швырял ее на берег, но, пока сам добирался до суши, опомнившаяся добыча давно уже успевала вернуться в воду, и приходилось начинать все сначала.

Как-то утром один местный охотник принес ко мне в лагерь небольшую корзину из пальмовых листьев, в которой лежали три удивительнейших крохотных существа. Сами величиной с новорожденных котят, совсем малюсенькие ножки, какие-то облезлые хвосты. Торчащая кисточками ярко-рыжая шерстка придавала им сходство с не совсем обычными ежами. Пока я рассматривал их, пытаюсь определить, они подняли свои маленькие рожицы и уставились на меня. При виде розовых упругих носиков я тотчас понял, что это кусимансе, притом совсем юные, потому что глаза у них только что открылись, а зубы и вовсе не прорезались. Я был весьма доволен таким приобретением, но, когда, расплатившись с охотником, начал прикидывать, как кормить этих младенцев, понял, что задача эта может оказаться непосильной для меня. Я вез с собой целый

запас бутылочек, однако соски были слишком велики. Пришлось прибегнуть к старому приему: наматываешь на спичку вату, макаешь в молоко и даешь детенышам сосать. В первую минуту звереныши приняли меня за чудовище, которое вознамерилось их задушить. Они пищали, отбивались; не успеешь засунуть малышу ватку в рот, как он сразу же выталкивает ее язычком. К счастью, они довольно скоро открыли, что ватка пропитана молоком. После этого все пошло гладко, если не считать того, что малыши, увлекшись, иной раз обламывали и глотали кончик спички.

Первое время я держал детенышей в корзине подле своей кровати: самое удобное место, если учесть, что приходилось среди ночи вставать и кормить их.

Неделю-другую они вели себя образцово, большую часть дня спокойно лежали с раздувшимися животиками и подергивающимися лапками на своей постели из сухих листьев. Только в часы кормления они оживали и принимались ползать по корзине, топча друг друга и громко пища.

Вскоре у маленьких кусимансе прорезались передние зубки (на беду для спичек с ваткой), а по мере того как крепили их ноги, росло желание малышей ознакомиться с миром, окружающим их корзину. Первый завтрак детенышей совпадал с моим утренним чаем. Я вынимал их из корзины и сажал к себе на кровать, чтобы немного размялись. К сожалению, от этого пришлось довольно скоро отказаться, ибо однажды утром, когда я наслаждался своим чаем, один малыш заметил торчащую из-под одеяла ногу и решил, что из пальца можно выдавить молоко, если хорошенько нажать зубами. Остренькие, словно шильца, зубки вонзились в мою плоть, и братья предприимчивого мальчика, боясь, что их обойдут кормежкой, поспешили последовать его примеру. К тому времени, когда я вернул их в корзину, вытерся сам и развесил сушиться простыни, мне было уже совершенно ясно, что разминкам пора положить конец. Очень уж больно обходятся.

Однако это был только первый намек на подстерегающие меня испытания. Несносные сорванцы очень скоро заслужили у нас прозвище Разбойников. Росли они быстро, и с появлением зубов их ежедневный рацион пополнился яйцами и небольшим количеством сырого мяса. Казалось, вся жизнь этих ненасытных зверушек сводится к сплошному, непрерывному поиску съестного. Они абсолютно все считали съедобным, пока на деле не убеждались в обратном. Для начала Разбойники закусили крышкой своей корзины. Расправившись с ней, выбрались на волю и отправились

знакомиться с территорией лагеря. На беду, они вышли как раз туда, где в кратчайший срок могли натворить максимум бед: к продовольственному и медицинскому складу. К тому времени, когда я обнаружил побег, они разбили с десяток яиц и явно всласть покатались в их содержимом. Кроме того, Разбойники вступили в бой с двумя банановыми гроздьями — и победили, судя по внешнему виду бананов. Казнив плоды, эта шайка продолжила свои бесчинства и опрокинула две бутылки с витаминным раствором. После чего, к своей великой радости, безобразники нашли и разорвали два пакета с борной кислотой, причем не поленились рассыпать белый порошок, часть которого пристала к их липкой от яичного желтка шерсти. Я застал их в ту минуту, когда они собирались отведать содержимое ведра с весьма зловонной и ядовитой дезинфицирующей жидкостью, и вовремя помешал этой затее. Перемазанные желтком и борной кислотой детеныши напоминали какие-то невиданные рождественские кондитерские изделия. Почти час ушел у меня на то, чтобы отмыть их. После чего я заточил Разбойников в корзину побольше и покрепче, надеясь, что теперь они уgomонятся.

Всего два дня потребовалось им, чтобы вырваться на волю из этой корзины.

На сей раз они постановили обойти всех остальных зверей моей коллекции. Надо думать, эта прогулка доставила им немало удовольствия, потому что перед клетками всегда лежали остатки корма.

Одним из украшений коллекции была крупная и удивительно красивая обезьяна по прозвищу Колли (от латинского наименования *Colobus*). Колли принадлежала к роду гверец, едва ли не самых красивых обезьян Африки. Черная как смоль и белая как снег длинная шерсть облекает тело обезьяны шелковистой бахромой, подобно шали. Хвост тоже черно-белый, длинный и пушистый. Колли была не

лишена тщеславия, подолгу расчесывала свое нарядное облачение и принимала живописные позы в разных частях клетки. На сей раз она решила в ожидании фруктов, которые я должен был ей принести, немного вздремнуть в своем убежище и разлеглась, точно курортник на пляже: глаза закрыты, руки аккуратно сложены на груди. Однако, на беду для себя, она просунула хвост наружу между прутьями решетки, и он расстелился на земле, словно оброненный кем-то черно-белый шарф. Только гвереца погрузилась в сон, как на сцене появились Разбойники.

Я уже отмечал, что они любой, даже самый странный на вид предмет готовы были считать съедобным. Что ни увидят — на всякий случай надо отведать. Заприметив на земле явно бесхозное имущество, старший из Разбойников заключил, что само провидение подбросило ему лакомый кусок. Рванувшись вперед, он вонзил свои острые зубки в хвост гверецы. Оба братца, решив, что еды хватит на всех, не замедлили последовать его примеру. В итоге Колли была вырвана из крепкого, освежающего сна тремя комплектами острейших шильцев, которые почти одновременно впились в ее хвост. От ужаса она издала дикий вопль и бросилась вверх, к потолку своей клетки. Однако Разбойники не собирались расставаться без боя с лакомой добычей. Они не разжимали челюстей, и Колли, продолжая карабкаться вверх, тащила их все выше за собой. Прибежав на ее вопли, я обнаружил, что Разбойники, словно какие-нибудь миниатюрные воздушные акробаты, висят на зубах примерно в метре над землей. Пять минут ушло у меня на то, чтобы заставить их разжать зубы; пять минут я дул им в нос табачным дымом, пока они не начали чихать. К тому времени, когда я снова заточил Разбойников в узилище, бедняжку Колли можно было отправлять в санаторий для нервнобольных.

Стало очевидно, что Разбойников надлежит посадить в настоящую клетку, пока они своими выходками не довели до истерики всех остальных моих подопечных. Я смастерил для них замечательную клетку со всеми современными удобствами. В одном конце устроил просторную спальню, в другом — столовую и игровую площадку. Одна дверца позволяла убирать в спальне, другая — класть корм в столовую. Но кормежка оказалась делом весьма хлопотным. Завидев, что я приближаюсь с тарелкой, Разбойники с громким визгом бросались к дверце. Только открою — вся ватага вырывается наружу, выбивает у меня из рук тарелку и валится на землю, предоставляя мне разбираться в месиве из сырого мяса, битых яиц, молока и кусимансе. И мне же сплошь и рядом доставались укусы — не потому, что зверюшки таили зло против меня, а потому, что принимали мои пальцы за нечто съедобное. Что говорить, процесс кормления Разбойников был не только затруднительным, но и болезненным. К тому времени, когда я благополучно привез их в Англию, укусов на моем счету накопилось вдвое больше, чем от любых других животных, каких я когда-либо содержал. Можете представить себе, как облегченно я вздохнул, сдав их в зоопарк.

На другой день я пошел посмотреть, как они осваиваются на новом месте. Разбойники бродили по огромной клетке, явно растерянные и озадаченные обилием непривычных звуков и картин. Бедняжки, сказал я себе, куда подевалась их прыть. Они выглядели такими потерянными и покорными... Мне даже стало жаль, что я разлучился с ними. Просунув палец в дырку проволочной сетки, я поманил бывших своих питомцев. Может, им станет полегче, если пообщаются со знакомым человеком...

Поистине, прежняя наука не пошла мне впрок: в ту же секунду Разбойники дружной ватагой бросились к

отраде и вцепились в мой палец, что твои бульдоги. С воплем отдернул я руку и, уходя от клетки и вытирая окровавленный палец, решил, что, пожалуй, не так уж и жаль с ними разлучаться. Конечно, без Разбойников жизнь, быть может, потеряет какие-то яркие краски, зато мучений будет гораздо меньше.

Вильгельмина

Большинство людей, услышав, что я отлавливаю диких зверей для зоопарков, обычно задают одни и те же вопросы в одной и той же последовательности. Прежде всего их интересует, опасное ли это дело. Отвечаю: нет, не опасное, если не допускать глупых промашек. Затем меня спрашивают, как именно я ловлю животных. Этот вопрос потруднее, потому что есть сотни способов отлова диких зверей, и подчас никакая заранее отработанная методика не годится, приходится импровизировать на ходу. Третий неизменный вопрос гласит: вы, наверно, привязываетесь к вашим подопечным и после экспедиции вам должно быть горько с ними расставаться? Отвечаю: конечно, привязываюсь, и зачастую расставание с животным, которое ты содержал восемь месяцев, дается очень тяжело.

Иной раз привязываешься к самым неожиданным животным, к какой-нибудь странной твари, которая в обычных условиях никогда не вызвала бы у тебя симпатии. Одним из таких незабываемых созданий была Вильгельмина.

Вильгельмина представляла отряд фринов, или жгутоногих пауков, и скажи мне кто-нибудь наперед, что наступит день, когда я проникнусь хотя бы малой толикой расположения к жгутоногому, я ни за что не поверил бы в такой прогноз. Жгутоногий паук менее какой-либо иной твари, населяющей нашу землю, заслуживает эпитета «привлекательный». Тому, кто (вроде меня) не поклонник пауков, фрин вполне может показаться ожившим кошмаром. Представьте себе паука величиной с грецкий орех, который побывал под паровым катком, и к получившейся лепешке приделано несметное множество длинных, тонких, изогнутых ног, так что общая площадь, занимаемая этим созданием, примерно равна суповой тарелке. В довершение всего спереди у фрина (если тут вообще можно говорить о каком-либо переде) торчат напоминающие бич, тонкие и чудовищно длинные (у крупных особей — до тридцати сантиметров) ногощупальца. Фрин передвигается вверх, вниз и в стороны с одинаковой легкостью и с поразительной быстротой; его отвратительное тело протискивается в такие щели, куда и папиросную бумагу вряд ли просунешь.

Таковы жгутоногие пауки, и всякому, кто относится к паукам без симпатии, фрин может показаться олицетворением сатаны. К счастью, фрины совершенно безобидны, разве что у вас слабое сердце.

Впервые я познакомился с родичами Вильгельмины во время одной из моих экспедиций в дождевые леса Западной Африки. По ряду причин охота в этих лесах всегда сопряжена с трудностями. Начнем с того, что деревья здесь огромны, некоторые достигают

пятидесяти метров в высоту, а толщиной равны заводской трубе. Густая пышная крона заплетена вьющимися растениями; ветви украшены паразитными растениями и напоминают висячие сады. Когда такая крона начинается в двадцати пяти — тридцати метрах над землей, чтобы добраться до нее, надо лезть по гладкому как доска стволу, и первые двадцать с лишним метров не найдется ни одного сука вам в помощь. А ведь зеленый верхний ярус леса — самый густонаселенный: на макушках деревьев в относительной безопасности обитает множество животных, которые никогда или почти никогда не спускаются на землю. Ставить ловушки среди лесного полога — дело сложное и трудоемкое. Порой полдня уходит лишь на то, чтобы придумать способ добраться до кроны и примостить ловушку. И только вы благополучно спустились на землю, как ловушка с веселым звоном шлепается рядом с вами — начинай всю волынку сначала. А потому, хотя установка ловушек в древесных кронах относится к числу неизбежных неприятных процедур, вы постоянно стараетесь измыслить какой-нибудь более легкий способ добыть нужных вам тварей. Один из самых успешных и увлекательных, на мой взгляд, приемов — окуривание лесных великанов.

Некоторые деревья, на вид совсем здоровые и крепкие, на самом деле оказываются полыми наполовину, а то и на всю свою длину. Вот за ними-то я и охочусь, но высмотреть их не так-то просто. Хорошо, если за целый день поисков попадется полдюжины; еще лучше, если хотя бы одно из них оправдает ваши усилия, когда вы его обкурите.

Окуривание дуплистого дерева — это целое искусство. Сперва, если необходимо, надо расширить отверстие в основании ствола и сложить перед ним сухие прутья для костра. После этого два африканца

лезут наверх, чтобы закрыть сетями все дыры и щели в верхней части ствола и перехватывать спасающихся от дыма животных. Завершив эти приготовления, вы разводите костер. Как только пламя начинает с треском пожирать прутьи, кладете сверху охапку зеленых листьев. Тотчас пламя пропадает, вместо него над костром поднимается клуб густого едкого дыма. Полая внутренность дерева играет роль огромного дымохода, засасывающего весь дым.

Пока не разведен костер, вы даже не подозреваете, сколько в дуплистом стволе всевозможных щелей и дыр. На глазах у вас тоненькая струйка дыма словно по волшебству начинает виться над невидимой щелочкой метрах в шести над землей. Проходит несколько секунд, и в трех метрах выше извергают клубочки дыма еще какие-то крохотные подобия пушечных жерл. Наблюдая за появляющимися вдоль ствола дымовыми струйками, вы можете следить, как идет окуривание. Если вам попалось удачное дерево, следить придется лишь до половины высоты ствола, после чего животные дружно покидают свои убежища, и вам уже не до наблюдений.

Дуплистое дерево с живыми обитателями можно сравнить с многоэтажным домом. Первый этаж занят, допустим, огромными, с яблоко величиной, улитками-ахатинами, и они покидают свою обитель с предельной скоростью, на какую только способна улитка в минуты тревоги. Примеру ахатин следуют другие животные, предпочитающие жить поближе к земле или попросту не умеющие лазить, например крупные лесные жабы с раскрашенной под цвет сухого листа спиной и с изумительно красивой темно-красной полосой на боках. Жабы выходят вразвалку из недр ствола с удивительно потешным негодующим выражением на морде, а очутившись на воздухе, припадают к земле и озираются с растерянным и жалким видом.

Выселив нижних жильцов, вы вскоре можете видеть, как устремляются к выходу верхние. Почти всегда впереди идут огромные многоножки, очаровательные существа, напоминающие коричневые сосиски с бахромой ног вдоль нижней части тела, вполне безобидные и несколько глуповатые; я даже испытываю к ним некоторую слабость. Хотите посмотреть на забавный номер — посадите такую многоножку на стол. Лихорадочно перебирая всеми своими ногами, она направится к краю стола и, не замечая, что стол кончился, будет упорно шагать в пустоте, пока тело не начнет перевешивать. Наполовину вися в воздухе, остановится, поразмыслит и в конце концов придет к выводу, что что-то не так. После чего включит задний ход, начиная с последней пары ног, вернется целиком на стол и двинется в обратную сторону — лишь для того, чтобы на другом краю все повторилось.

Тотчас после появления гигантских многоножек дружно покидают свои убежища все остальные обитатели дупла. Одни устремляются вверх, к кроне, другие — вниз. Тут и белочки в зеленоватой шубке, с черными ушками и чудесным оранжево-красным хвостом, и большущие серые сони, которые мчатся галопом, распушив свой хвост наподобие клуба дыма; можно увидеть чету лемурув с огромными простодушными глазами и удлинненными, дрожащими, как у дряхлого старика, тонкими руками. И конечно же, вы увидите летучих мышей — здоровенных, дородных, бурых летучих мышей с причудливым, напоминающим цветок узором на кожистом носу и с большими прозрачными ушами. Есть и ярко-рыжие летучие мыши с поросычьей мордочкой и свисающими на голову черными ушами. Но главные участники карнавального шествия дикой фауны — жгутоногие пауки. С жуткой, даже пугающей скоростью они бесшумно носятся вверх-

вниз по стволу, втискивают свое отвратительное на вид тело в тончайшие щели, уходя от вашего сачка, тут же выныривают в трех метрах ниже и бегут прямо на вас, словно намереваясь укрыться в складках вашей рубахи. Вы поспешно отступаете, и тварь опять исчезает, только трепещущие кончики ного-щупалец, которые торчат из расщелины, не способной вместить и визитную карточку, выдают ее местонахождение. Ни один из многочисленных обитателей западноафриканских лесов не подвергал мою нервную систему таким испытаниям, как фрин. День, когда особенно крупный и длинноногий экземпляр, воспользовавшись тем, что я прислонился к дереву, решил пробежаться по моей голой руке, навсегда врезался мне в память. Случай этот обошелся мне по меньшей мере в год жизни.

Но вернемся к Вильгельмине. Это было благовоспитанное маленькое дитя из числа десятка жгутоногих паучат, с которыми я близко познакомился после того, как — можно сказать, совершенно случайно — поймал их мамашу.

Уже несколько дней я обкуривал в лесу дерево за деревом, охотясь на редкого и робкого зверька, известного под названием идиуруса или планирующей мыши. У этих крохотных млекопитающих, похожих на мышь с волосатым длинным хвостом, от лодыжки до запястья тянется своеобразная кожистая перепонка, позволяющая животным перелетать с дерева на дерево с легкостью ласточки. Идиурусы живут колониями в дуплах, так что проблема заключается в том, чтобы найти дерево с такой колонией. И когда мне после долгих бесплодных усилий удалось-таки не только обнаружить желанную семейку, но и поймать несколько особей, я был просто счастлив. Настолько, что даже начал смотреть с благосклонным интересом на метавшихся по стволу многочисленных фринов.

Внезапно мой взгляд остановился на каком-то совершенно необычном по виду и поведению экземпляре. Я присмотрелся. Во-первых, шоколадное тело этого фрина было одето в некое подобие зеленоватой шубки. Во-вторых, он спускался вниз по дереву медленно и осторожно, без обычных для фрина рывков и финтов.

Может быть, зеленая шубка и медлительность — признаки весьма преклонного возраста? Я шагнул ближе и с удивлением обнаружил, что шубка состоит из детенышей, каждый из которых не превышал размерами ноготь моего большого пальца. Судя по всему, они лишь недавно появились на свет. Их ядовито-зеленая окраска (излюбленный цвет кондитеров, украшающих торты) резко контрастировала с темным телом мамы, чьи осторожные, неторопливые движения явно диктовались боязнью уронить кого-нибудь из отпрысков. С легким раскаянием я отметил про себя, что до сих пор не уделял особого внимания личной жизни жгутоногих пауков; мне никогда не приходило в голову, что самка фрина такая заботливая мамаша, даже носит на спине свое потомство. Коря себя за невнимательность, я решил немедленно воспользоваться случаем и заняться изучением этих созданий. С предельной осторожностью, чтобы не пропал ни один отпрыск, поймал самку и отнес в свой лагерь.

Здесь я поместил мамашу со всем потомством в большую коробку, куда положил вдоволь листьев и кусочков коры, чтобы узнице было где прятаться. Каждое утро я заглядывал под кору — сами понимаете, очень осторожно заглядывал, — проверяя, все ли в порядке. Поднимешь кусочек коры, играющей роль укрытия, — самка срывается с места и влезает на стенку коробки. Естественно, это меня огорчало, я каждый раз вздрагивал и спешил закрыть крышку,

боясь, как бы нечаянно не прищемить ей ногу или усик. К счастью, дня через три паучиха освоилась и спокойно позволяла мне сменять листья и кору.

Два месяца держал я в коробке паучиху с ее детенышами. Со временем паучата перестали кататься верхом на родительнице. Они расселились в разных уголках коробки и, подрастая, постепенно сменяли зеленую окраску на коричневую. Вырастут из старой шкурки — разрывают вдоль спины и сбрасывают, как и положено паукам. После каждой линьки детеныш становился покрупнее и покоричневее. Если мамаша спокойно уписывала все подряд, от небольших кузнечиков до крупных жуков, то детеныши были более разборчивыми, им подавай мелких паучков, слизняков и тому подобную легко усвояемую пищу. Они явно чувствовали себя отменно, и я даже начал гордиться своими питомцами. Но однажды, вернувшись в лагерь после охоты в лесу, я обнаружил, что случилась трагедия.

Ручная мартышка из рода гусаров, которую я держал на привязи около палатки, перегрызла веревку и решила обследовать лагерь. До того, как ее побег был обнаружен, она успела уплести гроздь бананов, три плода манго и четыре крутых яйца, разбила две бутылки с дезинфицирующей жидкостью и в довершение всего сбросила на пол мою коробку с жгутоногими пауками. Коробка развалилась, семейство фринов рассыпалось по полу, и мартышка, это вконец испорченное существо, принялась его уписывать. К тому времени, когда я возвратился в лагерь, она уже опять сидела на привязи и судорожно икала.

Я поднял с пола свой питомник фринов и уныло заглянул внутрь, проклиная себя за то, что держал коробку в легко доступном месте, и понося мартышку за ее ненасытную утробу. И вдруг с удивлением и восторгом обнаружил восседающего на кусочке коры

паучонка, единственного уцелевшего после побоища члена фриновой семьи. Бережно перенес его в не столь просторное, зато более надежное убежище, засыпал дарами в виде слизи и подобных лакомств и — сам не знаю почему — окрестил Вильгельминой.

Осуществляя опеку над мамашей Вильгельмины и самой Вильгельминой, я кое-что узнал о повадках жгутоногих пауков. Так, я обнаружил, что голодные фрины не прочь поохотиться и днем, однако всего активнее они ночью. Весь день Вильгельмина производила довольно апатичное впечатление, но вечером словно пробуждалась к жизни и, если можно так выразиться, расцветала. Носилась взад-вперед по своей коробке, держа наготове клешни и прощупывая путь резкими движениями длиннейших педипальпов. Полагают, что эти чудовищно удлиненные ноги играют только роль щупалец, однако у меня сложилось впечатление, что их функции этим вовсе не ограничиваются. На моих глазах они как бы нацеливались на насекомое, замирали в воздухе, чуть подрагивая, и Вильгельмина вся подбиралась, словно учуяла или услышала добычу этими длинными конечностями. Иногда она начинала подкрадываться к жертве в такой позе, иногда же просто выжидала, пока несчастное насекомое само не придет в ее объятия, после чего мощные клешни проворно отправляли его в рот охотницы.

По мере того как Вильгельмина становилась старше, я предлагал ей все более крупную добычу и убедился в том, что моя подопечная наделена незаурядным мужеством. Хочется сравнить ее с драчливым терьером, который на рослого противника бросается с особым остервенением. Отвага и искусство Вильгельмины в поединках с насекомыми, превосходящими ее ростом, настолько меня пленили, что однажды я, поддавшись неразумному порыву, посадил к ней здоровенную

кобылку. Без малейшего колебания Вильгельмина бросилась на врага и вонзила клешни в его тучное брюшко. Можете представить себе мой испуг, когда кобылка лихо взбрыкнула своими мощными задними ногами, подскочила вместе с Вильгельминой, с громким стуком ударилась о проволочную сетку, которой был забран верх коробки, и шлепнулась обратно на пол. Однако столь решительный отпор ничуть не обескуражил Вильгельмину, она продолжала крепко стискивать клешнями мечущуюся жертву, пока та не выбилась из сил, после чего охотница в два счета довела до конца расправу. Все же с той поры, боясь, как бы Вильгельмина в столь буйной потасовке не осталась без ноги или без усика, я давал ей только мелких насекомых.

Я успел сильно привязаться к Вильгельмине и гордился ею: насколько мне было известно, до меня никто не содержал в неволе жгутоногого паука. К тому же она стала вполне ручной. Стоило мне постучать пальцами по коробке, как Вильгельмина выходила из-под кусочка коры и отвечала взмахами ногощупалец. Если я затем просовывал руку в ее убежище, она забиралась на мою ладонь и преспокойно поедала столь любимых ею слизней.

Когда подошла пора готовиться к перевозке моей многочисленной коллекции в Англию, я призадумался над дальнейшей судьбой Вильгельмины. Путешествие должно было продлиться не меньше двух недель, и я не видел никакой возможности запастись для нее достаточно корма на такой срок. Решил попытаться приучить ее к сырому мясу. Я далеко не сразу преуспел, но изловчился наконец двигать кусочек мяса так, что он казался живым. Вильгельмина жадно хватала добычу, и столь необычный корм явно шел ей впрок. Всю дорогу до побережья она проделала на грузовике с видом многоопытного путешественника, сидя в своей коробке

и посасывая кусок сырого мяса. В первый день на борту парохода Вильгельмина слегка приуныла от непривычной обстановки, но морской воздух вернул ей бодрость, и она стала резвиться. И дорезвилась...

Однажды вечером в час кормления Вильгельмина мигом взбежала по моей руке до самого локтя, и не успел я оглянуться, как она приземлилась на ближайшем люке. Продолжая рекогносцировку, она уже хотела протиснуться в щель под люком, но тут я опомнился и ухитрился схватить ее. С того раза я соблюдал при кормлении величайшую осторожность, да и сама Вильгельмина как будто остепенилась и обрела прежнее самообладание.

Так продолжалось несколько дней, пока жалобные взмахи ногощупалец Вильгельмины не тронули мое сердце и я не посадил ее себе на ладонь, чтобы угостить последними припасенными в железной банке слизнями. Чинно сидя на моей ладони, она спокойно уплела двух слизней, потом вдруг прыгнула. Худшего момента для прыжка нельзя было выбрать, потому что в эту самую секунду налетел порыв ветра и унес ее за переборку. В воздухе мелькнули отчаянно размахивающие ноги, миг — и Вильгельмина очутилась за бортом и затерялась в просторах океана. Я бросился к фальшборту — куда там, разве рассмотришь в хаосе пены и волн такую крошку... Не мешкая, я бросил в море коробку Вильгельмины: авось, натолкнется на нее и воспользуется как плотом. Смешно, разумеется, но не мог же я предоставить Вильгельмине тонуть, не предприняв никаких попыток для ее спасения. Я ругал себя последними словами за то, что вынул ее из коробки. Право, никогда не думал, что на меня так сильно подействует утрата подобного существа. Я по-настоящему привязался к Вильгельмине, да и она явно прониклась ко мне доверием. И надо же было нашей дружбе кончиться так трагически! Одно лишь меня

слегка утешало: после знакомства с Вильгельминой я уже никогда не буду смотреть с прежним отвращением на жгутоногих пауков.

Воспитание муравьеда

Держать коллекцию из двухсот птиц, рептилий и млекопитающих — примерно то же, что взять на себя заботу о двухстах младенцах ясельного возраста. От вас требуется изрядное терпение и упорный труд. Вы обязаны обеспечить их подходящим питанием и достаточно просторными клетками, следить, чтобы они не перегрелись в тропиках и не озябли, приближаясь к Англии. Вам надлежит освобождать своих подопечных от глистов, клещей и блох и содержать в безупречной чистоте их клетки и посуду.

Но прежде всего вы должны заботиться о хорошем настроении ваших зверей. Даже при самом лучшем уходе дикое животное не приживется в неволе, если будет хандрить. Естественно, речь идет о взрослых пленниках, но иногда в лесу попадает дикий детеныш, оставшийся без матери, которая погибла по той или иной причине. В таких случаях вам предстоит особенно прилежно потрудиться и поволноваться, а главное — вы должны быть готовы окружить звереныша столь важной для него заботой и теплом:

ведь через день-два вы превратитесь для него в родителя, малыш будет во всем полагаться на вас.

Понятно, такая ответственность отнюдь не облегчает вашу жизнь. Мне случалось выступать в роли приемного отца одновременно шести зверенышей, а это дело нешуточное. Не вдаваясь в другие подробности, представьте себе только, что вам надо встать в три часа ночи и спросонок бродить по комнате, готовя шесть бутылочек с молоком, вставляя, как говорится, спички в глаза, чтобы добавить в молоко нужное количество витаминных капель и сахара, и сознавать при этом, что ровно через три часа придется снова вставать и повторять всю процедуру. Однажды мы с женой отправились в зоологическую экспедицию в

Парагвай — похожую на башмак страну, что расположена почти в самом центре Южной Америки. Здесь, в глухом уголке равнин Гран-Чако, нам удалось собрать отменную коллекцию животных. В зоологической экспедиции вас подстерегают всевозможные эксцессы, не связанные с животными, зато изрядно действующие на нервы, а то и вовсе срывающие ваши планы. Слава богу, до тех пор нам еще не доводилось сталкиваться с политическими препятствиями. Однако на сей раз в Парагвае был совершен переворот, и нам пришлось выпускать на волю почти всех наших животных, а самим поспешно удирать в Аргентину на крохотном четырехместном самолетике.

Незадолго до нашего бегства в лагерь явился индеец с мешком, из которого доносились весьма необычные звуки, издаваемые то ли рожаящей виолончелью, то ли простуженным ослом. Индеец развязал мешок и вытряхнул из него обаятельнейшего звереныша. Это был детеныш большого муравьеда, которому исполнилось не больше недели от роду: величиной с крупного шпика; окраска шерсти — черная, пепельно-серая и белая; длинная узкая морда и малюсенькие, еще мутноватые глаза. По словам индейца, детеныш бродил в лесу и жалобно хныкал. Скорее всего, его мамашу прикончил ягуар.

Появление этого малыша поставило меня в затруднительное положение. Скоро нам улетать, а самолет так мал, что придется оставить большую часть снаряжения, чтобы захватить с собой пять-шесть животных, с которыми мы не хотели расставаться. В такой ситуации казалось безумием приобретать муравьедика — он и весит немало, да к тому же потребует ухода и кормления. И насколько мне было известно, еще никто не пробовал кормить из бутылочки детеныша большого муравьеда. Надо отказываться...

Только я принял это решение, как муравьедик, продолжая жалобно озираться мутными глазками, внезапно заметил мою ногу, радостно ухнул, взбежал по ноге вверх и улегся спать у меня на коленях. Я молча расплатился с индейцем и стал отцом одного из самых очаровательных детенышей, какие когда-либо встречались на моем пути.

Первая проблема почти тотчас заявила о себе. Бутылочка у нас нашлась, но наши запасы сосок пришли к концу. К счастью, тщательно обыскав все хижины маленькой деревушки, приютившей нашу экспедицию, мы все же обнаружили одну соску, очень старую и крайне негигиеничную на вид. После двух-трех фальстартов детеныш принялся сосать так энергично, что превзошел все мои ожидания. И все же кормление оказалось для нас мучительной процедурой.

Муравьеды в этом возрасте висят на мамашинной спине, и, поскольку мы взялись исполнять роль родителей, детеныш чуть не круглые сутки требовал, чтобы кто-нибудь из нас носил его на себе. А когти его достигали в длину семи-восьми сантиметров, и хватка была ой-ой. Во время кормления муравьедик нежно обнимал вашу ногу тремя лапами, а четвертой держался за палец руки и время от времени сильно сжимал его, полагая, что это может усилить приток молока из бутылочки. Под конец кормления вы чувствовали себя так, словно побывали в объятиях гризли, а ваши пальцы прищемило в дверях.

Первые дни я носил детеныша на себе, заботясь о его душевном равновесии. Муравьеду нравилось лежать у меня на плечах наподобие мехового воротника, свесив с одной стороны длинный нос, с другой — не менее длинный хвост. Стоило мне шевельнуться, как он от испуга вцеплялся в меня когтями, и я морщился от боли. Простившись с четвертой рубахой, я решил, что пусть уж лучше

муравьедик цепляется за что-нибудь другое, и предложил ему мешок, набитый соломой. Детеныш безропотно принял замену и в промежутках между кормлениями преспокойно лежал в своей клетке, обнимая мешок. Мы уже окрестили его Сарой, теперь явился повод прибавить к имени фамилию, и стал наш питомец Сарой Держимешок.

Это был образцовый младенец. В перерывах между трапезами Сара смиренно лежала на своем мешке, время от времени позевывая и демонстрируя розово-серый липкий язык длиной около тридцати сантиметров. А приходит пора кормиться — развивает такую энергию, что соска очень скоро из красной стала светло-розовой и уныло свисала с горлышка бутылки, а отверстие на конце расширилось до- размеров спичечной головки.

Когда настало время покидать Парагвай на весьма ненадежном с виду четырехместном самолете, Сара всю дорогу мирно спала на коленях у моей жены, тихо посапывая и выдувая ноздрями влажные пузырьки.

Прибыв в Буэнос-Айрес, мы первым делом решили сделать Саре что-нибудь приятное. А именно — купить ей новую, чудесную, блестящую соску. Мы очень постарались и наконец подобрали соску нужного цвета, размера и формы, надели на бутылку и преподнесли муравьедику. Сара была возмущена. При виде новой соски она негодуя заухала и метким ударом лапы отшвырнула бутылочку прочь. Она упорно отказывалась есть и не успокоилась, пока мы не вернули на место старую, изношенную соску. Удивительно прочная привязанность: прошел не один месяц после нашего возвращения в Англию, а Сара все еще отвергала любые попытки заменить соску.

В Буэнос-Айресе мы разместили своих животных в пустующем доме на окраине. Из центра, где мы поселились, туда было около получаса езды на такси, и нам приходилось проделывать этот путь дважды, а то и

трижды в день. Очень скоро мы убедились, что роль родителей муравьедика сильно осложняет нам общение с друзьями и знакомыми. Вы когда-нибудь пробовали в разгар обеда объяснить хозяйке дома, что вам немедленно надо уходить, чтобы покормить молоком муравьеда? Отчаявшись что-либо изменить, наши друзья, прежде чем звать нас в гости, стали справляться по телефону о часах кормления Сары Держимешок.

К этому времени Сара заметно подросла и стала куда самостоятельнее. После ужина она в одиночку совершала прогулку по комнате. Большое достижение, если учесть, что до тех пор она поднимала страшный крик, стоило нам хоть на шаг удалиться от нее. После прогулки ее тянуло поиграть. Игра заключалась в том, что Сара проходила мимо вас, задрав кверху носик и волоча по полу хвост, а вам полагалось поймать кончик хвоста и дернуть, в ответ на что она разворачивалась и легонько ударяла вас лапой. Этот маневр повторялся двадцать — тридцать раз, после чего следовало положить Сару на спину и минут десять чесать ей животик, меж тем как она с закрытыми глазами пускала от блаженства пузыри. Наигравшись, Сара послушно укладывалась спать. А попробуй уложить ее без игры — будет брыкаться, вырываться и хныкать, словом безобразничать, словно испорченный ребенок.

Когда мы наконец погрузились на пароход, стало очевидно, что Сара не слишком одобрительно относится к морским путешествиям. Во-первых, ей не нравился запах парохода; во-вторых, сильный ветер так и норовил сбить ее с ног каждый раз, когда она совершала прогулку по палубе; и наконец, самое отвратительное, палуба никак не хотела вести себя смирно. То в одну сторону наклонится, то в другую, и Сара, жалобно хныкая, качалась и билась носом о переборки и крышки люков. Во второй половине дня,

если у меня выдавалось свободное время, я выносил ее на прогулочную палубу, и мы вместе загорали, сидя в шезлонге. По просьбе капитана Сара даже совершила визит на мостик. Я-то подумал, что капитан был пленен ее обаянием, однако он признался, что просто захотел увидеть Сару поближе, чтобы выяснить, где у нее перед, а где зад.

Мы очень гордились Сарой, когда прибыли в Лондонский порт и она позировала для фоторепортеров с непринужденностью отпрыска какого-нибудь достославного рода. Она даже облизала одного репортера своим длинным языком. Это была великая честь, о чем я не преминул сообщить счастливицу, стирая липкую слюну с его пиджака. Я толковал ему, что Сара не каждого станет облизывать. Увы, судя по его лицу, мои слова показались ему малоубедительными.

Прямо из порта Сара отправилась в один из зоопарков Девоншира. Грустно было расставаться с нею, но нам регулярно сообщали, что муравьедик освоился, благополучно здравствует на новом месте и очень привязался к своему зрителю.

Через несколько недель мне предстояло выступить с рассказом о своей работе в Концертном зале, и организаторы решили, что будет неплохо, если я в заключение продемонстрирую каких-нибудь животных. Я сразу подумал о Саре. Администрация зоопарка и дирекция зала не возражали, но, поскольку дело было зимой, я попросил, чтобы Сару до выхода на сцену поместили в одной из артистических уборных.

Сара прибыла вместе со своим зрителем на Пэддингтонский вокзал, где я их и встретил. Она ехала в большой клетке, так как успела подрасти до размеров рыжего сеттера, и произвела немалый переполох на платформе. Заслышав мой голос, Сара бросилась к решетке и в знак нежного приветствия просунула

между прутьями свой тридцатисантиметровый влажный язык. Стоявшие поблизости люди кинулись врассыпную, приняв его за необычного вида змею, и нам не сразу удалось найти носильщика, который отважился бы везти клетку к выходу.

Добравшись до Концертного зала, мы выяснили, что здесь только что кончилась репетиция симфонического оркестра. По длинному коридору докатили клетку Сары до отведенного ей помещения, в эту минуту дверь распахнулась и навстречу нам, дымя огромной сигарой, вышел всемирно известный дирижер Томас Бичем. Сара немедленно заняла освободившуюся после него артистическую уборную.

Пока я излагал свой текст, моя жена развлекала Сару, бегая с ней взапуски по комнате, чем изрядно напугала одного из местных рабочих, который решил, что зверь напал на женщину, вырвавшись из клетки. Но вот наступил великий момент, под гром аплодисментов Сару вынесли на сцену. Чрезвычайно близорукая, как и все муравьеды, она не могла рассмотреть публику. Растерянно поглядела по сторонам, пытаюсь понять, откуда доносится шум, потом решила, что это не так уж и важно. Пока я расписывал достоинства Сары, она рассеянно бродила по сцене, заглядывала, громко фыркая, в углы, несколько раз подходила к микрофону и облизывала его (полагаю, сменившему нас артисту было потом нелегко от него оторваться). В тот самый миг, когда я рассказывал, как хорошо воспитана Сара, она разглядела стол посреди сцены и принялась чесать свою корму о его ножку, громко сопя от удовольствия. Ее проводили овациями.

После выступления Сара устроила в артистической уборной прием для избранных гостей, причем до того расшалилась, что затеяла беготню в коридоре. Наконец мы хорошенько укутали ее и посадили вместе со зрителем на ночной девонский поезд.

Сара вернулась в зоопарк основательно испорченным ребенком. Недолгое пребывание в роли звезды явно ударило ей в голову. Три дня она решительно отказывалась оставаться в одиночестве, бегала по клетке, громко ухала и принимала пищу только из рук.

Через несколько месяцев Сара, понадобилась мне для телевизионной программы и снова вкусила сладость публичных выступлений. На всех репетициях она вела себя образцово, если не считать попыток поближе изучить телевизионную камеру, которые приходилось пресекать силой. Когда все кончилось, Сара наотрез отказалась возвращаться в клетку. Понадобились соединенные усилия мои, моей жены, зрителя и заведующего студией, чтобы водворить ее обратно в узилище, ибо она успела еще подрасти: сто восемьдесят сантиметров от носа до хвоста, высота в холке — девяносто сантиметров, передние лапы толщиной с мою ляжку.

Недавно мы снова повидались с Сарой в ее зоопарке. С предыдущего свидания прошло полгода, и, откровенно говоря, я думал, что она нас забыла. При всей моей любви к муравьедам я первый готов признать, что они не обременены большим интеллектом, а полгода как-никак немалый срок. Однако стоило нам ее окликнуть, как она выскочила из спального отсека и подбежала к решетке, чтобы полизаться. Мы даже вошли в клетку и поиграли с Сарой — верный признак того, что она и впрямь нас узнала, потому что, кроме зрителя, никто не осмеливался вторгаться в ее обитель.

Но вот настала печальная минута расставания. Сара долго смотрела нам вслед, сидя на соломе и пуская пузыри. Как сказала моя жена, это было все равно, что оставлять родного ребенка в интернате. Сара

несомненно считала нас своими приемными родителями.

А вчера мы получили приятные новости: для Сары приобретен супруг. Правда, он еще слишком молод, чтобы помещать их в одну клетку, но ждать осталось недолго. Кто знает, может быть, на следующий год в это время мы станем дедушкой и бабушкой чудесного, резвого, здоровенького муравьедика!

Портрет Пабло

Странное дело: когда держишь у себя ручных животных, появляется склонность смотреть на них как на маленьких человечков, притом настолько сильная склонность, что вы даже начинаете приписывать им какие-то свои черты. Избежать антропоморфического подхода чрезвычайно трудно. Допустим, вы держите золотистого хомячка, смотрите, как он сидя ест орех, как его розовые лапки дрожат от возбуждения и защечные мешки наполняются запасами, и в один прекрасный день вам приходит в голову, что он — вылитый ваш дядюшка Амос, который точно так же восседает в своем любимом клубе, наслаждаясь солеными орешками и портвейном. И все: с этого дня, пусть хомячок остается хомячком, для вас он всегда будет одетым в рыжую меховую куртку миниатюрным дядюшкой Амосом с пухлыми щеками. Мало животных

наделено достаточно сильным и самобытным характером, чтобы устоять против такого сравнения, мало среди них ярких индивидуальностей, которые заставляют вас воспринимать их как есть, а не как подобие крохотных человечков. Из сотен отловленных мной для зоопарков или для себя животных наберется не больше дюжины, заметно выделявшихся среди своих сородичей самобытной индивидуальностью и решительно не дававших мне повода принимать их за какое-нибудь другое существо.

К их числу я могу отнести черноухую мармозетку, малютку Пабло. Собственно, все началось во время зоологической экспедиции в Британской Гвиане. Однажды вечером я сидел, притаившись, в зарослях по соседству с поляной и внимательно наблюдал за норой, в которой, по всем данным, обитало некое интересующее меня животное. Заходящее солнце окрасило небо в изумительный нежно-розовый цвет; на этом фоне особенно четко проступали могучие деревья, оплетенные, словно исполинской паутиной, ползучими растениями. Ничто не действует на человека так умиротворяюще, как вечерний тропический лес. Я упивался картинами и красками, и в душе моей царило отрешенно-чуткое состояние, которое буддисты почитают первой ступенью к нирване. Неожиданно мое полузабытье было нарушено протяжным писком такой силы, будто мне вонзили иголку в ухо. Осторожно поворачивая голову, я пытался рассмотреть, откуда исходит звук. Его не могли издать ни древесная лягушка, ни какое-либо насекомое; и на птичий голос непохоже: слишком резко и немелодично. Внезапно метрах в десяти над собой я увидел виновника. По толстому суку, как по шоссе, раздвигая прилепившиеся к коре орхидеи и другие паразитические растения, выступала крохотная мармозетка. Вот остановилась, присела на корточках и снова издала пронзительный

писк. На этот раз ей кто-то отозвался, и через несколько секунд на том же суку появились еще две мармозетки. Переговариваясь чирикающими голосами, вся компания пробиралась через орхидеи, тщательно исследуя листья и время от времени издавая ликующий возглас при виде жука или таракана. Одна из охотниц, наметив себе жертву, долго преследовала ее в орхидейной чаще, раздвигая лепестки с напряженным вниманием на своем крохотном личике. Только вознамерится схватить добычу — непременно что-то помешает, и насекомое успевает спрятаться за стеблем. В конце концов мармозетке повезло, и выброшенная наугад рука извлекла из листвы здоровенного таракана. Радостно чирикающая, охотница поспешно сунула в рот отбивающуюся добычу, чтобы, чего доброго, не вырвалась. С блаженной мордочкой мармозетка уплела таракана, после чего внимательно осмотрела свои руки с обеих сторон — не осталось ли еще кусочка?

Я был настолько увлечен картинами частной жизни мармозеток, что лишь после того, как маленький отряд скрылся в густеющих сумерках леса, почувствовал, что у меня онемела нога, а шейная мышца скована судорогой.

Следующая встреча с этими маленькими обезьянами состоялась много времени спустя, уже в Лондоне. Я зашел в один зоомагазин совсем по другому делу, и сразу же в глаза мне бросилась грязная, тесная клетка с десятком жалких взъерошенных мармозеток. Непрерывно толкаясь, они ютились на жердочке, которая явно была чересчур мала для всей ватаги. Вместе с взрослыми особями сидел исстрадавшийся детеныш. Тощенький, до предела запущенный, он был до того слаб, что его поминутно сталкивали с жердочки. Глядя на этих несчастных дрожащих зверушек, я вспомнил семейку веселых охотников среди орхидей в гвианском лесу и понял, что не покину лавку, не

попытавшись спасти хотя бы одну мармозетку. Через пять минут выкуп был внесен, самого маленького узника, визжащего от страха, извлекли из клетки и поместили в картонную коробку.

Дома я окрестил нового постояльца Пабло и представил его своим родичам. Они смотрели на него с явным недоверием, но как только Пабло освоился на новом месте, он принялся покорять сердца, и вскоре все мы превратились в его покорных слуг. Невзирая на малые размеры (он вполне мог поместиться в чайной чашке), Пабло был наделен исключительно властным характером. Этому маленькому Наполеону невозможно было противостоять; в головке величиной с грецкий орех явно помещался незаурядный мозг. Первое время мы держали Пабло в просторной клетке в гостиной, где ему отнюдь не грозило одиночество, однако в заточении он чувствовал себя неуютно, и мы стали выпускать его на час-другой. Как говорится, себе на погибель. Пабло быстро убедил нас, что клетка вообще не нужна, и она очутилась на свалке, а бывший ее обитатель свободно разгуливал по всему дому. Превратившись в крохотного члена семьи, он вел себя как хозяин дома, а с нами обращался как с постояльцами. С первого взгляда вы приняли бы его за диковинную белочку, но у этой белочки было совсем человеческое личико и лукавые, яркие карие глаза. Мягкая шерстка на туловище казалась пятнистой, потому что каждый волосок был разноцветным, с оранжевой, черной и серой полосой. Хвост — в черных и белых кольцах; на голове и шее шерсть шоколадного цвета, длинная, свисающая неровной бахромой на плечи и грудь. Крупные ушные раковины закрыты длинными кисточками тоже шоколадного цвета. Поперек лба, выше глаз и аристократически изогнутого носика, — широкое белое пятно.

Кто бы к нам ни приходил из людей, смысливших в животных, все в один голос твердили, что Пабло не протянет у нас долго. Дескать, мармозетки, уроженцы жарких тропических лесов Южной Америки, больше года не выдерживают климат Англии. Похоже было, что их «светлые» прогнозы и впрямь оправдаются, потому что через полгода у Пабло развилась какая-то форма паралича, и он совсем не мог двигать нижними конечностями. Упомянутые выше пророки предлагали умертвить беднягу; мы же делали все, чтобы его спасти. Пабло приходилось очень худо, и мы не могли оставаться безучастными зрителями. Четыре раза в день мы растирали ему теплым рыбьим жиром ноги, хвост и ягодицы, добавляли рыбий жир в его корм, включавший такие деликатесы, как виноград и груши. Несчастный малыш лежал на подушке, завернутый для тепла в вату, и мы поочередно ухаживали за ним. Больше всего он нуждался в солнечном свете, но английский климат не богат этим товаром, и соседи могли созерцать необычную картину, как мы целый месяц ходили с нашим увечным лилипутиком по саду, ловя каждый луч солнца. И что же вы думаете: под конец этого срока Пабло начал шевелить ступнями и подергивать хвостом. А еще через две недели он опять как ни в чем не бывало носился по всему дому. Мы были счастливы, хотя в комнатах еще много месяцев держался запах рыбьего жира.

Вместо того чтобы подорвать силы Пабло, болезнь, похоже, только закалила его; временами казалось, что ему вообще все нипочем. Мы не считали нужным его нзнеживать; единственная уступка заключалась в том, что зимой ему клали грелку в постель. Он к ней так привык, что даже летом не хотел ложиться спать без грелки. Спальней ему служил ящик комода в комнате моей матери; постель состояла из старого халата и куска шубы. Укладывая Пабло спать, полагалось

выполнить целый ритуал. Сначала мы расстилали в ящике халат и завертывали в него грелку, чтобы не обжигала. Из куска шубы делали нечто вроде косматого логова. Пабло забирался внутрь, сворачивался клубочком и блаженно зажмурился. Первое время мы задвигали ящик, оставляя лишь щелку для воздуха, чтобы Пабло не выходил утром слишком рано. Однако он очень скоро постиг искусство выдвигать ящик, проталкивая свою голову в щель.

Около шести утра Пабло просыпался оттого, что остыла грелка, и начинал искать теплый уголок. Пробежит по полу, живо влезет по ножке на кровать моей матери и приземлится на перине. С приветственным писком спешит к изголовью, забирается под подушку и нежится в тепле, пока хозяйка постели не решит, что пора вставать. Оставшись один, Пабло приходил в крайнее негодование и сердито кричал что-то, стоя на подушке. Убедившись, что хозяйка отнюдь не помышляет возвращаться в постель, чтобы согреть его, он семеня по коридору к моей комнате и лез под одеяло. Блаженно простирался у меня на груди и наслаждался жизнью, пока и я не вставал. Теперь уже мне приходилось выслушивать его ругательства, изрыгаемые с самым свирепым выражением совершенно человеческого личика. Изложив все, что он обо мне думал, Пабло выбегал и забирался в постель к моему брату. Оттуда его быстро изгоняли, и оставалось искать убежища у моей сестры, где ему удавалось еще немного вздремнуть перед завтраком. Это странствие из кровати в кровать происходило каждое утро.

На первом этаже Пабло было где погреться: в гостиной стоял высокий торшер, которым он прочно завладел. Зимой он устраивался под абажуром возле самой лампочки и наслаждался теплом. Мы поставили у камина стул с подушкой, но Пабло предпочитал торшер,

и приходилось ради него постоянно держать лампочку включенной. Естественно, это сильно отразилось на счете за электричество. Весной, с первыми теплыми днями, Пабло выходил в сад. Здесь его любимым местом была ограда; он либо сидел на ней, греясь на солнышке, либо сновал вверх и вниз, ловя пауков и прочие яства. Рядом с оградой стояло нечто вроде простенькой беседки из обросших вьюнками жердей; здесь Пабло укрывался от опасности. Много лет он состоял в непримиримой вражде с большим соседским белым котом. Этот зверь явно принимал Пабло за некую диковинную крысу, расправиться с которой считал своим прямым долгом. Не один томительный час провел он, подкрадываясь к противнику, но, поскольку белый кот на фоне зеленой травы был приметен, как снежный ком, ему не удавалось застичь Пабло врасплох. Сверкая желтыми глазами и облизываясь розовым языком, подходит ближе, ближе... А Пабло, подпустив его вплотную, срывается с места и мчится по ограде в свое укрытие. Очутившись в безопасности среди цветущих вьюнков, Пабло язвительно кричал что-то, будто уличный мальчишка, меж тем как обескураженный кот уныло бродил вокруг беседки, напрасно ища отверстие, куда он мог бы протиснуть свое дородное туловище.

Поблизости от ограды, между домом и зеленой беседкой, росли два молодых фиговых дерева. Мы окопали оба ствола глубокими канавами, которые наполняли водой в жаркую погоду. В один прекрасный день Пабло, беспечно щебеча себе под нос, шел по верху ограды и ловил пауков. Внезапно он поднял глаза и увидел, что его заклятый враг, белый котище, сидит впереди, преграждая путь к беседке. Оставалось только повернуть кругом и бегом возвращаться к дому, что и сделал Пабло, взывая о помощи громкими криками. Тучный кот не был таким опытным канатоходцем, он не мог развить на верху ограды

полную скорость, тем не менее просвет между ним и добычей сокращался. Кот почти догнал Пабло, когда они поравнялись с фиговыми деревьями; от испуга малыш споткнулся и с диким воплем шлепнулся прямо в канаву с водой. Тут же вынырнул и, продолжая кричать и фыркать, стал барахтаться в канаве. Кот с изумлением воззрился на невиданное водное существо. К счастью, до того, как он опомнился от удивления и выудил из воды добычу, я подоспел к месту происшествия и обратил в бегство белого охотника. Спасенный малыш был вне себя от ярости. Остаток дня он провел перед камином, завернутый в одеяло и что-то мрачно бормотал себе под нос.

Этот случай пагубно отразился на нервах Пабло: он целую неделю отказывался гулять по ограде, и стоило ему хотя бы уголком глаза увидеть белого кота, как он принимался кричать и не успокаивался, пока кто-нибудь из нас не сажал его к себе на плечо.

Пабло прожил с нами восемь лет. Казалось, в нашем доме поселился озорной гном: никогда нельзя было угадать наперед, какую штуку он выкинет в следующую минуту. Ему в голову не приходило приспособливаться к нам; это мы должны были подстраиваться под него. В частности, Пабло настаивал на том, чтобы есть вместе с нами и то же, что ели мы. Сидя на подоконнике, он получал на завтрак блюдечко овсянки или кукурузных хлопьев с теплым молоком и сахаром. В обед ему подавали зелень, картофель и ложку пудинга. Когда мы садились пить чай, приходилось силой отгонять его от стола, иначе он с ликующими воплями нырял в банку с вареньем, полагая, что оно предназначено исключительно для него. Любое возражение на этот счет вызывало у него крайнее негодование. Ровно в шесть часов полагалось укладывать его в постель; если мы запаздывали, он начинал метаться перед своим ящиком, возмущенно вздыбив шерсть.

Нам пришлось приучить себя, прежде чем захлопывать двери, проверять, не примостился ли наверху Пабло: почему-то ему нравилось сидеть и размышлять на дверях. Но больше всего он нас осуждал, когда мы вечером куда-нибудь уходили и оставляли его дома одного. Вернемся — не скрывает своего возмущения. Попытаешься заговорить с ним — поворачивается спиной, забивается в угол и оттуда сверлит вас негодующим взглядом. Через полчаса весьма неохотно простит вас и с царственной снисходительностью примет кусок сахара и блюдечко теплого молока на сон грядущий.

Сколько человеческого было в его реакциях! Когда на Пабло находило дурное настроение, он хмурился, ворчал и даже норовил вас ущипнуть. Когда же он был

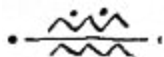
в нежном расположении духа, то подходил к вам с ласковым лицом, чмокая губами и высовывая язычок, взбирался на плечо и любовно пощипывал за ухо.

Нельзя было не восхищаться ловкостью, с какой Пабло передвигался по комнатам нашего дома. Ходить по полу было не в его обычаях, этот способ он не признавал. В своем родном лесу он прыгал бы с дерева на дерево, с лианы на лиану, но в обычном жилом доме нет таких усовершенствований. А потому трассой ему служили рамы картин. Сжимаясь в комочек, будто волосатая гусеница, хватаясь одной рукой и одной ногой, он с невообразимой скоростью переносился с одной рамы на другую, пока не приземлялся на подоконнике. По гладкому торцу двери Пабло взлетал проворнее и легче, чем вы поднялись бы по ступенькам лестницы. Иногда часть пути его подвозил пес, оседлав которого, он уподоблялся крохотному цепкому наезднику. Пес прочно усвоил, что личность Пабло священна, и глядел на нас с немой тоской, пока мы не снимали обезьянку с его спины. Он недолюбливал Пабло по двум причинам: во-первых, ему было невдомек, с какой стати такой крысopodobной твари разрешается командовать в доме; во-вторых, Пабло всячески норовил ему досадить. Вися на подлокотнике кресла, ловил миг, когда пес проходил мимо, и дергал его за усы или за шерсть, после чего одним прыжком удалялся на безопасное расстояние. Или же, дождавшись, когда пес уснет, молниеносно атаковал его беззащитный хвост. Впрочем, иногда между ними устанавливалось нечто вроде временного перемирия, и пес разваливался на полу перед камином, а Пабло, восседая на его боку, тщательно расчесывал косматую шерсть.

Когда пришло время Пабло уйти из жизни, он обставил свой уход трогательно и достойно. Несколько дней ему нездоровилось, и он лежал под лучами солнца

на своем куске шубы на подоконнике в комнате моей сестры. Однажды утром он стал отчаянным писком звать сестру, она перепугалась и закричала нам, что Пабло, похоже, умирает. Мы все бросили и побежали к ней на второй этаж. Обступив подоконник, внимательно осмотрели Пабло, но ничего тревожного не обнаружили. Он выпил молока и снова лег, глядя на нас бодрыми глазами. Мы заключили, что тревога была ложная, но внезапно Пабло весь обмяк. В ужасе мы силой разжали его челюсти и влили немного молока. Лежа на моих ладонях, он постепенно пришел в себя. Поглядел на нас, собрал последние силы, высунул язык и чмокнул губами в знак нежной любви. Откинулся назад и тихо умер.

Дом и сад сразу опустели без его гордой фигурки и яркой личности. Уже никто не кричал при виде паука: «Где Пабло?» Нас не будило в шесть утра прикосновение его холодных ног. Пабло сумел стать членом семьи, как ни один другой из наших питомцев, и его кончина была для нас настоящим горем. Даже соседский белый кот заметно приуныл, ибо без Пабло наш сад потерял для него всю прелесть.

Часть четвертая

Двуногие прямоходящие

Когда странствуешь по свету, коллекционируя животных, поневоле пополняешь свою коллекцию и представителями рода человеческого. К людским недостаткам я отношусь куда более нетерпимо, чем к изъянам животных, но мне явно везло, потому что чаще всего в своих путешествиях я встречался с чудесными людьми. Конечно, здесь играет роль профессия зверолова: людям всегда интересно познакомиться с представителем столь необычной специальности и они всячески стараются вам помочь.

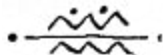
Одна из самых милых и мудрых женщин, с какими меня сталкивала жизнь, помогла мне втиснуть двух лебедей в кузов такси в центре Буэнос-Айреса, а всякий, кто когда-либо пытался перевозить живность в буэнос-айресском такси, оценит величие этого подвига. Один миллионер разрешил мне расставить клетки с зверьем на парадном крыльце его элегантной виллы и продолжал сохранять полную невозмутимость даже после того, как вырвавшийся на волю броненосец прошелся по самой роскошной клумбе что твой бульдозер. Однажды нас поселила у себя хозяйка борделя (и все девушки в свободное время выступали в роли наших горничных), причем она не побоялась оскорбить начальника местной полиции, защищая наши интересы. В Африке один человек, известный своей неприязнью к чужакам и к животным, полторы недели терпел у себя в доме не только нас, но и пеструю коллекцию лягушек, змей, белок и мангустов. Капитан одного парохода в одиннадцать ночи спустился в трюм,

сбросил китель, засучил рукава, стал помогать мне чистить клетки и готовить животным корм. Среди моих знакомых есть художник, который отправился за много тысяч километров, чтобы писать картины из жизни индейских племен, а, прибыв на место, настолько увлекся моими делами, что занялся отловом животных и не написал ни одной картины. Впрочем, он при всем желании не смог бы заниматься живописью, после того как я забрал у него все холсты на клетки для змей. Или возьмите маленького лондонца, служащего министерства общественных работ, который, совершенно не зная, что я за человек, вызвался отвезти меня за сотни километров на своем новеньком «остине» по совершенно жутким африканским дорогам, чтобы я мог проверить слух о поимке детеныша гориллы. Единственной наградой ему было зверское похмелье и лопнувшая рессора.

Иной раз мне попадались такие интересные и необычные люди, что я боролся с соблазном бросить животных и заняться антропологией. Но тут, как назло, дорогу переходил какой-нибудь неприятный образец. Полицейский чин, который цедил: «Наш долг, ребята, помогать вам, во всем помогать...» — и тут же делал все, чтобы испортить нам настроение. Инспектор в Парагвае, который, невзлюбив меня, две недели молчал о том, что местные индейцы поймали по моей просьбе чудного редкого зверя и ждали, когда я за ним приду. К тому времени, когда зверь попал в мои руки, он настолько ослаб, что не мог стоять на ногах и через двое суток умер от пневмонии. Моряк, который однажды ночью в приступе садистского юмора опрокинул несколько клеток, в том числе клетку с четой чрезвычайно редких белок и новорожденным бельчонком. Бельчонок погиб.

К счастью, такого рода типы редки. Я с лихвой вознагражден приятными знакомствами и все же буду,

пожалуй, держаться животных.

Мактуутл

Услышав, в чем заключается моя работа, меня непременно начинают спрашивать, чтобы я поподробнее рассказал о своих многочисленных приключениях в «джунглях», как люди упорно выражаются.

Возвратившись в Англию после первого путешествия, я с жаром описывал сотни квадратных километров дождевого леса, в котором жил и трудился восемь месяцев. Рассказывал, что у меня там было много чудесных дней и за все время я пережил одно лишь приключение, заслуживающее названия «жуткого», после чего мои слушатели заключали, что я либо не в меру скромнен, либо дурачу их.

Направляясь вторично в Западную Африку, я познакомился на пароходе с молодым ирландцем по фамилии Мактуутл; его ожидала какая-то работа на банановой плантации в Камеруне. Он признался мне, что еще никогда не выезжал за пределы Англии; Африка казалась ему самым опасным местом, какое только можно себе представить. Больше всего он явно страшился, что все ядовитые змеи африканского материка соберутся в порту встречать его. Чтобы

успокоить моего знакомого, я рассказал, что за многие месяцы, проведенные в лесу, встретил ровным счетом пять змей, да и те улепетнули так молниеносно, что мне не удалось поймать ни одной. Тогда Мактуутл спросил, опасно ли вообще их ловить; я ответил, как это и есть на самом деле, что большинство змей совсем нетрудно поймать, надо только не терять голову и хорошо знать повадки данного вида. Мои слова заметно утешили Мактуутла, и, сходя на берег, он поклялся к моему возвращению в Англию снабдить меня какими-нибудь редкими особями. Я сказал ему спасибо и тут же позабыл об этом разговоре.

Пять месяцев спустя я был готов отправляться в Англию с коллекцией, насчитывающей две сотни представителей разных видов, от кузнечиков до шимпанзе. Пароход должен был отходить поздно ночью, а незадолго до этого перед моим временным лагерем, взвизгнув тормозами, остановился небольшой фургон, и я увидел молодого ирландца в сопровождении нескольких друзей. Ликуя, он сообщил, что обещанные экземпляры ждут меня. Из его описания я понял, что на плантации, где он работал, есть большая канава, очевидно вырытая для дренажа, и в этой канаве полным-полно змей, мне остается лишь поехать туда и забрать их.

Он был так счастлив оттого, что нашел для меня столько ценных экземпляров, что у меня не хватило духу прямо сказать: хоть я и влюблен в свою профессию натуралиста, мне вовсе не улыбалась перспектива в полночь барахтаться в канаве, набитой гадами. К тому же он успел расписать мои подвиги своим друзьям, так что им тоже не терпелось посмотреть, как я ловлю змей. Скрепя сердце я заставил себя произнести, что готов отправиться на лов рептилий. Редко доводилось мне задним числом так сожалеть о принятом решении...

Вооружившись большим брезентовым мешком и палкой с металлической рогулей на конце, я вместе с возбужденными болельщиками втиснулся в фургон, и мы тронулись в путь. В половине первого машина остановилась перед домиком молодого ирландца, и мы пропустили по стаканчику, прежде чем идти к канаве.

— Может быть, вам понадобится веревка? — спросил Мактуутл.

— Веревка? Зачем это?

— Ну как же, чтобы спуститься в ров, — бодро объяснил он.

Я ощутил неприятное щекотание под ложечкой. Попросил подробнее описать мне ров и услышал, что длина его — около восьми метров, ширина — побольше метра, глубина — три с половиной метра. Товарищи Мактуутла принялись дружно заверять меня, что без веревки я туда не спущусь. Пока хозяин отправился искать веревку (мысленно я изо всех сил желал ему вернуться ни с чем), я живо пропустил еще стаканчик, снова и снова спрашивая себя: как это меня угораздило отмочить такую глупость — согласился ехать на какую-то дурацкую охоту за змеями?.. Ловить змей на деревьях, на земле, в мелкой канаве — еще куда ни шло, но скопище рептилий на дне глубокого рва, в который без веревки не спуститься, не сулило ничего хорошего. Заговорили об освещении, выяснилось, что ни у кого нет фонаря. Я сразу воспрянул духом, усмотрев повод отступить, не теряя достоинства. Однако молодой ирландец, вернувшийся к этому времени с веревкой, был твердо намерен одолеть все препоны на пути к осуществлению своего плана. Освещение? Он привяжет на веревочку керосиновый фонарь и лично спустит его в ров, чтобы осветить мне! Стараясь подавить предательскую дрожь в голосе, я поблагодарил его.

— Вот и хорошо, — сказал он, — Уверен, что вы будете вполне довольны. Этот фонарь куда лучше электрического, а свет вам еще как понадобится, ведь там этих чертей видимо-невидимо!

Нам пришлось еще подождать, пока подоспел брат ирландца со своей женой. Молодой хозяин считал, что будет очень жаль, если они упустят — быть может, единственный в жизни! — случай посмотреть, как ловят змей.

И вот маленькая группа в составе восьми человек шагает через банановую плантацию. Семеро оживленно смеялись и болтали, предвкушая ожидающее их представление, а я вдруг сообразил, что моя одежда вовсе не подходит для охоты на змей. На мне были тонкие шорты и легкие парусиновые туфли; даже самая тщедушная рептилия без труда пронзит зубами мою кожу при такой защите. Однако, прежде чем я успел сообщить об этом своим спутникам, мы уже очутились на краю рва. При свете лампы он показался мне удивительно похожим на просторную могилу. Описание моего молодого приятеля было достаточно верным, он забыл только уточнить, что сухие земляные стенки рва испещрены дырами и щелями, в которых могло укрыться несметное множество рептилий. Я наклонился над краем ямы, и услужливые руки опустили фонарь на веревочке вниз, чтобы я мог оценить обстановку и попытаться определить змей. До этой минуты я подбодрял себя надеждой, что бог милостив и мне предстоит потягаться с каким-нибудь безобидным видом, но, когда фонарь повис над дном, надежда эта мигом улетучилась, ибо я увидел, что ров кишит молодыми габонскими гадюками, а эти змеи относятся к самым ядовитым в мире.

Днем габонская гадюка крайне флегматична и поймать ее проще простого, однако ночью, когда змея оживает и выходит на охоту, она способна развить

грозную скорость. Молодые обитательницы рва были длиной побольше полуметра, толщиной сантиметров около пяти и явно чувствовали себя весьма бодро. Они резво ползали по кругу, то и дело поднимая стреловидную голову, чтобы обозреть лампу, и очень многообещающе манипулировали длинным языком.

Мне показалось, что всего гадюк восемь, однако их раскраска сливалась с цветом прелой листвы на дне ямы, и я вполне мог посчитать дважды одну и ту же змею. В это мгновение мой приятель тяжело ступил на край рва, обрушив вниз большой ком земли, рептилии дружно подняли головы и громко зашипели. Зрители отпрянули назад, и я решил, что сейчас самое время заявить об изъянах моей одежды. Мактуутл тотчас вызвался одолжить мне свои брюки из плотной саржи и крепкие башмаки. Отпала последняя зацепка. У меня не хватило духу больше возражать, и мы обменялись одеждой, скромно зайдя за куст. Мактуутл был телом покрупнее меня, так что брюки его висели на мне мешком; впрочем, как он справедливо заметил, подвернув внизу штанины, я только лучше защищу от укусов лодыжки...

С тоской в душе приблизился я снова к яме. Болельщики плотным кольцом окружили ров и взволнованно переговаривались. Я обвязался вокруг пояса веревкой (как вскоре выяснилось, скользящим узлом) и полез в яму. Мой спуск отнюдь не походил на воздушные движения театральной феи; стенка рва была далеко не прочной, и, пытаясь упереться ногами, я каждый раз сбрасывал вниз комья земли, чем вызывал недовольное шипение рептилий. А без опоры я болтался в воздухе на веревке, которую постепенно опускали мои спутники, и скользящая петля все больше врезалась мне в поясницу. Наконец, глянув вниз и убедившись, что до земли осталось всего около метра, я крикнул, чтобы перестали опускать, дескать, мне сперва надо

осмотреться и выбрать для приземления место, свободное от змей. Тщательное визуальное исследование показало, что как раз подо мной есть подходящий участок, и я скомандовал «майна!», всей душой надеясь, что мой голос звучит бодро и бесстрашно. Спуск возобновился, и тут одновременно произошли две вещи: во-первых, с одной ноги свалился одолженный мне башмак, во-вторых, фонарь, который никто из нас не сообразил получше накачать, почти совсем потух, так что света от него было не больше, чем от кончика сигары. В ту же секунду моя босая нога коснулась земли, и я ощутил дикий страх, равного которому не испытывал за всю свою жизнь.

Пока я стоял недвижимо, обливаясь холодным потом, фонарь поспешно подняли, накачали и опустили снова. Никогда еще меня не радовало так зрелище простого керосинового фонаря, как в эту минуту.

Дно рва озарилось ярким светом, и я несколько приободрился. Отыскал упавший ботинок, надел и еще больше воспрянул духом. Влажной от пота рукой взялся за палку с рогулей, пошел на ближайшую змею, пригвоздил ее к земле, схватил и сунул в мешок. Все это я проделывал спокойно, ибо процедура поимки проста и вполне безопасна, если только соблюдать необходимую осторожность. Надо точным приемом прижать голову рептилии к земле и крепко взять ее за шею, прежде чем поднимать. Одно меня беспокоило: пока я был занят очередным экземпляром, остальные тревожно метались крутом, и приходилось непрестанно следить за тем, чтобы нечаянно не наступить на змею, очутившуюся сзади тебя. Туловище габонской гадюки покрыто красивым сложным узором из коричневых, серебристых, розовых и светло-желтых пятен, и, как только змеи застывали на месте, рассмотреть их на пестром фоне становилось почти невозможно. Каждый раз, когда я пригвождал какую-нибудь из них к земле,

она шипела, будто кипящий чайник, а остальные сочувственно вторили ей. Очень неприятный звук.

Помню страшную минуту, когда я нагнулся за рептилией и вдруг услышал грозное шипение почти над самым ухом. Поднял голову и увидел сантиметрах в тридцати устремленные прямо на меня свирепые серебристые глаза. Путем некоторых сложных манипуляций мне удалось заставить гадюку опустить голову на землю, после чего я пустил в ход рогулю. По чести говоря, змеи боялись меня ничуть не меньше, чем я их, и всячески старались ускользнуть. Лишь после того, как палка прижимала их к земле, они начинали отбиваться и яростно ее атаковали, но зубы с ласкающим мой слух звоном отскакивали от металлической рогули. Правда, одна гадюка оказалась похитрее других: нацелившись на рукоятку, она впилась в дерево с такой силой, что повисла на палке, словно бульдог, и не хотела отпустить даже после того, как я оторвал ее от земли. Я сильно встряхнул палку, гадюка пролетела по воздуху, ударилась о стенку и с яростным шипением приземлилась на дне рва. При моей повторной атаке она уже не стала кусаться, и я без труда присоединил ее к своему улову.

За полчаса, проведенных во рву, я поймал двенадцать габонских гадюк; наверно, там оставались еще экземпляры, но я предпочел не испытывать судьбу через край. Распаренный, грязный, обливающийся потом, сжимая в одной руке мешок с громко шипящими змеями, я был извлечен болельщиками на поверхность.

— Ну что, — торжествуя произнес Мактуутл, пока я переводил дух, — разве я не обещал, что найду для вас интересные экземпляры?

Я молча кивнул, не в силах найти слова. Сел на землю, жадно закурил и попытался усмирить дрожащие руки. Лишь теперь, когда опасность миновала, я до конца осознал, как безрассудно поступил, согласившись

спуститься в змеиный ров, и как фантастически мне повезло, что я вышел живым из этой переделки. И я поклялся себе, если кто-нибудь спросит, опасна ли профессия зверолова, отвечать, что опасность этой профессии измеряется степенью вашей глупости.

Отойдя немного, я осмотрелся кругом и обнаружил, что одного из зрителей недостает.

— А где же ваш брат? — спросил я своего ирландского приятеля.

— А-а, он-то, — ответил Мактуутл с легким презрением, — Ему, видите ли, стало невмоготу глядеть на это. Ждет нас там, неподалеку. Вы уж извините его, не выдержал парень. Да и то сказать, страшновато было смотреть, как вы там возитесь со всеми этими гадами.

Себастиан

Не так давно мне довелось провести несколько месяцев в Аргентине; там я и познакомился с Себастианом. Он был по профессии гаучо — это южноамериканский эквивалент североамериканского ковбоя. Подобно ковбоям, гаучо в наши дни становятся редкостью, потому что аргентинские фермы и поместья все больше применяют машины.

Меня привели в Аргентину две причины: во-первых, я намеревался отловить для английских зоопарков представителей местной фауны, во-вторых, хотел заснять зверей на кинопленку в их естественной среде. Один мой друг владел крупным поместьем километрах в ста с лишним от Буэнос-Айреса, в районе, славящемся своей фауной, и, когда он предложил мне погостить там недельку-другую, я с величайшей готовностью принял его приглашение. К сожалению, дела не позволили хозяину составить мне компанию на этот срок, он извинился и сказал, что отвезет меня в поместье и познакомит с людьми, а сам будет вынужден тут же мчаться в город.

На маленьком полустанке меня ожидала двухместная коляска, мы затряслись по пыльному проселку, и мой друг поспешил — заверить меня, что все уже налажено.

— Я приставлю к тебе Себастиана, так что будет полный порядок.

— А кто этот Себастиан? — спросил я.

— Один из моих гаучо, — последовал не очень ясный ответ. — Он знает все, что стоит знать о здешней фауне. В мое отсутствие он будет заправлять хозяйством, так что со всеми делами обращайся к нему.

После того как мы перекусили на веранде главной усадьбы, хозяин предложил познакомить меня с Себастианом, мы оседлали коней и двинулись в путь. Перед нами простиралось мерцающее под лучами солнца море золотистых трав, торчали кущи высоченного чертополоха, где мы скрывались с головой. За полчаса мы добрались до эвкалиптовой рощи, посреди которой белело длинное низкое строение. В пропеченной солнцем пыли лежал огромный престарелый пес; он поднял голову, лениво тявкнул и снова задремал. Мы спешили и привязали коней.

— Этот дом Себастиан сам построил, — сообщил мой друг. — Должно быть, отдыхает где-нибудь там сзади.

Мы обогнули дом и увидели подвешенный к двум стройным деревцам здоровенный гамак, а в гамаке — Себастиана.

В первую минуту он показался мне карликом. Позже я установил, что его рост примерно сто пятьдесят пять сантиметров, но на обширной площади гамака он выглядел буквально лилипутом. Невероятно длинные и сильные руки свисали почти до земли; на фоне интенсивного темного загара белел пушок седых волос. Лица я не видел, оно было закрыто черной шляпой, которая ритмично вздымалась и опускалась в лад редкостно могучему и продолжительному храпу. Мой друг наклонился, взял одну из болтающихся рук Себастиана и, энергично дергая ее, во всю глотку заорал прямо в ухо спящему:

— Себастиан! Себастиан! Проснись, принимай гостей!

Столь громкое приветствие не возымело никакого эффекта, Себастиан продолжал храпеть под шляпой. Мой друг посмотрел на меня и пожал плечами.

— Вот так всегда — как уснет, хоть из пушек стреляй. Берись-ка за вторую руку, стащим его с гамака.

Я взялся за вторую руку Себастиана, и мы посадили его. Черная шляпа скатилась, я увидел круглое, загорелое, пухлое лицо, разделенное на три части золотистыми от никотина лихими усами и белоснежными бровями, которые загибались кверху, будто козлиные рога. Мой друг принялся трясти Себастиана за плечи, громко твердя его имя. Внезапно ниже седых бровей раскрылись сердитые черные глаза и воззрились на нас. Узнав хозяина, гаучо с покаянным воплем вскочил на ноги.

— Сеньор! — закричал он. — Как же я рад вас видеть... Вы уж простите меня, сеньор, вы тут приехали, а я дрыхну, как свинья... ради бога, простите. Я не ждал вас так рано, не то принял бы как полагается.

Мой друг представил меня, Себастиан пожал мне руку, затем повернулся к дому и заорал во всю глотку:

— Мария! Мария!

В ответ на ушераздирающий призыв показалась миловидная женщина лет тридцати, которую Себастиан с нескрываемой гордостью представил как свою жену. После чего сжал мое плечо могучей ручищей и пристально посмотрел на меня.

— Что предпочитаете, кофе или мате, сеньор? — небрежно осведомился он.

К счастью, мой друг успел меня предупредить, что первое впечатление Себастиана о человеке определяется ответом на этот вопрос. На кофе он смотрел с отвращением, почитая его напитком горожан и прочих испорченных представителей рода человеческого. Разумеется, я попросил мате — так называется аргентинский зеленый чай, настоянный на травах. Себастиан гневно уставился на жену.

— Ну? Ты что — не слышала, что сеньор хочет мате? Или гости должны стоять тут и помирать от жажды, пока ты таращишься на них, как сова на солнце?

— Вода уже закипает, — спокойно ответила женщина. — И гости вовсе не обязаны стоять, если ты предложишь им сесть.

— Не смей дерзить мне, женщина! — заорал Себастиан, топорща усы.

— Вы извините его, сеньор, — сказала Мария, нежно улыбаясь своему супругу. — Он всегда так волнуется, когда к нам приходят гости.

Лицо Себастиана уподобилось цветом кирпичу.

— Волнуется? — негодуяще воскликнул он. — Волнуется? Кто волнуется? Я спокоен, как дохлая

лошадь... прошу, сеньоры, садитесь... надо же, волнуется... сеньор, вы простите мою жену, у нее такая способность к преувеличениям, что, родись она мужчиной, отменно преуспела бы в области политики.

Мы сели в тени деревьев, и Себастиан закурил маленькую зловонную сигару, продолжая добродушно ворчать.

— Черт дернул меня жениться снова, — доверительно сообщил он нам. — Вся беда в том, что мои жены умирают раньше меня. Четыре раза был женат, и каждый раз, когда хоронил покойницу, говорил себе: «Все, Себастиан, довольно». Так нет, не успеешь оглянуться — снова женат! Душа тянет к одиночеству, но плоть слаба, и вся беда в том, что во мне больше плоти, чем души.

Он грустно обозрел свое великолепное брюшко, потом снова поднял на нас глаза, обнажив в широкой обезоруживающей улыбке светлые десны, где сохранилось всего лишь два сточенных зуба.

— Видно, никогда уже не избавиться мне от своей слабости, сеньор... да ведь мужчина без жены все равно что корова без вымени.

Мария принесла мате, и кастрюлька пошла по кругу. Пока мы поочередно тянули напиток через тонкую серебряную трубку, мой друг объяснил Себастиану, в чем состояла цель моего приезда. Гаучо внимал с большим интересом; услышав, что, возможно, понадобится снять несколько кадров с его участием, он пригладил усы и хитро глянул на супругу.

— Слыхала? — произнес он. — Меня будут показывать в кино. Так что ты уж укороти свой язычок, душечка, ведь женщины в Англии, как увидят меня на экране, гуртом ринутся сюда, драку из-за меня устроят.

— Как же, как же, — отпарировала жена. — Небось, такого добра и там хоть отбавляй.

Себастиан испепелил ее взглядом, потом обратился ко мне.

— Не беспокойтесь, сеньор. Я сделаю все, чтобы помочь вам в работе. Все, что вы пожелаете.

И он сдержал свое слово. Вечером мой друг отбыл в Буэнос-Айрес, а я остался в его поместье на две недели, и все это время Себастиан почти не отходил от меня. Наделенный неистощимой энергией и пламенным темпераментом, он быстро взял бразды правления в свои руки. Мне достаточно было слово сказать, и он тотчас все выполнял. Чем труднее и необычнее были мои задания, тем с большей радостью он за них брался. Никто не мог сравниться с ним в умении заставлять трудиться пеонов и наемных рабочих, причем добивался он этого, как ни странно, не уговорами и умасливанием, а тем, что бранил и поддразнивал их, пересыпая речь такими роскошными эпитетами, что люди вместо того, чтобы злиться, корчились от смеха и работали за милую Душу.

— Нет, вы посмотрите, — ехидно орал он, — вы только посмотрите на них... двигаются, точно улитки на птичьем клею... диву даюсь, как ваши лошаденки не ударяются в панику, когда вы скачете галопом, ведь даже мне слышно, с каким стуком ваши глазные яблоки перекатываются в пустых черепахах... да сложи вместе все ваши мозги, и то не хватит клопу на обед...

После чего пеоны, давясь от хохота, трудились с удвоенной энергией.

Конечно, им нравился его острый язык, но, главное, каждый знал, что Себастиан сам справится с любой работой, никого не заставит выполнять непосильное задание. Пеоны так и говорили о каком-нибудь совсем уж невозможном деле: «Это даже и Себастиану не под силу». Верхом на своем рослом вороном, в красно-синем пончо, облегающем плечи живописными складками, Себастиан выглядел весьма внушительно. Пустит коня

галопом и рассекает воздух свистящим лассо, показывая мне разные способы заарканивать бычков. Таких способов шесть, и Себастиан всеми владел одинаково ловко. Казалось, чем скорее скачет конь и чем больше неровностей на земле, тем точнее броски. Как будто бычков магнитом притягивало к канату, и Себастиан просто не мог промахнуться.

Если Себастиан мастерски владел арканом, то кнутом он буквально творил чудеса. На короткую рукоятку был насажен длинный тонкий ремень, и он никогда не расставался с этим грозным оружием. На моих глазах Себастиан, выхватив кнут из-за пояса, на полном скаку одним хлестким ударом аккуратненько срезал головку чертополоха. Выбить сигарету изо рта человека было для него пустячным делом. Мне рассказали прошлогодний случай, как один заезжий гость усомнился в искусстве Себастиана, и тот ответил тем, что распорол ему кнутом рубаху на спине, не коснувшись кожи. Но хотя Себастиан предпочитал послушный ему кнут другим видам оружия, он достаточно искусно владел также ножом и топориком. С десяти шагов рассекал топором спичечный коробок на две части. Да, с таким человеком, как говорится, лучше не вздорить...

Нередко мы с Себастианом отправлялись на охоту поздно вечером, когда выходят из нор ночные животные. Захватив фонари, мы покидали поместье сразу после наступления сумерек и возвращались в полночь, а то и в два часа ночи почти всегда с двумя-тремя представителями того или иного вида фауны. В ночной охоте нам помогал любимый пес Себастиана, престарелое существо неопределенной породы, со стесанными до корней зубами. Охотник он был идеальный — ведь даже схватив какого-нибудь зверька, пес не мог его повредить, поскольку зубов-то не было.

Но чаще всего он, выследив добычу, сторожил ее и подзывал нас отрывистым тьяканьем.

Как раз во время ночной охоты я воочию смог убедиться, какой могучей силой наделен Себастиан. Пес выследил броненосца, преследовал его несколько сот метров и загнал в нору. В охоте участвовали трое: Себастиан, один из пеонов и я. Мы с пеоном намного опередили коротышку гаучо, который в беге был не очень силен. К норе мы подбежали в ту самую минуту, когда броненосец успел наполовину скрыться в ней. Бросившись на землю, я ухватил добычу за хвост, пеон — за задние ноги. Но броненосец зарылся в стенки норы своими длинными передними когтями, и, сколько мы ни дергали и ни тянули, стронуть его было невозможно, словно он врос в цемент. Неожиданно зверь сильно рванулся вперед, и пеон впопыхах выпустил его ноги. Броненосец удвоил свои усилия, я почувствовал, как его хвост выскользывает у меня из пальцев. Тут, тяжело дыша, на помощь к нам подоспел Себастиан. Оттолкнул меня в сторону, взялся за хвост броненосца, хорошенько уперся ногами и дернул. Нас обдало комьями земли, и броненосец выскочил из норы, словно пробка из бутылки. Одним-единственным рывком Себастиан сделал то, чего мы не могли добиться вдвоем.

К числу животных, которых я намеревался снять на кинолентку, принадлежал нанду. Этот южноамериканский страус, как и его африканский родич, бегают что твой рысак. Мне хотелось заснять старинный способ охоты — верхом на лошадях и с применением болеодора. Речь идет о разветвляющейся веревке, к трем концам которой привязано по деревянному шару. Раскрутив ее над головой, охотник бросает шары, они обматываются вокруг ног птицы, и она падает на землю. Себастиан взял на себя организацию охоты; весь последний день моего

пребывания в поместье ушел на съемки. Предполагалось участие почти всех пеонов, и они явились утром в своих лучших одеждах, явно стремясь перещеголять друг друга. Сидя верхом, Себастиан мрачно обозревал их.

— Нет, Вы только посмотрите на них, сеньор! — Он презрительно сплюнул. — Вырядились, взбудоражены, а все потому, что мечтают увидеть свои физиономии на киноэкране. Тошно глядеть на них.

Тем не менее я заметил, что перед началом съемок Себастиан старательно расчесал свои усы.

Как я уже говорил, мы целый день парились под жарким солнцем, и к вечеру, когда были сняты последние кадры, все думали только об отдыхе. Все, кроме Себастиана: он выглядел свежим, как огурчик. На пути обратно к дому он предупредил меня, что назначил на сегодняшний вечер прощальный праздник в мою честь. Приглашены абсолютно все, будет много вина, много песен и танцев. Его глаза сияли предвкушением. Пришлось принять приглашение, у меня язык не поворачивался сказать ему, что я смертельно устал и не чаю, как бы скорее завалиться спать.

Празднество происходило в просторной задымленной кухне, при свете полудюжины мерцающих масляных ламп. Оркестр составляли три на редкость пылких гитариста. Надо ли говорить, что душой вечера был Себастиан. Он пил больше всех, оставаясь трезвым; он исполнял соло на гитаре; он пел всевозможные песни, от непристойных до трогательных, и ел за милую душу. А главное, он плясал, исполняя буйные танцы гаучо с их мудреными па и лихими прыжками, — плясал так, что дрожали потолочные балки, а шпоры сапог высекали искры из каменного пола.

В разгар веселья появился мой друг, который приехал из Буэнос-Айреса, чтобы отвезти меня в город.

Он присоединился к празднеству, мы сели в уголке и, потягивая вино, смотрели, как Себастиан отплясывает под одобрительные возгласы и аплодисменты пеонов.

— Фантастическая энергия, — не выдержал я. — Ведь он сегодня потрудился больше любого из нас, а теперь еще и всех переплясал.

— Что значит жить в пампе! — отозвался мой друг. — А вообще-то для своего возраста он и в самом деле феномен, согласен?

— В каком это смысле? — осторожно спросил я. — Сколько ему лет?

Друг удивленно воззрился на меня:

— Разве ты не знал? Через два месяца Себастиану исполнится девяносто пять.

--

Gerald Durrell, "Encounters with Animals" (1958)
Перевод: Лев Львович Жданов
Иллюстрации Ральфа Томпсона
По всему свету. Поймите мне коlobуса, М.: Мысль, 1980

notes

Примечания

1

С 1966 года — независимое государство Гайана, —
Прим. ред.